

Марта Чепреги

**СУРГУТСКИЙ
ДИАЛЕКТ
ХАНТЫЙСКОГО
ЯЗЫКА**

Департамент образования и молодежной политики ХМАО – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

Марта Чепреги

СУРГУТСКИЙ ДИАЛЕКТ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Ханты-Мансийск
2017

УДК 81
ББК 81.665.1
Ч 44

Рецензент: В.Н. Соловар, доктор филологических наук

Ч 44 **Чепреги М.**

Сургутский диалект хантыйского языка / Под ред. Н.Б. Кошкаревой; редактор хантыйского текста А.С. Песикова; перевод на русский язык: Т.А. Ефремова. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2017. – 275 с.

Настоящая монография представляет собой описательную грамматику слабо изученного сургутского диалекта, который относится к восточной диалектной группе хантыйского языка. Целью работы является освещение различных аспектов данного диалекта, на котором в настоящее время говорят ханты, проживающие в бассейнах рек Лямина, Пима, Тром-Агана, Агана, Малого и Большого Югана, Салыма, Демьянки.

Издание рассчитано на студентов, изучающих хантыйский язык, языковедов, преподавателей, сотрудников печати и культурных учреждений, а также на широкий круг читателей, интересующихся вопросами диалектов хантыйского языка.

Работа выполнена при финансовой поддержке Научного Фонда Венгрии (ОТКА) в рамках проектов № 104249 и № 107793.

© Марта Чепреги, 2017

© Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 2017

© ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», оформление, 2017

ISBN 978-5-6040448-0-3

От автора

Читатель держит в руках самое подробное описание сургутского диалекта хантыйского языка, которое существует на данный момент. Используя богатый иллюстративный материал, я представляю здесь фонетику, морфологию и синтаксис сургутского диалекта. Из области семантики и лексики затронуто лишь несколько вопросов. Разделы грамматики не во всех случаях четко отделены друг от друга: в 3-й главе морфологические и синтаксические аспекты, касающиеся различных частей речей, рассматриваются одновременно. Я осознаю, что грамматика сургутского диалекта содержит еще множество нерешенных проблем, но считаю, что данная монография послужит хорошей основой для дальнейших исследований.

Далее я обращаю внимание читателя на некоторые важные моменты технического характера. Хантыйский языковой материал последовательно выделен курсивом, а та часть предложений, которая содержит рассматриваемую грамматическую форму, полужирным шрифтом. Знак «=» обозначает границу между морфемами, знак «~» указывает на чередование, символ «>» обозначает направление изменения, а знак «/» показывает, что возможно несколько вариаций. Русский перевод заключается в марровские кавычки «'...'».

Часть иллюстративных примеров взята из уже опубликованных фольклорных текстов. Лексика и содержание этих предложений иногда могут показаться своеобразными, но они хорошо демонстрируют изучаемые языковые явления. Источником большинства примеров является составленный мной сборник «Сказки и рассказы сургутских ханты» (Ханты-Мансийск, 2015). Многие предложения были взяты из материалов анкетного опроса. Точный источник примеров я не указывала, так как это не принято при написании

практических грамматик. Библиография в конце книги включает данные всех публикаций на сургутском диалекте.

Когда подлежащим в примере является местоимение 3-го лица единственного числа, то в целях простоты при переводе на русский язык дается лишь форма мужского рода, в том числе и при глаголах прошедшего времени, за исключением случаев, когда однозначно требуется форма женского рода.

В процессе написания книги я находилась в постоянном контакте с редактором хантыйского текста издания Аграфеной Семёновной Песиковой, которую я благодарю за её ценные советы. Глава о фонетике практически полностью является результатом исследований Аграфены Семёновны. Также я выражаю благодарность всем представителям народа ханты, у которых я многому научилась в течение более чем двадцати лет исследовательской работы. За русский перевод настоящей монографии я выражаю признательность Татьяне Аркадьевне Ефремовой. Я также благодарна и Наталье Борисовне Кошкаревой, благодаря рецензии которой были уточнены некоторые неясные моменты в рукописи.

Марта Чепреги

Содержание

От автора	3
0. ВВЕДЕНИЕ.....	13
0.1. Ханты	13
0.2. Хантыйский язык	14
0.3. Территория распространения сургутского диалекта	15
0.3.1. Говоры и подговоры сургутского диалекта	15
0.4. История изучения диалекта и культуры сургутских ханты	17
0.4.1. Истоки	17
0.4.2. Этнографы среди сургутских ханты во второй половине XIX в.....	19
0.4.3. Лингвистические экспедиции на рубеже XIX–XX вв.	22
0.4.4. Процесс создания письменности.....	24
0.4.5. Научные центры в Сибири	27
0.4.6. Возвращение иностранных ученых.....	28
0.4.7. Фильмы, научно-популярные произведения о сургутских ханты	30
0.4.8. Сургутский диалект в международной научной литературе	30
0.4.9. Сургутский диалект в печатных изданиях ХМАО – Югры.....	31
0.5. Типологические особенности хантыйского языка.....	32
1. ФОНЕТИКА, ФОНОЛОГИЯ	35
1.1. Состав гласных фонем сургутского диалекта.....	35
1.1.1. Гласные первого слога.....	35
1.1.2. Гласные непервого слога.....	35
1.1.3. Характеристика гласных фонем	36

1.1.3.1. Долгие гласные	36
1.1.3.2. Краткие гласные	39
1.1.3.3. Сверхкраткие гласные	40
1.1.3.4. Неполный гласный	41
1.1.4. Особенности фонотактики гласных: обобщение	42
1.2. Состав согласных фонем сургутского диалекта	42
1.2.1. Классификация согласных	43
1.2.2. Общая характеристика согласных звуков сургутского диалекта в сравнении с системой согласных русского языка	43
1.2.3. Характеристика согласных по месту и способу образования	44
1.2.3.1. Шумные глухие согласные	44
1.2.3.1.1. Смычные согласные	44
1.2.3.1.2. Смычно-щелевые согласные	45
1.2.3.1.3. Щелевые согласные	46
1.2.3.1.4. Боковые согласные	47
1.2.3.2. Малошумные звонкие согласные	48
1.2.3.2.1. Щелевые согласные	48
1.2.3.2.2. Носовые согласные	48
1.2.3.2.3. Дрожащий согласный	49
1.2.3.2.4. Плавный согласный	49
1.2.4. Проблема огубленных заднеязычных согласных	50
1.2.5. Особенности фонотактики согласных	51
1.3. Письменность, орфография	52
1.4. Ударение, интонация	57
2. МОРФОНОЛОГИЯ	59
2.1. Чередование гласных	58
2.1.1. Чередование гласных при словообразовании	58

2.1.2. Чередование гласных при словоизменении	58
2.1.2.1. Чередование гласных при склонении существительных	59
2.1.2.2. Чередование гласных при спряжении глаголов	59
2.2. Выпадение звуков	60
2.3. Вставка звуков	61
2.4. Ассимиляция	61
2.5. Фонетическая структура слова.....	62
3. MORFOЛОГИЯ И СИНТАКСИС ЧАСТЕЙ РЕЧИ.....	65
3.1. Имена	64
3.1.1. Словообразование имен	65
3.1.1.1. Отглагольные имена	65
3.1.1.2. Отыменные имена	66
3.1.1.3. Словопроизводство в области языка, связанной с табу.....	70
3.1.2. Склонение имен	72
3.1.2.1. Категория числа имени существительного	73
3.1.2.1.1. Употребление форм единственного, двойственного и множественного числа	74
3.1.2.2. Категория притяжательности имени существительного.....	75
3.1.2.2.1. Употребление лично-притяжательных суффиксов.....	77
3.1.2.2.1.1. С точки зрения синтаксиса	77
3.1.2.2.1.2. С точки зрения семантики.....	79
3.1.2.2.1.3. С точки зрения построения текста.....	80
3.1.2.3. Категория падежа имени существительного ...	81
3.1.2.3.1. Морфонологические замечания.....	83
3.1.2.3.2. Функции падежных форм в предложении	84
3.1.2.3.2.1. Основной падеж	84
3.1.2.3.2.2. Направительный падеж	85

3.1.2.3.2.3. Местный падеж.....	86
3.1.2.3.2.4. Исходный падеж.....	87
3.1.2.3.2.5. Общеправительный падеж	89
3.1.2.3.2.6. Превратительный падеж.....	89
3.1.2.3.2.7. Творительный падеж.....	90
3.1.2.3.2.8. Совместный падеж.....	92
3.1.2.3.2.9. Лишительный падеж	94
3.1.3. Имена прилагательные.....	94
3.1.3.1. Степени сравнения прилагательных	95
3.1.4. Имена числительные	96
3.1.4.1. Количественные числительные	96
3.1.4.1.1. Простые.....	96
3.1.4.1.2. Сложные	97
3.1.4.1.3. Составные	97
3.1.4.2. Порядковые числительные.....	97
3.1.4.3. Способы выражения других количественных значений.....	98
3.1.4.4. Имена числительные в предложении	98
3.1.5. Местоимения.....	100
3.1.5.1. Личные местоимения	100
3.1.5.2. Указательные местоимения	108
3.1.5.3. Вопросительные местоимения	114
3.1.5.4. Неопределенные и обобщающие местоимения.....	116
3.1.5.5. Отрицательные местоимения	120
3.1.5.6. Роль местоимений в связности текста.....	122
3.2. Глаголы.....	123
3.2.1. Глагольные основы.....	124
3.2.2. Словообразование глаголов	125
3.2.2.1. Образование глаголов от имен существительных и прилагательных	126
3.2.2.2. Образование глаголов от глаголов	129

3.2.2.2.1. Акциональные суффиксы	129
3.2.2.2.2. Изменение валентности глаголов при словообразовании	134
3.2.2.3. Дополнительные замечания о словообразовании глаголов	137
3.2.3. Словоизменение глагола	139
3.2.3.1. Парадигмы спряжений глаголов	141
3.2.3.1.1. Действительный залог	141
3.2.3.1.1.1. Изъявительное наклонение	141
3.2.3.1.1.1.1. Субъектное спряжение	141
3.2.3.1.1.1.2. Объектное спряжение	144
3.2.3.1.1.2. Повелительное наклонение (императив)....	145
3.2.3.1.1.2.1. Субъектное спряжение	145
3.2.3.1.1.2.2. Объектное спряжение повелительного наклонения	146
3.2.3.1.2. Страдательный залог	147
3.2.4. Употребление глагольных форм	148
3.2.4.1. Употребление залогов	148
3.2.4.1.1. Действительный залог	148
3.2.4.1.2. Страдательный залог	148
3.2.4.2. Употребление наклонений	150
3.2.4.2.1. Изъявительное наклонение	150
3.2.4.2.2. Повелительное наклонение	150
3.2.4.3. Употребление субъектного и объектного спряжений	152
3.2.4.4. Употребление временных форм	156
3.2.4.4.1. Настояще-будущее время	156
3.2.4.4.2. Прошедшее время	156
3.2.4.4.3. Сложная форма будущего времени	157
3.2.5. Глагольное управление	158
3.2.5.1. Безличные глаголы	158
3.2.5.2. Одновалентные глаголы	158

3.2.5.3. Двухвалентные глаголы	158
3.2.5.4.Трехвалентные глаголы	159
3.3. Нефинитные формы глагола	161
3.3.1. Инфинитив	162
3.3.2. Причастие настоящего и прошедшего времени	164
3.3.2.1. Словообразование и словоизменение причастий	164
3.3.2.2. Семантика причастий	167
3.3.2.3. Синтаксис причастий.....	168
3.3.3. Деепричастие	179
3.3.4. Причастие отрицания	179
3.3.5. Синонимичные конструкции с нефинитными формами глагола	181
3.4. Наречия.....	182
3.4.1. Разряды наречий по семантике	183
3.4.2. Синтаксические функции наречий.....	185
3.4.3. Местоименные наречия.....	186
3.5. Служебные слова	186
3.5.1. Послелогии.....	187
3.5.1.1. Функции послеложных конструкций в предложении	188
3.5.2. Превербы	192
3.5.3. Союзы и союзные слова	195
3.5.3.1. Сочинительные союзы и союзные слова	195
3.5.3.2. Подчинительные союзы и союзные слова.....	197
3.5.4. Частицы.....	200
3.5.5. Междометия	205
4. ПРОЧИЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА И СЕМАНТИКИ	211
4.1. Простое предложение	206
4.1.1. Главные члены предложения	206

4.1.1.1. Подлежащее	206
4.1.1.2. Сказуемое	207
4.1.1.2.1. Глагольное сказуемое.....	207
4.1.1.2.2. Именное сказуемое	208
4.1.1.2.3. Неполные предложения.....	209
4.1.2. Второстепенные члены предложения	209
4.1.2.1. Определение.....	209
4.1.2.2. Прямое дополнение	210
4.1.2.3. обстоятельство	211
4.2 Сложное предложение	212
4.3. Порядок слов в предложении.....	213
4.4. Вопросительные предложения	214
4.5. Утверждение и отрицание.....	215
4.6. Выражение обладания	216
4.7. Согласование	216
4.8. К проблематике модальности	219
4.8.1. Выражение субъективной модальности.....	219
4.8.1.1. Выражение желания.....	220
4.8.1.2. Выражение возможности и естественной способности.....	220
4.8.1.3. Выражение приобретенной способности.....	221
4.8.2. Выражение ситуативной модальности.....	222
4.8.2.1. Выражение необходимости	222
4.8.2.2. «Можно» и «нельзя» по-хантыйски.....	223
5. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ СУРГУТСКОГО ДИАЛЕКТА.....	225
5.1. Фонетика, фонология	225
5.2. Морфология.....	227
5.2.1. Склонение имен	227
5.2.2. Спряжение глаголов.....	228
5.2.2.1. Две формы прошедшего времени.....	228

5.2.2.2. Полная парадигма повелительного наклонения	230
5.2.2.3. Сослагательное наклонение	232
5.2.2.4. Условное наклонение, условные причастия...	233
5.3. Синтаксис	234
5.4. Лексика	234
6. ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИКИ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА.....	242
6.1. Правильная просодия	237
6.1.1. Дополнительные элементы	238
6.2. Благозвучие	240
6.3. Сохранение архаичных грамматических форм...	241
6.3.1. Условное причастие с суффиксом –ң.....	241
6.3.2. Причастия в функции сказуемого.....	242
6.3.3. Повелительное наклонение в страдательном залоге	243
6.3.4. Архаичные лексические элементы	244
6.4. Избыточность	245
БИБЛИОГРАФИЯ	253
Список публикаций по языку и культуре сургутских ханты	247
Тексты, опубликованные на сургутском диалекте хантыйского языка	264
Учебники, учебные пособия, разговорники	267

0. ВВЕДЕНИЕ

0.1. Ханты

Хантыйский язык вместе с мансийским и венгерским составляют угорскую ветвь финно-угорской группы языков. Ханты и манси именуется обскими уграми, а их языки – обско-угорскими.

Общность, говорившая на праязыке, к которому восходят три современных угорских языка, вероятно, сложилась к востоку от Южного Урала. Первыми от этой общности приблизительно в середине I тыс. до н. э. отделились и направились на запад предки венгров. Обские же угры, то есть предки современных ханты и манси, в течение столетий продвигались на север и восток, заняв в результате районы Оби и ее притоков [Хайду 1985: 191–198].

Ханты населяют Западную Сибирь, среднее и нижнее течение Оби и берега её притоков. Административно места их проживания входят в Тюменскую и Томскую области. Большинство ханты проживает в относящемся к Тюменской области Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Меньшая их часть живет севернее, в Ямало-Ненецком автономном округе, а их самая восточная группа – в Томской области. На северо-западе ханты живут в соседстве и культурно-языковом взаимодействии с тундровыми ненцами и коми, на западе – с манси, на востоке – с лесными ненцами и селькупамми, на юге – с сибирскими татарами. Однако в настоящее время наиболее значительное влияние на все группы ханты оказывает язык и культура русского населения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года¹, общая численность ханты составляет 30943 человека. Почти все они, 29277 человек, проживают в Тюменской области: 19068 из них в Ханты-Мансийском Автономном

¹ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm

округе – Югре, 9489 человек – в Ямало-Ненецком автономном округе. В Томской области численность ханты составила 718 человек. Городских ханты насчитывается 11879 человек, сельских – 19064. 9584 человека указало, что владеет хантыйским языком (вероятно, все они заявили и о своей принадлежности к хантыйскому народу, но перепись не дает возможность установить данную взаимосвязь).

В связи с промышленным освоением территории Ханты-Мансийского автономного округа неуклонно возрастала доля приезжего населения – в результате коренные малочисленные народы сегодня составляют около 2% всего населения округа².

0.2. Хантыйский язык

Носители хантыйского языка проживают на обширной территории разрозненно, поэтому хантыйский язык отличается большой диалектной раздробленностью. Хантыйские диалекты значительно отличаются друг от друга с точки зрения фонетики, морфологии и лексики. Их принято делить в соответствии со сторонами света на северную, южную и восточную группы. Северная группа располагается примерно на территории от устья реки Оби до слияния Оби и Иртыша. Главные диалекты северной группы – среднеобский, казымский, шурышкарский и приуральский с несколькими говорами. На южных диалектах говорили вдоль Иртыша и его притоков Демьянки и Конды. К середине XX в. южные диалекты исчезли. Северные и южные диалекты имеют много общего, особенно в области фонетики, поэтому их вместе принято относить к западной группе.

По берегам среднего течения Оби и её притоков говорят на восточных диалектах. Носители самого восточного из них живут вдоль рек Вах и Васюган. Территория носителей

² http://www.admhmao.ru/wps/portal/hmao/ob_okruga/korennye_narody

сургутского диалекта располагается посреди остальных диалектов восточной группы. Салымский диалект по сути является переходным между восточными и южными диалектами: с точки зрения морфологии он принадлежит к восточной группе, с точки зрения фонетики – к южной.

0.3. Территория распространения сургутского диалекта

Сургутский диалект хантыйского языка является родным для группы восточных ханты, которые проживают на территориях Нефтеюганского, Сургутского, Нижневартовского районов Ханты-Мансийского автономного округа, а также в Уватском районе Тюменской области и в Надымском и Пуровском районах Ямало-Ненецкого автономного округа.

Из-за нефтяного освоения территорий традиционного природопользования многие семьи сургутских ханты перекочевали и ведут традиционную жизнедеятельность в Пуровском районе Ямало-Ненецкого автономного округа, в Белоярском районе Югры, Уватском районе Тюменской области. С переселением на территории других народов язык сургутских ханты подвергается ряду изменений.

0.3.1. Говоры и подговоры сургутского диалекта

Сургутский диалект включает ряд говоров: пимский, тромъёганский, аганский и юганский. Они, в свою очередь, делятся на подговоры: тромъёганский – на верхнетромъёганский и нижнетромъёганский, аганский – на варъёганский и нижеаганский, юганский – на малоюганский и большеюганский.

Пимский говор распространён в бассейне реки Пим, на среднем и нижнем течении реки Лямин. Подговоры тромъёганского говора: верхнетромъёганский (верховья реки Тромъёган и её притоков: Сукуръяуна, Нятлонгаягуна,

Тляттыягуна, Имиягуна, – бассейн озера Пякуто) и нижнетромъёганский (среднее и нижнее течение реки Тромъёган и притоков: Имиягуна, Ингуягуна, Ортъягуна, Лимпаса). Подговоры аганского говора: варьёганский (верховье реки Аган, притоки Ватьёган, Варьёган) и нижеаганский (среднее и нижнее течение реки Аган). Подговоры юганского говора: малоюганский (бассейн реки Малый Юган) и большеюганский (бассейн рек Большой Юган, Демьянки, верховье реки Салым).

Соседние подговоры, говоры, диалекты взаимодействуют и влияют друг на друга. Так на верхнетромъёганский подговор влияние оказывают казымский диалект и язык лесных ненцев. На варьёганском подговоре отражается соседство с лесными ненцами. Влияют друг на друга нижнетромъёганский и нижеаганский подговоры. То же взаимное влияние наблюдается и в случае малоюганского и большеюганского подговоров.

Точное число сургутских ханты доподлинно неизвестно. В ходе переписей вопрос о диалектной принадлежности носителей того или иного языка не задается. В районных администрациях также не уточняют, откуда родом те или иные представители коренных народов, даются лишь общие сведения обо всех малочисленных народах вместе. По Сургутскому району имеются данные о 3000 представителей коренных народов, примерно половина из которых ведет традиционный образ жизни³. В Нефтеюганском районе в 2014 г. насчитывалось 523 жителя из числа коренных народов, но сколько из них относится к салымским или сургутским ханты, либо же к другим народам, неизвестно⁴. В Нижневартовском районе проживающие по берегам Агана говорят на сургутском диалекте, а по берегам Ваха – на

³ <http://www.admsr.ru/region/peoples/overview/>

⁴ <http://www.admoil.ru/index.php/korennnye-narody-severa/obshchie-svedeniya>

ваховском, но какова их численность, официальная страница района не сообщает⁵.

По подсчетам Аграфены Семёновны Песиковой, носителей сургутского диалекта в Сургутском, Нижневартовском, Нефтеюганском, Белоярском районах, а также за пределами ХМАО: в Уватском районе и на территории Ямала – насчитывается порядка трех тысяч человек. Кроме этого сургутским диалектом владеет некоторая часть лесных ненцев и ханты из Казыма.

Цитирую А. С. Песикову: «По моим подсчетам в этнографических экспедициях (1992–2015) владеющие сургутским диалектом хантыйского языка по Юганам – 600 человек, по Пиму – 350, по Тром-Агану – 850, по Агану – 600, по Нумто – 30, по Салыму – 200. За пределами ХМАО: по Демьянке – 60, по Пякуто – 50. По городам: Сургут – 20, Нефтеюганск – 10, Нижневартовск – 5, Лангепас – 10, Пыть-Ях – 6, Ханты-Мансийск – 10, село Сытомино – 10».

0.4. История изучения диалекта и культуры сургутских ханты

0.4.1. Истоки

О финно-угорских языках, распространенных в Сибири, до начала XIX в. появлялись лишь обрывочные и случайные сведения, принадлежавшие перу путешественников, исследователей, миссионеров. Среди них самым подробным является описание Григория Новицкого [1715/1941], но и оно касается скорее междуречья Оби и Иртыша, а также низовий Оби, а не конкретно территории бытования сургутского диалекта.

На рубеже XVIII–XIX вв. появилась новая научная дисциплина – сравнительное языкознание. Оно изучает

⁵ http://nvraion.ru/poseleniya/news.php?ELEMENT_ID=38693

происхождение и родство языков. В то время выяснилось, какие языки относятся к финно-угорской языковой семье. Именно тогда в среде венгерских и финских ученых зародился интерес к живущим восточнее сородичам по языку. Исследователи отправлялись в экспедиции, длившиеся месяцами и даже годами, для того чтобы познакомиться с языком и культурой этих народов, в том числе и обско-угорских: ханты и манси. Ференц Тольди, главный ученый секретарь Венгерской Академии Наук, в 1842 г. сформулировал идеологическое обоснование этих исследований таким образом: «Нет у нас морей и заморских колоний, в которые могли бы мы послать экспедиции и расширить сферу мировой науки; нет у нас ни северного, ни южного полюса, куда могли бы мы отправить наших первооткрывателей, чтоб с восхищением и почтением взглянули на нас народы. Происхождение наше и сородичи по языку – тот полюс, на котором мы можем, и только мы можем, произвести открытия, и если не хотим мы ждать всего от иноземцев – и ждать тщетно – нам должно действовать» [Zsirai 1937: 534].

Первый венгерский путешественник Антал Регули (1819–1858) провел на Севере полтора года: с ноября 1843 г. по январь 1845 г. До сургутских земель он не добрался. Подобным же образом, лишь у северных ханты и манси, побывал в ходе трех экспедиций на Север (1858, 1877, 1880) и финский ученый Август Альквист (1826–1899).

Первые сведения о языке сургутских ханты принадлежат финну М. А. Кастрену (1813–1852). В 1845 г., направляясь к самоедам, он проезжал через хантыйские земли. Плывая вначале по Иртышу, а затем по Оби, он добрался до Сургута, познакомившись таким образом с диалектами южных и восточных ханты. На основе своих записей еще в августе 1845 г. во время пребывания в Сургуте он составил краткую

грамматику и небольшой словарь. На обратном пути он планировал поработать над ними более тщательно. Однако сделать это ему не довелось, так как, когда четырьмя годами позднее в 1849 г., будучи тяжело больным, он возвращался обратно, ему нужно было спешить, чтобы как можно скорее получить медицинскую помощь.

Вернувшись в Санкт-Петербург с записями по самодейским и палеосибирским языкам, первым к печати он подготовил материал по хантыйскому языку [Castrén 1849]. Это издание стало первым в серии, которой после смерти Кастрена занимался Антон Шифнер (*Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén I–XII, 1853–1862*). Шифнер переиздал и хантыйскую грамматику [Castrén–Schiefner 1858], немного её отредактировав: он исправил ошибки в немецком тексте, изменил транскрипцию с кириллицы на латиницу и дополнил издание немецко-хантыйским словарем.

Судя по грамматическому описанию, Кастрен уделял особое внимание иртышскому диалекту. В предисловии к книге он и сам замечает: «В отношении сургутского наречия материалов у меня совсем недостаточно» [Castrén 1849: 08]. В окрестностях Сургута Кастрен собирал данные в двух местах. В соответствии с этим он разделил материал на нижне- и верхнесургутский. Он подметил, что для сургутского наречия характерно чередование гласных, чего не наблюдается в южных диалектах. Также он заметил, что в определенных глаголах звук [o] чередуется с двумя разными гласными верхнего подъема [Castrén 1849: 67].

0.4.2. Этнографы среди сургутских ханты во второй половине XIX в.

Во второй половине 1800-х гг. в научные экспедиции в Западную Сибирь ездили многие, в том числе и те, кого

обско-угорские народы интересовали в первую очередь с этнографической точки зрения. Некоторым из них удалось побывать на территориях проживания сургутских ханты. Ими были: венгры Карой Папаи (1861–1893) и Янош Янко (1868–1902), швед Фредерик Мартин (1868–1933) и финн Ууно Таави Сирелиус (1872–1929). Среди российских ученых в этот период особо можно отметить деятельность А. А. Дунина-Горкавича (1854–1927).

Карой Папаи отправился в Приобье в качестве напарника венгерского лингвиста Берната Мункачи в 1888 г. Вместе они провели среди манси три месяца, затем Папаи направился на юг и восток. Из Томска, самого дальнего пункта своего путешествия, в октябре он поехал обратно по проложенному по Оби зимнику. В отчете о путешествии он пишет: «Истинных остяков я посетил на Васюгане, одном из крупных левых притоков Оби, прибыв на их землю 14 ноября. Вернувшись после этого на саму Обь, время от времени я делал остановки в пути для изучения остяков, живущих по берегам этой реки. Проводя подобные исследования и постоянно передвигаясь по замерзшей Оби, 6 января, в день русского Рождества, я приехал в городской центр самых северных земель – Берёзово» [Kodolányi 1973: 165].

Карой Папаи не успел опубликовать свои ценные записи при жизни. Собранный им лексический материал под названием «*Déli osztják szójegyzék*» («Словарь южно-остяцкого наречия») подготовил к печати Бернат Мункачи [Rárai–Munkácsi 1896]. Данное название объясняется тем, что в то время хантыйские диалекты, распространенные в среднем и верхнем течении Оби, относили к южной группе. В издании наряду с лексикой ваховского и васюганского – самых восточных диалектов, присутствуют и слова с пометами «сургутский» и «юганский». Так как Папаи был этнографом, он спрашивал у информантов названия предметов быта и

различных орудий, но его также очень интересовала мифология и верования, связанные с культом медведя. В его словаре в большом количестве встречаются имена божеств и идолов, названия священных мест, а также праздников.

Несколькими годами позже в Сибирь отправился шведский ученый Фредерик Мартин, изучавший до этого историю искусств, этнографию и археологию. Он побывал в Сургутском уезде в 1891 г. и опубликовал свои исследования о материальной культуре и образе жизни сургутских ханты в книге «Sibirica» [Martin 1897, Мартин 2004]. Языковые данные в ней отсутствуют, несколько хантыйских слов можно отыскать лишь в комментариях к рисункам.

Летом 1898 г. в приобские земли в рамках научной экспедиции по древней венгерской истории попал Янош Янко, где он проплыл по рекам Демьянка, Салым, Большой и Малый Юган. Собирая этнографические, антропологические и археологические сведения, он побывал во всех населенных пунктах на этих территориях. Он аккуратно записывал и названия собранных вещей, поэтому его дневник, опубликованный спустя более чем 100 лет после экспедиции, представляет ценность и с языковой точки зрения [Jankó 2000]. Записанный Янко словарный материал был издан и отдельно как приложение к дневнику. В нем указана и диалектная принадлежность слов [Csepregi 2000].

Финн У. Т. Сирелиус, отчасти по побуждению Яноша Янко и следуя его научной методике, отправился в экспедицию в 1898 г. Во время своей первой поездки, длившейся с июня по конец 1898 г., он побывал на самых восточных территориях расселения ханты – реках Васюган и Вах. Вторую экспедицию он начал у северных ханты и манси в июле 1899 г. До сургутских земель он добрался в конце сентября и провел там почти три месяца. За это время он посетил юганских, аганских, тромъёганских и пимских

ханты. Финно-угорское общество, финансировавшее поездки Сирелиуса, в 1983 г. выпустило тщательно отредактированный, переведенный на немецкий язык дневник ученого из первой экспедиции, дополнив его отдельным немецко-хантыйским словарем [Sirelius– Schellbach 1983, Сирелиус 2001]. В этом издании естественно содержатся лишь материалы по ваховскому и васюганскому диалектам. Второй дневник, относящийся к экспедиции 1899 г., с предположительно ценными данными по сургутскому диалекту, по сей день ждет публикации в рукописном фонде Национального музея Финляндии.

А. А. Дунин-Горкавич попал в Западную Сибирь в 1880 г. в качестве лесовода и чиновника. Его трехтомный очерк о географии, демографии, этнографии и статистике Тобольской губернии [1904, 1910, 1911] дает точную картину обстановки, сложившейся на рубеже XIX–XX вв. От чиновников того времени Дунина-Горкавича отличало то, что он интересовался и языком коренных народов. Он выпустил русско-хантыйско-ненецкий тематический словарь [1910] с очевидной целью облегчить общение между государственными служащими и коренным населением. Этот словарь в сопровождении нескольких самодийских был опубликован и Каем Доннером [Donner 1932], а затем в 1998 г. его репринт выпустила и Администрация Сургутского района. Хотя значительная часть словарного материала не является сургутской, а имеет особенности ваховского диалекта, всё же данное издание остается ценным источником.

Дунин-Горкавич и Янош Янко познакомились в Сургуте 17 августа 1898 г. Янко так пишет об этом знакомстве: «Поскольку Дунин-Горкавич (который написал в «Ежегодник» Тобольского музея блестящую статью об остяках) живет в Сургуте, я хотел посетить и его, но его позвал к себе доктор, и так мы познакомились с ним у этого доктора. Это

молодой поляк, католик, лесовод, который много поездил по этим местам, человек практический, и сейчас изучает вопрос, годятся ли окрестности Салыма и Югана для заселения русских и есть ли поблизости места для земледелия и выпаса скота» [Jankó 2000: 175].

0.4.3. Лингвистические экспедиции на рубеже XIX–XX вв.

В конце XIX – начале XX вв. на территории распространения сургутского диалекта материал собирали два финских языковеда: Хейкки Паасонен (1865–1919) и Кустаа Фредрик Карьялайнен (1871–1919). Х. Паасонен провел в Приобье десять месяцев: с осени 1900 по май 1901 г. Из Тобольска, своего первого пункта остановки в Сибири, он отправился в деревню Демьянское. Там он встретил одного талантливого остяка с устья Конды, которого нанял в качестве консультанта по языку. В октябре перед тем, как река замерзла, Х. Паасонен вместе со своим консультантом на последнем корабле уплыл в Сургут и работал с ним до конца февраля. Лишь в марте 1901 г. он переключился на изучение сургутского диалекта, но в конце мая, получив известие об освобождении вакансии профессора финского языка в университете Хельсинки, он прервал свою экспедицию и вернулся в Финляндию.

К. Ф. Карьялайнен, будучи стипендиатом Финно-угорского общества, с учетом небольших перерывов пробыл в Сибири четыре года (1898–1902). Он побывал на всей территории распространения хантыйского языка, собирал как лексику, тексты, грамматические парадигмы, так и сведения по мифологии. На землях сургутских ханты, откуда временами он совершал и дальние поездки, он находился с конца 1899 по июль 1901 г. Особенно значительным является материал, собранный финским ученым на реке

Тромъёган, но бывал он и на реках Пим и Аган, а также на границе сургутской и ваховской диалектных зон – в поселениях Вартовское и Ликрисовское.

Оба исследователя умерли относительно молодыми, поэтому при жизни они не успели подготовить свои рукописи к печати. Материал, собранный для словаря Х. Паасоненом, опубликовал Кай Доннер [Paasonen–Donner 1926], а материалы К. Ф. Карьялайнена – Ю. Тойвонен [Karjalainen–Toivonen 1948]. Подготовкой к изданию остальной части наследия ученых Финно-угорское общество поручило заняться венгерскому языковеду Эдит Вертеш. Вначале появились грамматические заметки [Karjalainen–Vértes 1964; Paasonen–Vértes 1965], затем южнохантыйские тексты [Karjalainen–Vértes 1975; Paasonen–Vértes 1980] и в конце четыре юганских сказки, которые Х. Паасонен записал в последние дни своего пребывания на сургутских землях [Paasonen–Vértes 2001]. Изданием восточнохантыйских текстов К. Ф. Карьялайнена также должна была заниматься Эдит Вертеш, но ей не довелось этого сделать. Подготовку восточнохантыйских рукописей к печати взяла на себя Марта Чепреги и на XI Международном конгрессе финно-угроведов отчиталась о проделанной ей работе [Чепреги 2011б]. Рукопись содержит 68 страниц записей, сделанных в Тромъёгане, семь страниц с заметками из Ликрисовского, а также 89 страниц материала, собранного на Васюгане.

0.4.4. Процесс создания письменности

В течение 20-го столетия вплоть до 1990-х иностранные ученые крайне редко могли попасть в районы Оби. Исследовательская работа однако не прекращалась: продолжалась обработка и издание материалов, собранных ранее. В то же время в Советском Союзе изучением языка и культуры сибирских народов стали заниматься организованно: в специальных учреждениях. Центром этих исследований стал Институт народов Севера в Ленинграде. Наряду с научным

изучением нужно было претворять в жизнь и практические цели, создавать алфавиты для народов, не имевших письменность. В случае хантыйских диалектов эта работа началась в 1930-х гг. Вначале на основе латиницы был создан алфавит для обдорского и казымского диалектов, позже в 1937 г. латиница была заменена кириллицей. В 1940-х гг. появился шеркальский (среднеобский), затем шурышкарский алфавит, на этих диалектах стали издаваться учебники и литературные тексты, оригинальные произведения и переводы.

В создании хантыйской письменности важная роль принадлежала немцу Вольфгангу Штейницу (1905–1967), который в 1934–1937 гг. находился в Советском Союзе. Он разработал несколько вариантов письменности для казымского диалекта, которые позднее легли в основу алфавитов других наречий. Будучи профессором Института народов Севера, через обучающихся там студентов он познакомился практически со всеми хантыйскими диалектами. С июля по октябрь 1935 г. он ездил по территориям северных ханты от поселения Шеркалы до Обдорска (ныне Салехард). После Второй мировой войны до конца жизни он жил в Берлине. Его деятельность затрагивала все финно-угорские языки, но всё же его скорее считают специалистом по обско-угорской группе. Исследования Штейница, касающиеся хантыйских диалектов и хантыйской культуры, были опубликованы после его смерти в виде четырех объемных томов [Steinitz 1975–1989]. Внушительный по размерам этимологический и диалектный словарь Штейница [Steinitz 1967–1991], при написании которого были использованы все доступные источники по хантыйским диалектам, также содержит значительные материалы на сургутском наречии.

Одним из самых талантливых студентов Штейница был Николай Иванович Терёшкин (1913–1986), который стал первым профессиональным языковедом из народа ханты.

Он родился и вырос в районе устья Иртыша, то есть там, где сходятся три основных группы хантыйских диалектов. В конце 1940-х гг. он собирал тексты на территориях низямских, шеркальских и казымских ханты: до сих пор они хранятся в виде рукописей. В 1950-х гг. он изучал восточные диалекты хантыйского языка. В результате появилась книга о ваховском диалекте, состоящая из грамматической части, текстов и небольшого словаря [1961], а также словарь, содержащий лексику всех восточных диалектов хантыйского языка [1981]. С именем Н. И. Терёшкина связана разработка письменности для восточнохантыйских диалектов и издание первых азбук на ваховском [1958] и сургутском [1959] диалекте. Благодаря основательной подготовленности Н. И. Терёшкина в области теории, а также тому, что в первые 20 лет развития хантыйской письменности были решены самые важные вопросы (например, об использовании латиницы или кириллицы, обозначении долготы или же краткости гласных, о проблеме редуцированных гласных), алфавиты восточнохантыйских диалектов точно отражают систему фонем ваховского и сургутского диалектов и орфография вплоть до последнего времени не нуждалась в реформировании (подробнее об этом см. в главе 1).

Н. И. Терёшкин работал в филиале Советской Академии Наук, но одновременно, если находил подходящих студентов, преподавал и в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена. Наиболее полно он смог передать свои знания А. С. Песиковой (род. 1951), которая включилась и в работу по написанию учебников. Так, например, в учебнике Н. И. Терёшкина, вышедшем в 1975 г., встречаются тексты, написанные Песиковой. На сегодняшний день она является специалистом, обладающим самыми надежными знаниями в области филологии сургутского

наречия. Ей также принадлежит авторство или же соавторство учебников, используемых в школах (с 1-го по 5-й класс).

А. С. Песикова была одним из информантов по сургутскому диалекту венгерского исследователя Ласло Хонти (род. 1944), который зимой 1976–1977 гг. изучал хантыйские диалекты в ходе трехмесячной стажировки в Институте народов Севера. В сущности говоря, если не брать во внимание школьные учебники, то Хонти был первым, кто опубликовал тексты на сургутском диалекте [Honti–Rusvai 1977; Honti 1978]. До того момента знания иностранных ученых о строе языка основывались лишь на грамматических заметках и словарях Х. Паасонена и К. Ф. Карьялайнена. Тексты Х. Паасонена [Paasonen–Vértes 2001] появились намного позже, и Еремей Айпин (род. 1948) начал публиковать свои литературные произведения лишь в 1980-х гг.

0.4.5. Научные центры в Сибири

В начале XX в. научные экспедиции в Западную Сибирь организовывал и Государственный Русский музей тогда еще города Ленинграда. Сотрудница музея Р. П. Митусова (1894–1937) проводила этнографические и демографические исследования в 1924–1925 гг. среди аганских ханты [Митусова Р. П. 1925, 1926, 1929]. Позже всё более важную роль стали играть научные центры Сибири. Этнографы из Томского университета Н. В. Лукина (род. 1937) и В. М. Кулемзин (род. 1938) начиная с 1970-х гг. побывали в многочисленных экспедициях – в том числе и среди сургутских ханты – и постоянно отчитывались о результатах в своих статьях и книгах (см. библиографию). Н. В. Лукина перевела с немецкого языка многие произведения, например, внушительную трилогию К. Ф. Карьялайнена по мифологии обских угров [1994–1996], путевой дневник Сирелиуса [2001], и, будучи научным руководителем и редактором, она активно участвует в формировании и

воспитании новой обско-угорской интеллигенции. Исследования по этномузыкологии [Назаренко 2000, 2005] среди ханты проводили сотрудники Новосибирской консерватории. В сургутских экспедициях участвовала одна из екатеринбургских этнографов Е. Перевалова [Перевалова-Карачаров 2006].

Центром языковых исследований является Новосибирский университет. Вначале там занимались северохантыйскими и мансийскими диалектами, но в последнее время Н. Б. Кошкарёва заинтересовалась и сургутским наречием. Ей принадлежит значительное количество собранных текстов [2003, 2004, 2005, 2006] и многочисленные публикации по лингвистике [2001, 2001, 2004, 2005, 2007, 2014]. Она сформулировала и теоретические основы реформы в области орфографии хантыйского языка [2013]. А. Ю. Фильченко и О. С. Потанина из Томского университета главным образом исследуют ваховское и васюганское наречия, но появляются там и более крупные обобщающие труды, например, о повелительном наклонении в угорских языках [Диденко 2010]. В Сургутском же университете сургутским диалектом занимаются В. М. Глушак [2006, 2013] и А. А. Главан [2006].

В 1990-х гг. исследования стали проводиться ближе к местам проживания носителей языка, одна за другой появлялись научные лаборатории. В Ханты-Мансийске в 1991 г. сформировался Институт возрождения обско-угорских народов, который, пройдя через ряд изменений и переименований, функционирует и сегодня под названием Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок.

В Сургутском и Нижневартовском районах у института имеется два филиала: в Лянторе и Варьёгане. Сотрудники Варьёганского филиала занимаются сбором материалов не

только по языку лесных ненцев, но и аганских ханты, так как в этом регионе ненцы и ханты живут в близком соседстве.

Также в 2001 г. в Ханты-Мансийске был основан Югорский государственный университет.

0.4.6. Возвращение иностранных ученых

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. перед иностранными исследователями вновь открылась дорога в Сибирь. Первым среди сургутских ханты, в 1989 г., побывал финский этнограф Юха Пентикяйнен [Pentikäinen 1997, 1998]. Он познакомился с Иваном Степановичем Сопочиным, самым известным знатоком традиций тромъёганских ханты. Эту же семью в 1991 г. посетила и венгерский этнограф Агнеш Кережи, а на следующий год к ней присоединились этномузыковед Каталин Лазар и языковед Марта Чепреги. Все вместе они собирали материал два раза: летом 1992 и 1993 г., – а кроме того они ездили в экспедиции и по отдельности. Их информантами были ханты из районов Тромъёгана и его притоков (Агана, Имиягуна, Ортъягуна, Ингуягуна, Вокырапъягуна), а также с верховий Большого Югана. Собранный тогда материал был опубликован в отдельной книге [Kerezi–Lázár–Csepregi 1997] и многочисленных статьях (см. библиографию). В 2000-х гг. Марта Чепреги возила в экспедиции и своих студентов, многие из которых стали заниматься научной деятельностью, а двое уже защитили кандидатские диссертации [Gugán 2013, Schön 2014]. Также в Хельсинки под руководством Марты Чепреги хантыйский язык начала изучать и японка Сачико Соса [Sosa 2009; Csepregi–Sosa 2009]. Сотрудничество национальной интеллигенции и иностранных исследователей продолжилось и в Европе. Среди сургутских ханты в настоящий момент наиболее востребованным специалистом, на чьи языковые и лингвистические познания полагаются в нескольких университетах (в Будапеште, Мюнхене, Хельсинки, Тампере), является Л. Н. Каюкова (род. 1966). Ранее таким специалистом

была А. С. Песикова. О. И. Сопочина (род. 1988) участвовала главным образом в будапештских проектах.

Среди этнологов нужно отметить эстонского ученого Анзори Баркалая [Barkalaja 2002], англичанина Питера Джордана [Jordan 2003], немца Штефана Дудека [Dudeck 2013], каждый из которых на основе своих исследований опубликовал монографию, а также многочисленные статьи. Результаты экспедиции на Юган изложили в совместной книге американец Эндрю Вигет и московский этнограф Ольга Балалаева [Wiget–Balalaeva 2011]. Из финских этномузыковедов на территории сургутских ханты материал собирал Яркко Ниemi [Niemi 2001].

0.4.7. Фильмы, научно-популярные произведения о сургутских ханты

Эстонец Леннарт Мери (1929–2006), с 1991 по 2001 гг. занимавший должность президента Эстонской Республики, в советское время снял несколько этнографических фильмов о финно-угорских народах. В 1985 и 1988 г. он запечатлел обряды медвежьего праздника у аганских ханты. Для того чтобы снять фильм, он собрал местных жителей, стариков и молодых, хорошо знающих традиции. В фильме «Тоогуми ројад» («Сыновья Торума») ему удалось задокументировать такие знания, которые бы бесследно исчезли вместе с уходящим старшим поколением [Meri 1989]. О жизни коренных народов во многих своих фильмах рассказывала сотрудница сургутского телевидения Ольга Корниенко. Первый документальный фильм («Путём Хозяйки Агана») она сняла в 1996 г. во время поездки на лодках, организованной поэтом Юрием Вэллой, представителем лесных ненцев. Венгр Дьёрдь Пал Гадо снял два фильма о жизни потомков Ивана Степановича Сопочина: «A hanti sámán hagyatéka» («Наследие хантыйского шамана») [Gadó 1999] и «Alizka» («Алиска») [Gadó

2008]. Эржи Винтер на основе фотографий, сделанных среди тромьёганских ханты в экспедиции 1991 г., издала фотоальбом «Szibériai rokonaink» («Наши сибирские сородичи») [Winter 1995]. Предисловие к нему написала Агнеш Кережи, а стихи на хантыйском языке А. С. Сопочина (Песикова). Жизнь аганских ханты описывает в своей книге, богато украшенной иллюстрациями, финка Марианна Флинкенберг-Глушков [Flinckenberg-Gluschkoff 2011].

0.4.8. Сургутский диалект в международной научной литературе

Несмотря на то, что изучением северных хантыйских диалектов занимается бóльшее количество исследователей и по времени началось оно раньше, в международной научной литературе сургутское наречие все больше выходит на первый план. Во многих пособиях, дающих обзор всех финно-угорских языков, хантыйский язык представлен именно сургутским диалектом. Отчасти это заслуга Ласло Хонти, который, опираясь на записи по грамматике К. Ф. Карьялайнена [Karjalainen–Vértés 1964] и собственные исследования, составил грамматику сургутского наречия и опубликовал её в американском [Honti 1988] и российском издании [Хонти 1993]. Несколько лет спустя в одном англоязычном пособии в главе под названием «Хантыйский язык» снова был представлен сургутский (тромьёганский) диалект [Abondolo 1998]. В том же году сургутская грамматика появилась и на венгерском языке [Csepregi 1998].

В последние годы всё больше текстов и аудиозаписей становятся доступными в интернете. На интернет-странице Мюнхенского университета им. Людвига-Максимилиана размещена крупная база по обско-угорским языкам, которая содержит аудиозаписи, издания и морфологически проана-

лизированные тексты на сургутском диалекте⁶. Будапештский университет Л. Этвёша, в свою очередь, составил базу данных по типологии, в которой в том числе представлены и сведения по морфологии и синтаксису сургутского диалекта⁷.

0.4.9. Сургутский диалект в печатных изданиях ХМАО – Югры

К счастью, в последние годы число изданий на сургутском диалекте увеличилось и там, где проживают носители языка: в Ханты-Мансийском автономном округе. Основную их часть используют в школьном обучении (см. раздел «Учебники, учебные пособия, разговорники» в библиографии), но издаются и произведения иного характера. Самый известный писатель, вышедший из сургутских ханты, Еремей Айпин писал на родном языке лишь свои первые произведения, но они пережили много изданий и уже являются частью школьной программы [1981, 1991, 2003а, 2003б]. Людмила Каюкова в 2005–2012 гг. раз в месяц отправляла в газету «Ханты ясӑн» материал на сургутском наречии количеством в полосу. С 2014 г. в Сургутском районе под редакторством А. С. Песиковой стала выходить ежемесячная газета «Айкӧл» на сургутском диалекте хантыйского языка с переводом на русский. В школе-интернате д. Русскинской также выходит газета «Тӧрӧм-йӧвӧн кӧсӧлит» – ‘Тром-Аганские звёздочки’ на тром-ӧганском говоре сургутского диалекта с переводом на русский язык, в которой печатаются тексты, написанные самими школьниками. Издаются и фольклорные тексты, сказки, загадки, воспоминания об истории [Кошкарёва Н. Б., Песикова А. С. 2006; Нёмысова Е. А. , Каюкова Л. Н. 2007;

⁶ <http://www.oudb.gwi.uni-muenchen.de>

⁷ <http://www.utdb.elte.hu>

Песикова А. С., Волкова А. Н. 2013], а также художественные переводы [Пушкин 2002]. Остается надеяться, что тех, кто использует сургутское наречие не только в устной, но и в письменной форме, будет становиться всё больше и больше.

0.5. Типологические особенности хантыйского языка

Подобно другим финно-угорским языкам, хантыйский является агглютинативным языком. Грамматическая категория рода в нем отсутствует. Предлоги не используются: обстоятельственные отношения выражаются с помощью падежных суффиксов и послелогов.

Для обоих обско-угорских языков характерно, что как в глагольной, так и в именной парадигме различается трехчленная категория числа, то есть используется единственное, двойственное и множественное число. Лицо и число обладателя в притяжательных конструкциях обозначается не притяжательным местоимением, а притяжательным суффиксом, присоединенным к обладаемому. Притяжательные суффиксы способны выражать и число обладателя. Количество падежей в хантыйских диалектах различно: так в самом восточном диалекте, ваховском, выделяется 11 падежей, в самом северном, приуральском, два падежа.

Глагольное спряжение в зависимости от определенности (известности) объекта может быть двух типов: субъектным (неопределенным) и объектным (определенным). При неопределенном спряжении суффиксы глагола указывают на лицо и число субъекта. При определенном спряжении кроме лица и числа субъекта они также выражают и число объекта. В обоих обско-угорских языках часто используется страдательный залог. Пассивные конструкции употребляются с двумя практически противоположными целями: с одной стороны, они встречаются в предложениях с обоб-

щенным или неопределенным подлежащим, с другой же стороны, в таких предложениях, когда говорящий наоборот стремится выделить субъект действия и использует для этого специальный падежный суффикс. Хантыйские диалекты также отличаются друг от друга и с точки зрения системы времен и наклонений глагола, но в каждом из диалектов имеется по крайней мере два времени (настоящее и прошедшее) и два наклонения (изъявительное и повелительное). Остальные модальные значения выражаются частицами и конструкциями с нефинитными формами глагола.

Порядок слов имеет схему SOV, то есть в начале предложения стоит подлежащее, в конце глагольное сказуемое, а перед ним относящиеся к нему второстепенные члены. Для словосочетаний характерен порядок определение–определяемое (зависимое–главное), то есть признак располагается перед предметом, обладатель перед обладаемым, дополнение и обстоятельство перед сказуемым.

Вплоть до последнего времени союзные сложноподчиненные предложения в хантыйских текстах встречались крайне редко. Значения дополнительных, обстоятельственных и определительных придаточных предложений выражались с помощью конструкций с нефинитными формами глагола.

1. ФОНЕТИКА, ФОНОЛОГИЯ

1.1. Состав гласных фонем сургутского диалекта

1.1.1. Гласные первого слога

Система гласных в первом слоге намного богаче, чем в непервых слогах. В первом слоге встречается 13 или 14 гласных, в непервых только четыре (и в особых случаях еще два). Гласные первого слога различаются по долготе, горизонтальному положению языка (передние и задние), вертикальному положению языка (нижнего, среднего и верхнего подъема), а также по участию губ в образовании фонемы (неогубленные и огубленные) (табл. 1).

Таблица 1

Таблица гласных первого слога

Долгота		Ряд Подъем	Передние		Задние	
			Неогуб- ленные	Огуб- ленные	Неогуб- ленные	Огуб- ленные
Полные	Долгие	Верхний	и		ы	у
		Средний	э			ө
		Нижний	а			о
	Краткие	Верхний				(ү)
		Средний				ё
		Нижний			ä	
	Сверх- краткие	Верхний		ÿ		
		Средний		ö		
		Нижний	ä			
Непол- ный	Сверх- краткий		ə			

1.1.2. Гласные непервого слога

В непервых слогах встречается четыре гласных. Они всегда краткие и передние. Редуцированный гласный [ə] в зависимости от фонетического окружения может звучать

как передний и задний, неогубленный и огубленный (табл. 2). Огубленные полные гласные встречаются в непрерывных слогах только при определенных морфологических условиях: суффикс страдательного залога *-ə/-əй* содержит гласный [ə] и в суффиксе 1-го лица множественного числа лично-притяжательного склонения имен и спряжения глаголов имеется фонема [y].

Таблица 2

Таблица гласных непервого слога

Подъем	Полные, передние, краткие	Неполный, смешанного ряда, сверхкраткий
Верхний	и	
Средний	э	ə
Нижний	а	

1.1.3. Характеристика гласных фонем⁸

1.1.3.1. Долгие гласные

Фонема [и]

Гласный верхнего подъема, переднего ряда, неогубленный. Звук [и] во всех говорах и подговорах сургутского диалекта произносится долго, четко, протяжно. По произношению он напоминает русское [и] под ударением. Но отличие состоит в том, что при образовании этого хантыйского звука средняя часть языка поднимается намного выше, чем при произношении русского [и]. Хантыйский гласный [и] не влияет на место образования предшествующего ему согласного в такой степени, как в русском языке. Согласные [н], [т] не меняют своего качества, оказавшись перед гласным [и]. Для того чтобы закономерности русской фонетики даже случайно не повлияли на

⁸ На основе исследований А. С. Песиковой.

произношение хантыйских слов, согласно хантыйской орфографии, в случае сочетаний звуков [н]+[и], [т]+[и], [л]+[и] звук [и] должен обозначаться буквой *ы*, например: *ныпэк* ‘бумага’, *тывта* ‘возрождаться’, *тын* ‘цена’. Лишь по традиции [л]+[и] осталось в сочетании *ли*, например: *липэк* ‘песец’, *лиңк* ‘ меховая пелёнка’.

В сочетаниях с другими согласными может использоваться буква *и*: *мин* ‘мы двое’, *питта* ‘оказаться, падать’, *сив* ‘красота’, *һир* ‘каприз’, *һит* ‘это’, *һика* ‘стреляй’ и т. д.

Фонема [и] может стоять в начале слова (*иттэн* ‘вечер’, *инэ* ‘сейчас’, *иньһаксэта* ‘спрашивать’), в конце слова (*өвпи* ‘дверь’, *мэталди* ‘кто-то’, *киври* ‘колодец’) и встречается как в первых, так и непервых слогах: *вуйшдта* ‘изредка встречаться’, *кирип* ‘корабль, пароход’, *һиминт* ‘такой’. В непервых слогах долгота фонемы [и] короче, чем в первом слоге.

Фонема [и] чередуется с [а] и [э]: *амп* ‘собака’, *импэм* ‘моя собака’, *партта* ‘велеть’, *пирта* ‘вели’, *лэк* ‘дорога’, *ликэн* ‘твоя дорога’, *йэкта* ‘танцевать’, *йик* ‘он танцевал’ (см. 2.1).

Фонема [э]

Гласный среднего подъема, переднего ряда, неогубленный. Звук [э] в первых слогах слов произносится долго: *нэви* ‘белый, светлый’, *пэв* ‘шишка’, *лэһик* ‘голубика’. В непервых слогах встречается реже и произносится короче: *һэврэм* ‘ребенок, дитя, чадо’, *һынтэм* ‘мой кузов’, *мантэм* ‘мне’, *сорһэң* ‘золотой’.

Фонема [ө]

Гласный среднего подъема, переднего ряда, огубленный. Звук [ө] во всех говорах сургутского диалекта произносится долго и свободно. Он употребляется в начале слова (*өх* ‘голова’, *өпи* ‘старшая сестра’), а также в первых слогах (*пөм* ‘трава’, *һөс* ‘двадцать’).

В непервых слогах фонема [ə] встречается только в формах страдательного залога глагола (*вохдәйм* ‘меня вызывают’, *вохдә* ‘тебя вызывают’ и т. д.) и в сложных словах (*тәтәни* ‘старшая сестра отца’).

Фонема [ы]

Гласный верхнего подъема, заднего ряда, неогубленный, долгий. Этот звук используется только в первых слогах слов. Встречается в начале слова (*ыл* ‘низ’, *ырап* ‘злость’), а также после согласных (*дыт* ‘рукав’, *йынтәп* ‘игла’, *кынт* ‘кузов’, *нылдәх* ‘восемь’, *ныньтәа* ‘отдыхать’, *тык* ‘навсегда’).

В повелительном наклонении чередуется с [o]: *омәста* ‘сидеть’, *ымса* ‘сиди’ (см. 2.1).

Фонема [у]

Гласный верхнего подъема, заднего ряда, огубленный. Звук [у] в первых слогах слов произносится долго. Может встречаться в начале слова (*урт* ‘послание, просьба’, *усипта* ‘зевать’) и после согласных (*пут* ‘котел’, *сул* ‘искра’, *чупәң* ‘разделенный’, *нул* ‘друг друга’, *туминт* ‘такой’, *луми* ‘ветхое жилище’).

Чередуется с [o] и [ə]: *кот* ‘дом’, *кутам* ‘мой дом’, *том* ‘возможность’, *тумәм* ‘моя возможность’, *омәтта* ‘садить’, *умтам* ‘я сажил’, *лотәа* ‘проверить ловушку’, *лутам* ‘я проверил ловушку’, *өх* ‘голова’, *ухал* ‘его голова’, *нөрам* ‘болото’, *нурман* ‘твое болото’, *көвалта* ‘бегать’, *кувал* ‘он бегал’ (см. 2.1). Фонема [у] встречается и в системе лично-притяжательного склонения имен и спряжения глаголов в суффиксах 1-го лица множественного числа: *пәнүв* ‘наша мордушка’, *вәрәксув* ‘(мы) оделись’, *вәрәксә=л=өй=ув* ‘нас одевают’.

Фонема [а]

Гласный нижнего подъема, переднего ряда, неогубленный. Звук [а] встречается во всех слогах: как в первых, так и непервых. В первых слогах произносится долго, в непервых короче. Может стоять в начале слова (*арәх* ‘песня’,

Ас 'Обь'), в конце слова (*вэра* 'сделай'), после согласных (*калт* 'дух', *лант* 'ягель, крупа', *каркам* 'работающий', *льаль* 'война', *ньарэх* 'сырой', *ѳапкас* 'капкан').

Фонема [o]

Гласный нижнего подъема, заднего ряда, огубленный. Звук [o] отмечен в пимском, тромъёганском и юганском говорах сургутского диалекта. Он произносится долго, четко и свободно. Он отличается от [ə] тем, что подъем языка ниже (рот более открыт). Считается огубленным, хотя губы не округляются так, как при произношении гласного [ə]. Фонема [o] встречается только в первых слогах. Она может стоять в начале слова (*ол* 'год', *оц* 'овца') и после согласных (*пори* 'приношение', *ворхэт* 'ворота', *ѳорэс* 'море', *льоньѳ* 'снег', *ньомэс* 'близнец').

В варьёганском и нижнеаганском подговорах аганского говора звук [o] произносится без огубления и поэтому он близок к звуку [a]: *дор* – *лар* 'озеро', *сохит* – *сахит* 'по, вдоль, также', *йох* – *йах* 'народ, люди'.

1.1.3.2. Краткие гласные

Фонемы [ä], [ë], [ÿ] встречаются только в первых слогах, в конце слов не зафиксированы.

Фонема [ä]

Гласный нижнего подъема, заднего ряда, неогубленный. Его произносят короче звука [a]. Фонема [ä] во всех говорах сургутского диалекта встречается в начале слова и первых слогах: *äв* 'течение', *äвэс* 'север', *қантəх* 'хантыйский', *ньäвəмтə* 'говорить'.

В нижнетромъёганском и аганском говорах сургутского диалекта звуку [ä] в некоторых случаях соответствует фонема [ë]: *äньəқи* – аган. *ëньəқи* 'тётя', *тəйтə* – аган. *тëйтə* 'иметь', *пəнтə* – аган. *пëнтə* 'класть', *пəйцəн* – аган. *пëйцəн* 'крыло', *Пəрнэ* – аган. *Пëрнэ* 'ведьма', *мəньи* – аган. *мëньи* 'младший брат'.

Фонема [ӧ]

Гласный среднего подъема, заднего ряда, огубленный. Фонема [ӧ] встречается в начале слова и первых слогах: *ӧч* ‘чага’, *ӧрт* ‘богатырь, хозяин’, *кӧв* ‘далеко’, *ньӧх* ‘лось’, *мӧксӧн* ‘муксун’, *кӧнтта* ‘бросаться в бегство’.

Звук [ӧ] в пимском, тромъёганском и юганском говорах сургутского диалекта произносится как [ə], но короче. В аганском говоре сургутского диалекта вместо гласного среднего подъема [ӧ] произносится гласный верхнего подъема [y̝]: *кӧвӧн* – аган. *кy̝вӧн* ‘давно’, *лӧв* – аган. *ly̝в* ‘кость’, *сӧн* – аган. *cy̝н* ‘угол’, *лӧнӧтта* – аган. *ly̝нӧтта* ‘читать’.

Фонема [ӱ]

Гласный верхнего подъема, заднего ряда, огубленный. Этот гласный в пимском, юганском и частично в тромъёганском говорах сургутского диалекта встречается редко. Выявлен всего в нескольких словах: *ньӱки* ‘покрытие чума’, *мӱкалтӱта* ‘ходить сгорбившись’, *мӱка* ‘горб’, *кӱртта* ‘затрудняться’. В аганском говоре он встречается там, где другие сургутские ханты произносят [ӧ].

В суффиксах 1-го лица множественного числа также произносится короткий [y̝], но на письме его краткость не отмечается, а пишется буква у: *мӱхуу* ‘наша земля’, *лӧнӧтлуу* ‘мы читаем’ (см. 1.1.3.4).

1.1.3.3. Сверхкраткие гласные

Сверхкраткие гласные [ä], [ö], [y̝] в сургутском диалекте произносятся очень коротко. Они встречаются только в первых слогах.

Фонема [ä]

Гласный нижнего подъема, переднего ряда, неогубленный. Звук [ä] встречается во всех говорах сургутского диалекта. Примеры: *äви* ‘девушка, дочь’, *äплӧн* ‘вкусный’, *väр* ‘дело’, *väлта* ‘добыть’, *лӧлта* ‘сесть на транспорт’, *läв* ‘племянник’, *мӧлӧнк* ‘теплый’, *ньӧлӧн* ‘жадный (о рыбах и

птицах)’.

Фонема [ö]

Гласный среднего подъема, переднего ряда, огубленный. Звук [ö] произносится очень коротко. Эта фонема в начале слова не встречается, употребляется в первых слогах: *кӧл* ‘слово’, *кӧт* ‘рука’, *вӧн* ‘зять’, *кӧпӧл* ‘камус’, *кӧста* ‘ломать’.

В пимском и юганском говорах вместо звука среднего подъема [ö] произносится звук нижнего подъема близкий к звуку [ä], но немного огубленный: *кӧл* ‘слово’, *кӧт* ‘рука’, *вӧн* ‘зять’, *кӧпӧл* ‘камус’, *кӧста* ‘ломать’.

Фонема [ÿ]

Гласный верхнего подъема, переднего ряда, огубленный. Звук [ÿ] встречается в начале слова и в первых слогах. Произносится очень коротко: *ÿлак* ‘лямка оленьей упряжи’, *ÿрӧх* ‘лишний’, *ÿлта* ‘разжечь’, *лÿк* ‘глухарь’, *лÿв* ‘он’, *нÿн* ‘ты’, *вÿкнӧн* ‘кривой’, *ÿÿва* ‘иди сюда’.

1.1.3.4. Неполный гласный

Фонема [ə]

Редуцированный гласный смешанного ряда среднего подъема, сверхкраткий. Он легко приспосабливается к фонетическому окружению. После среднеязычных согласных он звучит как сверхкраткий [и] (*ÿдӧк* ‘вода’), в соседстве с согласными [в] и [х] – как сверхкраткий [ы] (*вӧр* ‘кровь’, *мӧх* ‘земля’), перед губно-губными согласными он становится огубленным (*тӧрӧм* ‘небо, погода, бог’). Это изменение отмечается и в орфографии суффиксов 1-го лица множественного числа: *мӧндӧв* > *мӧнлӧв* ‘мы идем’.

Фонема [ə] может стоять в начале слова, в первых и непервых слогах, перед любыми согласными и после них, а также в конце слова: *ӧнтӧ* ‘нет’, *ӧвӧ* ‘тоже’, *ӧсӧх* ‘пожилой’,

й̄а̄жән ‘дома’, *пәкәлтәта* ‘сдерживаться’, *ѳәки* ‘дядя’, *нәңи* ‘младшая сестра’.

Как в первых, так и непервых слогах [ə] может выпадать, сливаясь с последующими согласными, которые по этой причине становятся слогообразующими: *әнтәп* [нтәп] ‘пояс’.

1.1.4. Особенности фонотактики гласных: обобщение

Все гласные за исключением фонемы [ö] могут занимать позицию в начале слова и стоять в первом слоге после согласного. В непервых слогах встречаются лишь фонемы [и], [э], [а], [ə] (об исключениях см. раздел 1.1.2). В конце слова (в исконных хантыйских словах) употребляются только гласные [и], [а], [ə]. Исключением из этого правила являются два слова: *кө* ‘человек, мужчина’ и *нә* ‘женщина’.

В хантыйском языке не существует сочетания двух гласных. Если при изменении (склонении или спряжении) слова два гласных оказываются рядом, то либо один из них выпадает, либо между ними появляется согласный (подробнее об этом см. в разделах 2.2 и 2.3).

1.2. Состав согласных фонем сургутского диалекта

В сургутском диалекте хантыйского языка имеется 19 собственно хантыйских согласных: [в], [й], [к], [к], [л], [л], [ль], [м], [н], [нь], [н], [п], [р], [с], [т], [ѳ], [ч], [х], [ш]. Их можно представить следующей таблицей (табл. 3).

Таблица согласных сургутского диалекта

По способу образования		По месту			
		Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные
Шумные, глухие	Смычные	п	т		к, қ
	Плоскощелевые		с		
	Круглощелевые		ш		
	Смычно-щелевые		ч	ъ	
	Боковые		л	ль	
Малошумные, звонкие	Носовые	м	н	нь	ң
	Плавные		л		
	Щелевые	в		й	х
	Дрожащие		р		

1.2.1. Классификация согласных

По участию активных органов речи согласные делятся на губные (в, м, п), переднеязычные (т, ш, ч, с, л, л, н, р), среднеязычные (ъ, ль, нь, й) и заднеязычные (к, қ, ң, х).

По степени напряженности различаются шумные (п, т, ь, к, қ, ч, ш, с, л, ль), малошумные (м, н, нь, ң, р, в, й, х, л). Шумные согласные отличает глухость, малошумные – озвончение.

Шумные согласные по способу образования подразделяются на смычные (п, т, к, қ), щелевые (ш, с), боковые (л, ль) и смычно-щелевые (ъ, ч).

Малошумные подразделяются на носовые (м, н, нь, ң) и ртовые. В группе ртовых согласных имеются щелевые (в, й, х), один плавный (л) и один дрожащий (р). Ртовые в отличие от носовых реализуются в звонких и частично оглушенных оттенках, а носовые всегда остаются звонкими и оглушенных оттенков не имеют.

1.2.2. Общая характеристика согласных звуков сургутского диалекта в сравнении с системой согласных русского языка

В хантыйском языке отсутствует противопоставление звонких и глухих согласных: глухие [п], [т], [ʔ], [к], [ч], [ш], [с] не имеют звонких пар [б], [д], [дь], [г], [дж], [ж], [з], как и звонкие [в], [х] не имеют глухих пар [ф], [х].

В беглой речи может происходить озвончение, но образовавшиеся таким образом звонкие звуки являются лишь аллофонами, изменения происходят не на фонематическом уровне, например, выражение *эй мэтэди пэ антэм* 'ничего нет' читается как [эймэтдипэндэм].

Также в хантыйском языке не существует и противопоставления твердых и мягких согласных, то есть соседние гласные не влияют на место образования согласных, как это происходит в русском языке. К примеру, [т] всегда остается [т], независимо от того, какой гласный за ним следует. Данную особенность можно сформулировать и таким образом: все согласные в хантыйском языке являются твердыми.

1.2.3. Характеристика согласных по месту и способу образования⁹

1.2.3.1. Шумные глухие согласные

1.2.3.1.1. Смычные согласные

Фонема [п]

Губно-губной, твердый согласный, образуется смыканием губ. Примеры: *пан* 'клюква', *пуни* 'медведь', *кумп* 'волна', *ырап* 'сердитый'.

Фонема [т]

Переднеязычный, твердый согласный, образуется смыканием передней части языка с альвеолой. Примеры: *тарэм*

⁹ На основе исследований А. С. Песиковой.

‘могучий’, *пот* ‘холод’, *түрәптәта* ‘упустить’, *җәрт* ‘камлание, шаманство’.

Фонема [к]

Заднеязычный, твердый согласный, образуется сближением задней части языка с верхним нёбом. Встречается только в окружении гласных переднего ряда. Примеры: *канәк* ‘брусника’, *күрәк* ‘орел’, *кәнчә* ‘искать’, *ики* ‘мужчина’, *йәнк* ‘лед’, *вәрәксәта* ‘одеваться’. В заимствованных словах фонема [к] встречается и в окружении гласных заднего ряда, например, *сонәк* ‘сапог’.

Фонема [к]

Фонема [к] – заднеязычный, твердый, близкий на слух к фонеме [к] согласный. Образуется при смыкании корня языка с мягким нёбом. Встречается только в окружении гласных заднего ряда. Примеры: *қот* ‘дом’, *қырәх* ‘мешок’, *қәләңк* ‘ворон’, *нёрәқкә* ‘прямо’, *поқәнта* ‘лопнуть’, *йәнқиқта* ‘путешествовать’, *нәмәқсәта* ‘думать, задуматься’. Исключением из этого правила является слово: *қаңқи* ‘морoshка’.

В действительности если считать критерием фонемы её смыслоразличительную функцию, то согласные [к] и [к] нельзя назвать отдельными фонемами, так как пар слов, в которых единственным отличием было бы наличие двух различных к, не выявлено. Нижеприведенные пары слов иллюстрируют, что с передними гласными употребляется фонема [к], а с задними – [к]. Смыслоразличительную роль здесь выполняют не согласные, а гласные.

Слова	Слова
с передним гласным	с задним гласным
<i>кар</i> ‘кора’	<i>қор</i> ‘бык’
<i>кәр</i> ‘печь’	<i>қөр</i> ‘проход, улица’
<i>кир</i> ‘тонкий наст’	<i>қёр</i> ‘безлесное болото’
<i>күр</i> ‘нога’	<i>қури</i> ‘корыто’
<i>кәрә</i> ‘связка предметов’	<i>қәрә</i> ‘место, площадка’
<i>саңки</i> ‘небо’	<i>сәнқи</i> ‘песок’

Несмотря на это со времени создания Н. И. Терёшкиным орфографии для ваховского и сургутского диалектов обозначение двух различных звуков *к* и *ç* является традицией.

1.2.3.1.2. Смычно-щелевые согласные

Фонема [ç]

Среднеязычный, твердый аффицированный согласный, образуется следующим образом: кончик языка прикасается к твердому нёбу выше альвеол, образуя своеобразную смычку, которая мгновенно переходит в *S*-образную щель. Примеры: *çамэç* ‘мох-сфагнум’, *çивэп* ‘стружка’, *воç* ‘город’, *çөнçах* ‘веревка’, *çўçча* ‘показать’.

Фонема [ъ]

Среднеязычный согласный, образуется путем смыкания средней части языка с твердым нёбом. Примеры: *ъуминт* ‘такой’, *ъэрт* ‘шаманство’, *монъ* ‘сказка’, *лъъба* ‘проверять мордушку’, *виъэң* ‘красивый’.

В тромъёганском и аганском говорах место образования звука [ъ] перемещается к альвеолам, в результате чего его реализация приближается к [ç]: *пэъа* – *пэча* ‘здравствуй’, *ъиминт* – *чиминт* ‘такой’, *ъэъи* – *чэчи* ‘бабушка по отцу’. Но этот звук носители тромъёганского и аганского говоров никогда не смешивают с фонемой [ç]. Различие в аганском говоре еще больше, поскольку в нем [ç] произносится как [ц]: *чопэңка* (*цопэңка*) ‘верно’, *каçэң* (*кацэң*) ‘каждый’.

Признание слов *оъ* ‘изгородь, загон’ и *оч* ‘овца’ в сургутских говорах:

	<i>оъ</i> ‘изгородь, загон’	<i>оч</i> ‘овца’
пимский	[отъ]	[оч]
юганский	[отъ]	[оч]
тромъёганский	[оч]	[оч]
аганский	[оч]	[оц]

1.2.3.1.3. Щелевые согласные

Фонема [с]

Фонема [с] – переднеязычный, плоскощелевой, твердый согласный, образуется в результате касания передней части языка о внутреннюю сторону верхних зубов. Губы нейтральны. Примеры: *сос* ‘горноста́й’, *васәх* ‘утка’, *пәсан* ‘стол’, *иньәксәта* ‘спрашивать’, *ьурсәм* ‘интересный’.

Фонемный вариант [ш]

Переднеязычный, круглощелевой, твердый согласный, образуется путем сближения передней части языка с твердым нёбом. Кончик языка отрывается от передних нижних зубов, губы складываются в плоскоокруглую щель.

В языке сургутских ханты звук [ш] является не самостоятельной фонемой, а вариантом фонемы [с] и встречается лишь в определенных словах, например: *сәсал* – *шйшал* ‘ящерица’, *сос* – *сош* ‘горноста́й’, *усипта* – *ушипта* ‘зевать’, *пырәс* – *пырәш* ‘старый’, *күңәс* – *күңәш* ‘гусь (мужская глухая меховая одежда)’, *сөв* – *шөв* ‘ткань’, *пөрәс* – *пөрәш* ‘свинья’, *сәпәрқи* – *шөпәрқи* ‘лягушка’.

1.2.3.1.4. Боковые согласные

Фонема [л]

Фонема [л] – переднеязычный, твердый, шумный согласный, образуется сближением кончика языка со всем участком альвеол и прилегающим к нему участком зубов, а по бокам языка пропускается воздух. Примеры: *ланәт* ‘семь’, *лул* ‘рот’, *лалта* ‘дышать’, *сәлдан* ‘солёный’, *дәйлдәхәлта* ‘посматривать’.

Фонема [ль]

Фонема [ль] – среднеязычный, смягченный, шумный согласный, образуется средней частью спинки языка, которая соприкасается с твердым нёбом. При этом кончик языка припущен, а по бокам языка пропускается воздух.

Примеры: *льаль* ‘война’, *льäv* ‘племянник’, *пөльь* ‘топленный жир’, *кўльәхта* ‘чесаться’, *льольва* ‘стоять’.

Жители Малого Югана, верховьев Большого Югана и Демьянки четко произносят звуки [л] и [ль], тогда как жители низовьев реки Юган и верховьев Салыма, а также Пима вместо звука [л] произносят [т] и вместо [ль] – [тъ]: *дäв* > *тäв* ‘конь’, *дал* > *там* ‘дыхание’, *льаль* > *тъаль* ‘война’. Это изменение началось в южных диалектах хантыйского языка (на Иртыше, Демьянке и Конде) и постоянно распространяется на север и на восток. В среднеобском и салымском диалекте на употребление [т] вместо [л] перешли уже в 1930-е годы, а в последнее время данные процессы всё в большей степени наблюдаются и на территории распространения сургутского диалекта.

Учитывая, что в хантыйском языке фонемы [л] и [т] отличаются высокой частотностью, протекающие изменения могут привести к неблагоприятным последствиям, так как в результате перехода [л] > [т] образуются многочисленные омонимы: *тäв* ‘весна’, ‘конь’; *тыва* ‘возрождайся’, ‘угощайся’; *там* ‘дыхание’, ‘даром’, ‘время’; *кутат* ‘рыбы’, ‘его рыба’, ‘его дом’ и т. д.

1.2.3.2. Малошумные звонкие согласные

1.2.3.2.1. Щелевые согласные

Фонема [в]

Фонема [в] – губно-губной согласный, образуется смыканием нижней губы с верхней. Примеры: *вэли* ‘олень’, *äвал* ‘нарта’, *кäv* ‘камень’, *киври* ‘колодец’, *сävрәмта* ‘стучаться’.

Фонема [й]

Фонема [й] – среднеязычный согласный, образуется сближением средней части спинки языка с твердым нёбом. Примеры: *йәләп* ‘новый’, *йоҳ* ‘народ’, *вәйһаңк* ‘гвоздь’, *көйхәт* ‘сугроб’, *йэйи* ‘старший брат’, *ай* ‘маленький’.

Фонема [χ]

Фонема [χ] – заднеязычный, твердый, близкий на слух к фонеме [x], но звонкий согласный. Образуется так: передняя часть языка смыкается с мягким нёбом, при этом кончик языка опускается. В сургутском диалекте согласный [χ] в начале слова не встречается. Примеры: *кәχән* ‘пуговица’, *пуχал* ‘селение’, *мәχ* ‘земля’, *войәχ* ‘зверь’, *войәχдәтәχә* ‘обижать’, *мәсχән* ‘две коровы’.

1.2.3.2.2. Носовые согласные

Фонема [м]

Фонема [м] – губно-губной, смычный согласный, образуется сближением губ, которые создают преграду, а воздух проходит через нос. Примеры: *ма* ‘я’, *пүм* ‘тепло’, *амп* ‘собака’, *вомдәх* ‘бессильный’, *әвмилдәтә* ‘целовать’, *нөмдәмтәтә* ‘вспоминать’.

Фонема [н]

Фонема [н] – переднеязычный, смычный согласный, образуется прижатием передней части языка к альвеолам. Воздух проходит через нос. Примеры: *ноχәр* ‘шишка кедра’, *нә* ‘женщина’, *ваннә* ‘близко’, *тын* ‘цена’, *вәнтәр* ‘выдра’.

Фонема [һь]

Фонема [һь] – среднеязычный, смычный, смягченный согласный, образуется средней частью спинки языка в смычке с твердым нёбом. Кончик языка при этом свободно свисает, воздух проходит через нос. Примеры: *һаһь* ‘хлеб’, *һыр* ‘обувь’, *һәһи* ‘сестренка’, *лһьәк* ‘спуск рыбы’, *әһьәқи* ‘мачеха, сноха, свояченица’.

Фонема [һ]

Фонема [һ] – заднеязычный, смычный согласный, образуется смыканием задней части языка с нёбом, воздух проходит через нос. В сургутском диалекте согласный [һ] в начале слова не встречается. Примеры: *саһки* ‘небо’, *сөһ*

‘угол’, *йэң* ‘десять’, *вурңи* ‘ворона’, *пилңи* ‘мошка’, *йаңк* ‘колышек’, *кубъаңнэ* ‘вблизи чего-то’, *ваңкилта* ‘ползать’.

1.2.3.2.3. Дрожащий согласный

Фонема [р]

Фонема [р] – переднеязычный согласный, образуется дрожанием передней части языка у твердого нёба. Примеры: *рйхам* ‘родня’, *вар* ‘запор’, *пори* ‘приношение’, *нўраҳтата* ‘побежать’, *лаҳэрт* ‘тяжелый’, *пйрт* ‘доска’.

1.2.3.2.4. Плавный согласный

Фонема [л]

Фонема [л] – переднеязычный согласный, образуется посредством касания альвеол передней частью языка, при котором по бокам языка возникают широкие щели. Примеры: *лэк* ‘дорога’, *лўк* ‘глухарь’, *пйлэк* ‘половина’, *мил* ‘шапка’, *лолэкта* ‘разделывать рыбу’, *лэмпадтата* ‘раскачивать’, *лўвата* ‘действовать’.

1.2.4. Проблема огубленных заднеязычных согласных

К заднеязычному ряду смычных (*к*, (*к*), *ң*, *х*) более ранние грамматики [Karjalainen–Vértés 1964; Paasonen–Vértés 1965; Honti 1977: 273, 1984: 26; Abondolo 1998: 363] относят также три огубленных согласных: *кo*, (*кo*), *ңo*, *xo*. В своем словаре Н. И. Терёшкин тоже пользуется этими знаками, но отмечает, что эти звуки не являются самостоятельными фонемами, а только – вариантами фонем [1981: 10]. В начале слова они не используются.

В сургутском диалекте все три звука встречаются одновременно в тромъёганском и аганском говоре. Происходит это в случае, когда в соответствующих словах ваховского диалекта звукам *к*, (*к*), *ң*, *х* предшествуют огубленные гласные, например: *өхи* ‘девочка’, *лөк* ‘дорога’, *йөң* ‘десять’,

öнкраттă ‘глянуть’. В процессе изменения сам гласный стал неогубленным (ö > э, ö > ä), но огубленность осталась и перешла к последующему согласному: сург. äх_{ои}, лэк_о, йэн_о, äң_орэмта. При произношении звуков к, (к), ң, х губы округляются. Эта лабиальность может проявиться и в своеобразной «дифтонгизации»: [äўви], [лэўк], [йэўң], [äўңрэмта].

Из этих трех звуков чаще всего встречается х_о, остальные намного реже. Огубленный характер звуков к_о и ң_о в хантыйской письменности не обозначается, а звуку х_о соответствует буква в. В пимском и юганском говорах этот звук в действительности похож на губно-губной [в]. На Тромъёгане он в соседстве с передними гласными произносится как [в]: нэви ‘белый’, äви ‘девочка’, кэврэм ‘горячий’. Образование заднего затвора согласных более явственно слышно в окружении гласных заднего ряда: йёх_оэм ‘он прибыл’, сёх_о ‘шкура животного’. Эти слова и в нынешнем правописании обозначаются двумя способами: йёхэм/йёвэм, сёх/сёв.

1.2.5. Особенности фонотактики согласных

Позицию в начале слова не могут занимать фонемы [ң] и [х], внутри же и в конце слова могут употребляться любые согласные.

На стыке морфем может происходить геминация, например: пән=нә ‘в мордушке’, ыт=та ‘сердиться’, дэйдәл=л ‘он смотрит’. В случае стечения двух одинаковых согласных [в] или [х], образуется гемината [кк] или [ққ]: кәв ‘камень’, кәв+хә > кәккә ‘(превратиться) в камень’, вәх ‘железо’, вәх+хә > вәққә ‘(превратиться) в железо’.

На стыке слогов возможны любые сочетания согласных, например: пәста ‘быстрый’, татнам ‘даром’, каркам ‘работающий’, ирха ‘пой’ и т. д. Реже встречается стечение трех согласных, например: ам[п]хән ‘две собаки’, пән[к]дам

‘мои зубы’. В таких случаях при произношении средний согласный выпадает (см. 2.2).

В исконных хантыйских лексемах в начале слова может стоять лишь один согласный. Стечения согласных в ранних заимствованиях избегали тремя путями: 1) добавлением гласного в начале слова: *эшкøла* ‘школа’, 2) вставкой гласного между двумя согласными, например: *кæньика* ‘книга’, *турпа* ‘труба’, *кэрэк* ‘грех’, 3) опущением одного из согласных, например: *пасипа* ‘спасибо’. На данных примерах видно, что вместо не существующих в хантыйском языке звонких согласных произносятся соответствующие глухие звуки: [г] > [к], [б] > [п].

Конечную позицию в слове могут занимать следующие сочетания согласных: [мп], [нк], [нç], [нт], [ньъ], [нч], [лт], [лъъ], [рт]. Например: *кумп* ‘волна’, *йәнк* ‘вода’, *лунç* ‘божество’, *қынт* ‘кузов’, *моньъ* ‘сказка’, *чанç* ‘колени’, *калт* ‘мифический дух’, *пёльъ* ‘топленный жир’, *сорт* ‘щука’. Все они представляют собой сочетание носового и образovanного в том же месте смычного согласного или же сочетание плавной либо дрожащей фонемы со смычной.

1.3. Письменность, орфография

Говоря о письменности, необходимо разделять практику записи текстов с научной целью и использование языка для письменной коммуникации между членами языкового сообщества. Фиксирование хантыйских текстов в научных целях главным образом происходит на основе латиницы и греческого алфавита и за последние 150 лет претерпело множество изменений. В конце XIX в., когда еще не было звукозаписывающих устройств, применялось фонетическое письмо, так как собиратели языкового материала (К. Ф. Карьялайнен и Х. Паасонен) пытались учесть малейшие нюансы произношения. В первой половине XX в. в

период работы В. Штейница преобладающим стал фонематический принцип, в соответствии с которым внутри звуковой системы языка стали стараться различить отдельные фонемы и привести их обозначение к единообразию. Даже если мы проанализируем лишь тексты, опубликованные на сургутском диалекте, то увидим, что существует множество вариантов латинской транскрипции.

Как уже упоминалось в разделе **0.4.4**, создатель письменности для сургутского диалекта Н. И. Терёшкин, получив от своего учителя В. Штейница основательные лингвистические знания и учтя проблемы разработки алфавитов для северных хантыйских диалектов, с первого раза оказался способен разработать относительно последовательный алфавит. В изданном им в 1959 г. «Букваре» редуцированные гласные обозначаются графемой э, в то время как в грамматиках северных диалектов долгое время использовали разные буквы (ы, ә, ү, ö).

И всё же система письма, представленная в первом букваре, не была до конца последовательной. Причин можно назвать две. Во-первых, это ограниченные возможности типографии. В кириллице имеется шесть букв для передачи гласных, с помощью которых нужно было обозначить 14 гласных сургутского диалекта. Издательство «Просвещение» и обслуживающая его типография не были готовы к этому технически. Среди согласных фонем хантыйского языка также были такие, которым не находилось соответствие в кириллическом алфавите. Некоторые из них смогли обозначить, добавив диакритические знаки. Например, для глухих [л] и [ч] использовали небольшую запятую рядом с буквой, заднеязычные [к] и [ҏ] обозначили добавлением «хвостика». Другие же «особые» хантыйские звуки в то время остались без собственных графем.

Например, отсутствовали буквы, обозначающие краткие [ä] и [ö], по этой причине их обозначали графемами [a] [ø].

Второй причиной непоследовательности стало то, что хантыйскую письменность пытались создать, опираясь на фонетические и орфографические принципы чужого языка – русского. Как уже говорилось в разделе 1.2.3, в хантыйском языке нет противопоставления твердых и мягких согласных, гласный не влияет на место образования предшествующего согласного. Если за [т] или [н] следует [и], то [т] и [н] не изменяются, и поэтому на письме фонема [и] обозначается буквой ы: *тын* ‘цена’, *ныпэк* ‘бумага’, хотя слова произносятся как *t+u+n*, *n+u+n+э+к*. При этом существуют и фонемы [ть] и [нь], не зависящие от последующего гласного: *ньрэн* ‘злой, непослушный’, *ньр* ‘обувь’, *ньур* ‘голый’, *ньэр* ‘поросль’, *ъи* ‘это’, *ъэтты* ‘здесь’, *ъык* ‘крепко, до смерти’. В русском же языке [т] и [н] перед [и] смягчаются и фонемы [ть] и [нь] могут встречаться лишь перед смягчающими гласными. Кроме [е] и [и] смягчающими являются йотированные *е, ё, ю, я*, которые по сути обозначают два звука: [й’э] [й’о] [й’у] [й’а]. Этот так называемый слоговой принцип, заимствованный хантыйской орфографией, стал источником многих непоследовательных моментов.

В первом букваре Н. И. Терёшкин еще не обозначал различия между краткими и долгими гласными, например: *пөм* ‘трава’, *вөнт* ‘лес’ вместо *пөм* и *вөнт* [Терёшкин 1959: 47] и *яку* ‘в дом’, *ястэх* ‘он сказал’ вместо *йякэ* и *йастэх* [Терёшкин 1959: 108].

Позже с развитием типографской техники стало возможным обозначать краткость каждого отдельного гласного. Это характерно для книг, изданных в 2000-х гг. Но слоговой принцип продолжает действовать, в результате чего, к примеру, слова, начинающиеся с [й] разбросаны по словарю

в зависимости от того, следует ли за ним [э] [о] [у] или [а]: *ei* (= *йэйи*) ‘старший брат’, *yхам* (= *йахам*) ‘бор’, *ёх* (= *йох*) ‘люди’, *юх* (= *йух*) ‘дерево’.

Хантыйские лингвисты, в особенности воспитанники новосибирской школы, уже с 1990-х гг. пытались воплотить в жизнь фонематический принцип письма, в соответствии с которым каждая фонема должна обозначаться отдельной буквой и каждая буква должна обозначать лишь одну фонему. Эта инициатива начала реализовываться с 2008 года при издании учебно-методических пособий по казымскому диалекту хантыйского языка для школ ХМАО – Югры. В рамках реформы исчезли буквы *e*, *ё*, *ю*, *я* и для обозначения среднеязычных согласных стали использовать особые графемы. Компьютерные программы по редактированию текстов, существующие на данный момент, располагают практически неограниченными наборами шрифтов. Тексты с использованием усовершенствованной орфографии уже появились на казымском диалекте. Недавно вышел из печати первый сборник текстов на сургутском диалекте [Чепреги 2015]. Настоящее издание также придерживается реформированной орфографии. Таким образом, фонемы, представленные в разделе о фонетике, одновременно являются и применяемыми на письме буквами (графемами).

В использовании диакритических знаков прослеживается определенная система. Округлый хвостик букв *к*, *н*, *х* указывает на то, что обозначаемые ими звуки образованы в самой нижней части ротовой полости. Острый хвостик покороче у букв *л*, *ч* демонстрирует, что их произношение отличается от произношения русских букв *л* и *ч*. А загнутый в виде окружности хвостик среднеязычных согласных *нь*, *ль*, *ть* напоминает начертание мягкого знака. В случае гласных над долгими звуками диакритические знаки не ставятся (*a*, *и*, *о*, *э*, *ы*, *у*), над краткими же ставится дужечка (*ă*, *ѳ*,) и

сверхкраткими две точки (ä, ö, ü). Редуцированный гласный отличается от остальных тем, что обозначается как бы перевернутой буквой а.

Уступку пришлось сделать лишь в одном вопросе: в кириллице у буквы е имеется пара э, не смягчающая предшествующие согласные, а у буквы и таковая пара отсутствует. Вместо нее и далее продолжают применять графему ы. Таким образом, для передачи на письме сочетаний [т] + [и], [н] + [и] используют букву ы, то есть вместо гласного переднего ряда пишут гласный заднего ряда. В текстах на северных хантыйских диалектах это не является особой проблемой, так как в системе звуков данных наречий заднерядного [и] не существует. В восточных же диалектах он встречается, следовательно в них буква ы обозначает два звука.

Известно, что абсолютно последовательной орфографии нет ни у одного языка, кроме того орфография не способна передать все диалектные фонетические варианты. На материале сургутского диалекта А.С. Песиковой был предложен новый вариант алфавита в количестве 32 букв, которые используются в настоящее время при разработке учебно-методических пособий для школ с преподаванием сургутского диалекта. Материал в этой книге публикуется в соответствии именно с этой орфографии. Пусть даже в тромъёганском и аганском говорах мягкий [ъ] произносятся иначе, чем в юганском и пимском, на письме они отмечаются единообразно буквой ъ. Пусть даже на Агане [ч] произносятся отлично от всех других мест, в орфографии он пишется как ч. Пусть даже многие произносятся [т] вместо [д], это не отражается на письме. Пусть даже [х] сливается с суффиксом инфинитива в юганском говоре, все же пишется =таха, а не =таа. В конце концов, орфография – это вопрос общей договоренности, и для того, чтобы коммуникация

была успешной, правила правописания по возможности необходимо соблюдать всем, кто использует язык и в письменной форме.

Усвоение этих правил в жизни любого человека происходит в процессе длительного обучения. Маленький ребенок учит язык незаметно для себя, но читать и писать он учится осознанно. В случае языков, широко употребляемых на письме, когда у носителей есть возможность часто встречаться с письменной формой языка в повседневной жизни, усвоение правописания до уровня автоматизма протекает легче. Говорящие на хантыйском реже сталкиваются с текстами, написанными на их родном языке (еще реже видят на письме свое наречие носители сургутского диалекта), поэтому им необходимо прикладывать больше усилий для обучения правописанию и усвоения правил. Большая ответственность в этом вопросе лежит на педагогах родного языка и журналистах.

Ранние русские заимствования с фонетической точки зрения ассимилировались – согласные русского языка, не характерные для хантыйского, заменялись (некоторые примеры приведены в разделе 1.2.3). Однако поздние заимствования сохраняют звуки русского языка, поэтому в практическом письме мы используем буквы б, г, д, ж, з, ф, х, ц, ч, щ для обозначения фонем русского языка.

1.4. Ударение, интонация

Главное ударение в основном падает на первый слог: *вѣнтәң* ‘лесной’, *цми* ‘женщина’. Последующие нечетные слоги несут на себе второстепенное ударение: *қотхаламан* ‘два дома нас двоих’.

Ударение не имеет фонематического значения, то есть оно не выполняет смыслоразличительной роли. В русских заимствованиях ударение ставится либо на первый слог, либо на тот слог, на котором оно стоит в русском языке.

В потоке речи смысловые, экспрессивные и другие факторы могут внести изменение во фразовое и словесное ударение.

Предложение имеет нисходящий тон. Исходя из цели сообщения происходит повышение тона на ударных слогах главных слов. В вопросительных предложениях интонация слова, находящегося под логическим ударением, резко падает: *Мэндэн?* ‘Ты уходишь?’, *Татйа йяқэнам мэнэл?* ‘Татьяна домой уходит?’

2. МОРФОЛОГИЯ

2.1. Чередование гласных

В северных диалектах хантыйского языка чередование гласных встречается в нескольких односложных глаголах, наречиях и при словообразовании, например: каз. *мáты* ‘дать’ ~ *ми́а* ‘дай’, *ки́м* ‘наружу’ ~ *ка́мэн* ‘снаружи’, *ка́тэн* ‘два’ ~ *ки́мит* ‘второй’, *йонты́* ‘шить’ ~ *йинтэ́п* ‘игла’, *удты́* ‘спать, лежать’ ~ *о́дам* ‘сон’. В восточных диалектах (ваховском, васюганском и сургутском) кроме этих случаев встречается и системное чередование гласных при спряжении глаголов и при склонении существительных.

Для сургутского диалекта характерно участие в чередовании всех долгих гласных, а также некоторых кратких и сверхкратких. Долгие гласные нижнего и среднего подъема [a], [э], [o], [ө] чередуются с долгими гласными верхнего подъема [и], [у], [ы]. В случае кратких гласных чередование происходит либо по признаку огубленности ([ä] ~ [ö]), либо по положению языка ([ä] ~ [ө]).

2.1.1. Чередование гласных при словообразовании

Бывает, что в результате чередования гласных слово, содержащее чередующийся гласный, получает новое (хотя и близкое к изначальному) значение. В этих случаях два слова отличаются лишь гласной первого слога: *о́дам* ‘сон’ ~ *у́дам* ‘сновидение’, *та́н* ‘плата за невесту’ ~ *ты́н* ‘цена’, *ла́й* ‘палец’ ~ *лу́й* ‘наперсток’. В других случаях чередование гласных происходит при словообразовании: *о́даң* ‘начало’ ~ *уда́нтата* ‘начинать’, *ли́та* ‘кушать’ ~ *лапэ́тта* ‘кормить’, *йонты́та* ‘шить’ ~ *йинтэ́п* ‘игла’, *льо́льба* ‘стоять’ ~ *лю́льэмтата* ‘вскочить’.

У двух слов два корня, содержащих разные гласные: *кө*, *куй* = ‘мужчина’, *нэ*, *ның* = ‘женщина’ (см. 3.1).

2.1.2. Чередование гласных при словоизменении

2.1.2.1. Чередование гласных при склонении существительных

Гласные чередуются в одно- и двухсложных именах, оканчивающихся на согласный и оформленных всеми лично-притяжательными суффиксами, обозначающими одно обладаемое:

[о] ~ [у]: *воц* 'город' ~ *вучам* 'мой город', *сорт* 'щука' ~ *суртэл* 'его щука', *войэх* 'зверь' ~ *вуйхин* 'ваш двоих зверь';

[о] ~ [ы]: *қолэх* 'племянник' ~ *қылхал* 'его племянник';

[ө] ~ [у]: *өх* 'голова' ~ *ухам* 'моя голова', *өңк* 'смола' ~ *ункин* 'смола вас двоих', *мөч* 'болезнь' ~ *муцән* 'твоя болезнь';

[а] ~ [и]: *амп* 'собака' ~ *импам* 'моя собака', *арэх* 'песня' ~ *ирхув* 'наша песня', *васэх* 'утка' ~ *висхил* 'их утка', (исключением является слово *лайам* 'топор', в котором [а] чередуется не с [и], а с [э]: *лэймам* 'мой топор');

[э] ~ [и]: *лэк* 'дорога' ~ *ликәм* 'моя дорога', *кэр* 'печка' ~ *кирмән* 'печка нас двоих', *рэв* 'пепел' ~ *ривэл* 'его пепел'.

2.1.2.2. Чередование гласных при спряжении глаголов

Чередование долгих гласных наблюдается в прошедшем времени изъявительного наклонения действительного залога (в субъектном и объектном спряжении), в прошедшем времени страдательного залога, а также в повелительном наклонении:

[о] ~ [у] ~ [ы]: *омэтта* 'посадить' ~ *умтәм* 'я посадил' ~ *ымтэ* 'посади его', *қолта* 'переночевать' ~ *қудән* 'ты переночевал' ~ *қылдйттән* 'переночуйте вы двое';

[ө] ~ [у]: *дөтта* 'покупать' ~ *лутәм* 'я купил' ~ *лутэ* 'покупай это', *қөвалта* 'бегать' ~ *қувал* 'он бегал' ~ *қувда* 'беги', *қөлта* 'слушать' ~ *қудув* 'мы слушали' ~ *қулэ* 'слушай это';

[а] ~ [и]: *дапэтта* ‘кормить’ ~ *диптөйм* ‘меня кормили’ ~ *диптэ* ‘корми его’, *лакта* ‘стрелять’ ~ *лык* ‘он стрелял’ ~ *ликэ* ‘застрели’, *ваньтба* ‘резать’ ~ *виньбилэм* ‘я их порезал’ ~ *виньбилэн* ‘порежьте их’;

[э] ~ [и]: *львэтта* ‘ругаться’ ~ *львэттэх* ‘вы ругались’ ~ *льивтытэх* ‘ругайтесь’, *йэкта* ‘плясать’ ~ *йиктэн* ‘вы двое плясали’ ~ *йикиттэн* ‘вы двое танцуйте’, *лэнкта* ‘укрыть’ ~ *лиңкув* ‘мы укрыли’ ~ *лиңкихэдин* ‘укройте их двоих’.

Чередование кратких и сверхкратких гласных происходит только в повелительном наклонении:

[ä] ~ [э]: *вэрта* ‘делать’ ~ *вэра* ‘делай’ *вэдта* ‘добыть’ ~ *вэлэ* ‘добудь его’, *ävэтта* ‘резать’ ~ *эвтытэх* ‘режьте их’, *әнэмта* ‘растить’ ~ *әнма* ‘расти’, *сävэрта* ‘рубить’ ~ *сэврэ* ‘руби’.

Чередование кратких гласных встречается в прошедшем времени и спорадично в повелительном наклонении:

[ä] ~ [ө]: *вэдта* ‘быть, жить’ ~ *вөд* ‘был, жил он’ ~ *вөда/вөда* ‘будь, живи’, *äлта* ‘лежать’ ~ *өдэм* ‘лежал я’ ~ *өда/өда* ‘лежи’.

В современном тромбёганском говоре наблюдаются и такие случаи чередования, которых не существует в других говорах:

[а] ~ [и]: *йастэта* ‘сказать’ ~ *йистэн* ‘ты сказал’ ~ *йиста* ‘скажи’ (в других говорах: *йастэн*, *йаста*), *катэдта* ‘ловить, поймать’ ~ *китлэм* ‘я ловил’ ~ *китлэ* ‘отлови’ (в других говорах: *катлэм*, *катлэ*).

Чередование происходит даже в заимствованных словах: *часы* ~ *чисэм* ‘мои часы’.

2.2. Выпадение звуков

В притяжательном склонении, если лично-притяжательный суффикс начинается с гласного звука, то конечный гласный основы [и] перед ним выпадает: *аңки* ‘мать’ > *аңкэм* ‘моя мать’. Для того чтобы два открытых (заканчивающихся на гласный) слога не оказались рядом, редуцированный гласный

-ə во втором слове при спряжении и склонении также выпадает: *лэйал=та* ‘смотреть’ > *лэйл=а* ‘смотри’, *арəх* ‘песня’ > *арх=ат* ‘песни’.

Встречаются такие выпадения гласных, которые происходят в устной речи, но не отмечаются на письме. Редуцированный гласный [ə] в конечной позиции выпадает, если за ним следует слово, которое начинается с гласного звука: *əнт[ə]* *əлэм* ‘я не лежал’, *вут[ə]* *ымда* ‘сядь на берегу’. Если при склонении или спряжении происходит стечение трех согласных, то средний выпадает: *амп* ‘собака’ > *ам[п]хэн* ‘две собаки’, *сорт* ‘щука’ > *сор[т]хэн* ‘две щуки’, *монь* ‘сказка’ > *монь[т]хэн* ‘две сказки’, *пəнк* ‘зуб’ > *пəн[к]дам* ‘мои зубы’, *чанч* ‘колено’ > *чан[ч]хэдам* ‘два моих колена’, *йынтəп* ‘игла’ > *йын[т]пəн* ‘с иглой’, *йонқарта* ‘жевать’ > *йун[к]рəм* ‘я жевал’, *вонь[т]тəхə* ‘собирать ягоды’. Прочие примеры: *əн[к]рəмтəта* ‘оглянуться’, *қəр[т]тə* ‘спотыкаться’, *қөн[т]та* ‘бросаться в бегство’, *пəнь[т]тə* ‘связать’, *вонь[т]дэт* ‘собирают ягоды’. При этом оглушаются впереди стоящие звуки: [м], [н], [н̄], [ч], [р].

2.3. Вставка звуков

В хантыйском языке существует закон избегания стечения гласных. Разъединение двух гласных достигается посредством добавления между ними (на стыке морфем) согласных [й], [х]. Если основа слова оканчивается на гласный [и] (который иногда передается буквой *ы*), то добавляется согласный [й]: *ики=й=а* ‘мужчине’, *вəқи=й=и* ‘от лисы’, *тыны=й=эм* ‘проданный’. Если основа оканчивается на гласный [а] или [ə], то добавляется согласный звук [х]: *кəшка=х=ат* ‘кошкой’, *кəньика=х=эм* ‘моя книга’, *пужəл қəрə=х=а* ‘на улицу, во двор’, *қəтəл йəцə=х=и* ‘с полудня’.

2.4. Ассимиляция

Если согласный [χ] удваивается или оказывается рядом с [в], [к], [қ], то результатом становится гемината [кк], [ққ]. Ассимиляция всегда отражается и в орфографии и может происходить в следующих случаях:

1) если слово заканчивается согласными [в], [к], [қ], [χ] и к нему прибавляется суффикс, начинающийся с [χ], например, показатель двойственного числа *-χән/-χәл* или суффикс превратительного падежа *-χә*: *күрәк + χән > күрәккән* ‘два орла’, *васаχ + χән > васақкән* ‘две утки’, *ләв + χәл + ам > ләққалам* ‘две мои лошади’, *кәв + χә > кәккә* ‘в камень’;

2) если слово оканчивается на согласные [в], [χ] и следующее за ним слово начинается с [к], [қ]: *қәнтәχ кәл > қәнтәк кәл* ‘хантыйский язык’, *кәв қонәң > кәк қонәң* ‘каменистый берег’, *қөв күт > қөк күт* ‘далёкое расстояние’.

Данная ассимиляция отражается на письме. При этом даже если в начале второго слова стоит заднеязычный [қ], на конце первого пишется *к*: *йув қот > йук қот* ‘деревянный дом’, *мәχ қот > мәк қот* ‘землянка’.

Согласные, следующие за среднеязычными и аффрикатами, уподобляются им: *вонь + таχә > воньвәχә* ‘собирать ягоды’, *кәнч + таχә > кәнччаχә* ‘искать’, *һаң + нат > һаңһат* ‘с хлебом’.

2.5. Фонетическая структура слова

В начале хантыйских слов может стоять любой гласный за исключением фонемы [ö] (*ай* ‘маленький’, *әлта* ‘лежать’, *оц* ‘овца’, *өпи* ‘старшая сестра’, *өвәр* ‘высокий’, *ики* ‘мужчина’, *әви* ‘девочка’, *үрәχ* ‘лишний’, *ыттән вәс* ‘окно’, *уһпта* ‘зевнуть’, *әй* ‘один’), а также любой согласный за исключением звуков [ң] и [χ] (*йәк=та* ‘танцевать’, *кәл* ‘слово’, *қор* ‘бык’, *ләң* ‘лето’, *ляль* ‘война’,

мос ‘хватит’, *пиджи* ‘мошкара’, *руь* ‘русский’, *ворэс* ‘море’, *вйх* ‘деньги’). В исконных хантыйских лексемах в начале слова невозможны сочетания согласных. Стечения согласных в заимствованиях можно избежать тремя путями: 1) добавлением гласного в начале слова: *эшкөла* ‘школа’, 2) добавлением гласного между двумя согласными: *кэньика* ‘книга’, *турпа* ‘труба’, *кэрэк* ‘грех’, 3) опущением одного из согласных: *пасипа* ‘спасибо’.

На стыке слогов и морфем возможны любые сочетания согласных, к примеру: *пйста* ‘быстрый’, *татнам* ‘даром’, *каркам* ‘работающий’, *ирха* ‘пой’, *онтәп=л=ал=нат* ‘со своими люльками’, *әңкрәттәта* ‘глянуть’, *вйрәксәхәлта* ‘одеваться’ и т. д. В хантыйском языке не существует сочетания двух гласных (см. 2.3).

Конечную позицию в слове может занимать любой согласный (например, *васәх* ‘утка’, *най* ‘огонь’, *пан* ‘большой палец’, *сәм* ‘глаз’ и т. д.). В исконных хантыйских словах из гласных в конце могут стоять только [и], [а], [ә] (*һәви* ‘мясо’, *пәәа* ‘здравствуй’, *вйрта* ‘делать’, *йәча* ‘середина’). Исключением из этого правила являются существительные *кө* ‘человек, мужчина’ и *нә* ‘женщина’. При спряжении глаголов в конце слова могут появиться и другие гласные: *вай=э* ‘возьми это’, *мә=л=ө* ‘дается тебе’.

В конце слова возможны следующие сочетания согласных: [мп], [ңк], [ңк], [нт], [һь], [нч], [лт], [ль], [рт]. Например: *кумп* ‘волна’, *йәңк* ‘вода’, *луңк* ‘божество’, *кынт* ‘кузов’, *монь* ‘сказка’, *чанч* ‘колени’, *калт* ‘мифический дух’, *пёль* ‘топлёный жир’, *сорт* ‘щука’. Все они представляют собой сочетание носового и образovanного в том же месте смычного согласного или же сочетание плавной либо дрожащей фонемы со смычной.

Основы слов обычно одно- и двухсложные, реже трехсложные. Об особенностях фонотактики гласных и согласных см. подробнее 1.1.4 и 1.2.6.

3. МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС ЧАСТЕЙ РЕЧИ

3.1. Имена

К группе имен относятся следующие части речи: существительные, прилагательные, числительные и местоимения. Их выделяют по морфологическим и синтаксическим признакам, поэтому в рамках одной главы рассматриваются и морфологические, то есть связанные со склонением, особенности данных частей речи, и их синтаксические характеристики, которые касаются функций внутри предложения. Между именами существительными, прилагательными и числительными невозможно провести четкую границу: они не имеют основ, корней, которые были бы характерны лишь для определенной части речи. Сравним, к примеру, следующие слова (табл. 4):

Таблица 4

Имя существительное	Имя прилагательное	Имя числительное
<i>ävi</i> 'девочка'	<i>nävi</i> 'белый'	
<i>nai</i> 'огонь'	<i>ai</i> 'маленький'	<i>äi</i> 'один'
<i>kanäk</i> 'брусника'	<i>namäk</i> 'мягкий'	<i>näläk</i> 'половина'
<i>konän</i> 'берег'	<i>lilän</i> 'живой'	<i>irjän</i> 'девять'
<i>qot</i> 'дом'		<i>qut</i> 'шесть'
<i>naläm</i> 'язык'	<i>soräm</i> 'сухой'	<i>qeläm</i> 'три'
<i>aräx</i> 'песня'	<i>naräx</i> 'сырой'	<i>nyläx</i> 'восемь'

Имена в хантыйском языке имеют одну основу, которая совпадает с формой основного падежа и к которой присоединяются различные суффиксы. Только два слова имеют две основы: *nä*, *nyñ*= 'женщина' (*nyñ*=*kän* 'две женщины', *nyñ*=*ät* 'женщины', *nyñ*=*a* 'женщине') и *qø*, *quy*= 'мужчина' (*quy*=*çän* 'двое мужчин', *quy*=*ät* 'мужчины', *quy*=*a* 'мужчине', *quy*=*äñ* *nä* 'замужняя женщина').

К существительным, прилагательным и числительным присоединяются падежные суффиксы (см. 3.1.2.3, 3.1.3 и 3.1.4). В зависимости от контекста данные части речи могут

переходить друг в друга: *кăв* ‘камень’, *лэк* ‘дорога’, но *кăв* *лэк* ‘каменная дорога, то есть дорога, уложенная бетонными плитами’.

3.1.1. Словообразование имен

Имена делятся на производные и непроизводные. У непроизводных имен корень слова совпадает с основой, у производных – основа состоит из корня и словообразовательных суффиксов.

Большинство существительных являются непроизводными, и большая часть словообразовательных суффиксов утратила свою продуктивность, то есть их можно выделить с помощью морфологического анализа, но новых слов они не образуют. Это не означает, что хантыйский язык не способен создавать новые слова: словообразование происходит, но не путем суффиксации. Для передачи новых понятий средствами хантыйского языка чаще используется словосложение. Определенные суффиксы могут присоединяться в равной степени как к глаголам, так и к именам; другие способны образовывать как существительные, так и прилагательные. Это также подтверждает, что сложно провести отчетливое разграничение между данными частями речи. Ниже перечисляются словообразовательные суффиксы и даются примеры для каждого способа словопроизводства.

3.1.1.1. Отглагольные имена

Суффиксы отглагольных существительных

Суффикс =*ип* (=ып), =*ап*:

вăлт=ып ‘рубанок’ (от *вăлт=та* ‘строгать’);

кўнч=ип ‘расческа’ (от *кўнч=ча* ‘чесать’);

воньъ=ап ‘набирушка’ (от *воньъ=ъа* ‘собирать ягоды’);

лиңк=ап ‘покрывало’ (от *лэңк=та* ‘покрыть’).

Два последних примера иллюстрируют и то, что словопроизводству может сопутствовать чередование гласных.

Суффикс =пә:

лӗл=пә ‘олово’ (от *лӗл=та* ‘таять, плавиться’);

пӗл=пә ‘масса из рыбьих кишков’ (от *пӗл=та* ‘брызгать’);

сӑнӑ=пә ‘галлюцинация’ (от *сӑнӑ=ӑа* ‘видеть галлюцинации’).

Суффикс =пӑс:

вӑл=пӑс ‘орудие лова’ (от *вӑл=та* ‘добыть’);

мӑт=пӑс ‘усталость’ (от *мӑт=та* ‘устать’);

вӑл=пӑс ‘жизнь’ (от *вӑл=та* ‘жить’).

Суффикс =ӑс:

нӑм=ӑс ‘ум, дума, память’ (от *нӑм=та* ‘помнить’).

Суффикс =ӑм:

образует существительные:

ол=ӑм ‘сон’, *ул=ӑм* ‘сновидение’ (от *ӑл=та* ‘лежать, спать’);

образует прилагательные:

сор=ӑм ‘сухой, сушеный’ (от *сор=та* ‘сохнуть’);

кӑвр=ӑм ‘горячий’ (от *кӑварт=та* ‘кипеть’).

муст=ӑм ‘нужный, удобный’ (от *мустӑ=та* ‘нравиться, годиться’).

Основной функцией форманта =ӑн является образование прилагательных, но в редких случаях с его помощью можно создавать и существительные: *йӑс=ӑн* ‘язык’ (от *йӑстӑ=та* ‘говорить’).

3.1.1.2. Отыменные имена

Суффиксы отыменных имен существительных

Суффикс =ас:

кӑр=ас ‘образ’ (от *кӑр* ‘покров’);

ур=ас ‘плохая примета’ (от *ур* ‘возможность’).

Суффикс =лӑн:

пăх=лән ‘пасынок’ (от *пăх* ‘сын’);

ăв=лән ‘падчерица’ (от *ăви* ‘дочь’);

йăх=лән ‘отчим’ (от *йăх* ‘отец’).

Использование этого суффикса ограничено: он присоединяется лишь к терминам родства в значении ‘не кровный родственник’.

Также с именами, обозначающими родство, используется собирательный суффикс **=са=**. Он никогда не стоит в абсолютном конце слова, за ним всегда следует показатель числа (двойственного или множественного):

эй йăх=са=т ‘братья от одного отца’ (от *йăх* ‘отец’);

өпи=са=хән ‘вдвоем со своей старшей сестрой’ (от *өпи* ‘старшая сестра’).

Самыми продуктивными являются суффиксы субъективной оценки, которые могут присоединяться к любым корням. Они не меняют значения слова, лишь указывают на то, каково отношение говорящего к субъекту или объекту, маркированному данным суффиксом.

Уменьшительно-ласкательный суффикс =ли:

өпә=ли ‘сестренка’ (от *өпи* ‘старшая сестра’);

рытә=ли ‘лодочка’ (от *рыт* ‘лодка’).

Пренебрежительно-ласкательный суффикс =лиңки, выражающий сожаление:

рыт=лиңки ‘громоздкая лодка’;

сорт=лиңки ‘большая щука, бедная щука’.

Суффикс =чăх, обозначающий увеличение:

ики=чăх ‘мужчина с большими мускулами’;

қот=чăх ‘огромный дом’.

Отыменные суффиксы имен прилагательных

Суффикс =и:

йăнк=и ‘мокрый’ (от *йăнк* ‘вода’);

мăх=и ‘местный’ (от *мăх* ‘земля’).

Суффикс =ән в значении 'снабженный чем-нибудь',
высокопродуктивен:

дил=ән 'живой' (от *дил* 'душа');

тын=ән 'дорогой' (от *тын* 'цена');

вэй=ән 'жирный' (от *вэй* 'жир, сало');

сам=ән 'храбрый' (от *сам* 'сердце').

Если производящая основа заканчивается на согласные -
в, -х, -к, -к, то в производном слове вследствие уже
упомянутого фонетического изменения образуется гемината
-кк-, -кк-:

вökk=ән 'сильный' (от *вöv* 'сила');

сикк=ән 'красивый' (от *сив* 'красота');

сökk=ән 'с косами' (от *сäv* 'коса');

вйкк=ән 'с деньгами' (от *вйх* 'железо, деньги');

сйкк=ән 'с шубой' (от *сйк* 'верхняя теплая одежда').

Если конечным гласным производящей основы является
-и, то он сливается с гласным суффикса, в результате чего
редуцированная фонема становится фонемой полного
образования:

сорньән 'золотой' (от *сорњи* 'золото');

һайвән 'мясистый' (от *һайви* 'мясо');

вэлән айвал 'нарта с оленями' (от *вэли* 'олень');

өвпән пәләкнам 'к двери' (от *өвпи* 'дверь');

көчхән луңк 'божество, снабжённое с саблями' (от *көчхи*
'сабля').

Суффикс =ән, =ни

Прилагательные с суффиксами =ән/=ан и =ән различаются тем, что производные с =ән не употребляются сами по себе, а лишь с определением, которое выражено прилагательным или числительным:

өхәр күр=ән өт 'волк (букв. высоконогое что-то)' (от *күр*
'нога');

күт көт=ән-күр=ән тёрәм ньёв ‘с шестью руками, ногами небесный лось’ (от *көт* ‘рука’, *күр* ‘нога’);

қөдам өв=ән мәңк ики ‘трехголовый злой дух’ (от *өв* ‘голова’);

сор сәм=ән йах ‘люди с проворными глазами’ (от *сәм* ‘глаза’);

қәнчаң сәм=ни руь қө ‘русский мужчина с синими глазами’ (от *сәм* ‘глаза’).

Во всех трех угорских языках эти два форманта имеют общее происхождение. В определительных конструкциях, встречающихся в фольклоре обско-угорских народов, данные словообразовательные суффиксы часто употребляются вместе: *вот=ән лул=ни әнал тёрәм* ‘великое божество с ветреным ртом’ (от *вот* ‘ветер’ и *лул* ‘рот’).

В некоторых случаях прилагательное с суффиксом =ән меняет свое значение и переходит в разряд существительных, например:

ахән ‘подбородок’ > *ахн=ән* ‘бородатый’ > ‘русский (человек)’;

қән ‘живот’ > *қән=ән* ‘с (большим) животом’ > ‘беременность’.

Суффикс =*ни* может присоединяться и к прилагательным, и служит для выделения, подчеркивания одного объекта среди остальных обладающих похожими качествами предметов. Поскольку в хантыйском языке отсутствует изменение прилагательных по степеням сравнения, производные с суффиксом =*ни* могут быть переведены и прилагательными в сравнительной степени:

ай=ни ‘поменьше (из двух или многих)’ (от *ай* ‘маленький’);

әнал=ни ‘побольше (из двух или многих)’ (от *әнал* ‘большой’);

күтән=ни ‘средний’ (от *күт* ‘середина’).

Лишительный суффикс =*лэx* также очень продуктивен. Формант =*лэx* функционирует не только как суффикс прилагательного, но и как падежный формант и показатель причастия отрицания (см. 3.1.2.3.2.9, и 3.3.4). Производные с =*лэx* можно различить по их морфологическим и синтаксическим особенностям. В этом разделе анализируются прилагательные, образованные от существительных и выполняющие в предложении роль определения:

сэм=лэx ‘слепой’ (от *сэм* ‘глаза’);

пэл=лэx ‘глухой’ (от *пэл* ‘ухо’);

сам=лэx ‘трусливый’ (от *сам* ‘сердце’);

вөв=лэx ‘слабый’ (от *вөв* ‘сила’);

Ма *пос=лэx* *көтхэлам потлихэн*. ‘У меня мерзнут руки без варежек (букв. безварежные две руки мои мерзнут)’.

Производные с суффиксами =*эң* и =*лэx* формируют серии прилагательных, которые обозначают обладание и необладание признаком, названным производящей основой, например: *сам=эң* ‘храбрый’ – *сам=лэx* ‘трусливый’ (от *сам* ‘сердце’), *вөкк=эң* ‘сильный’ – *вөв=лэx* ‘слабый’ (от *вөв* ‘сила’), *сүй=эң* ‘громкий’ – *сүй=лэx* ‘тихий’ (от *сүй* ‘шум, звук’) и т. д.

К производным словам можно присоединить и другие суффиксы, с помощью которых создаются группы однокоренных слов, например: *нэм=эс* ‘ум, дума, память’ (от *нэм=та* ‘помнить’), *нэм=с=эң* ‘умный, смысленный’, *йэм нэм=с=эп* ‘добрый, добродушный’, *нэм=эс=лэx* ‘забывчивый, беспамятный’.

3.1.1.3. Словопроизводство в области языка, связанной с табу

В хантыйском языке существует пласт, в котором суффиксация является частым способом словообразования, – это лексика, сформировавшаяся под влиянием табу, которое связано с культом медведя. Суть данного явления

состоит в том, что при упоминании медведя используются слова, не употребляемые в повседневности. С особой силой это правило проявляется во время медвежьих игр. Словообразование при этом может происходить множеством способов: начиная от замены в слове некоторых звуков и заканчивая формулированием сложных метафорических выражений. Использование суффиксов является одним из этих способов. Особенно часто прибегают к помощи суффикса =*ən*/*in*, который образует новые слова как от глаголов, так и от имен. Корень слова не всегда возможно выделить (в случае так называемых связанных корней). [Источник примеров: Сепреги–Кажукова 2011.]

Отглагольные производные:

умс=in ‘зад медведя’ (от *омас=та* ‘сидеть’);

кыльѳ=in ‘задница, крестец медведя’ (от *кыльѳ=ѳа* ‘подвинуться, отодвинуться’);

лӓхл=in ‘зубы медведя’ (от *лӓхлантӓ=та* ‘жевать’);

выхӓлт=ən ‘добыча’ (от *выхӓлтӓ=та* ‘спустить/убить медведя’);

лӓнӓлт=ən ‘мифическая песня при медвежьих играх’ (от *лӓнта* ‘войти’);

ӓнӓл мул=ən ‘великая молитва’ (от *мул=та* ‘молиться’).

В литературном языке вне области, связанной с табу, используется суффикс =*ам*: *мул=ам* ‘молитва’.

Отыменные производные:

конт=ən ‘задняя лапа медведя’ (от *конт* ‘ножка лабаза’);

кӓсл=in ‘глаз медведя’ (от *кӓс* ‘звезда’).

Слова с суффиксом =*ən* перенимаются в рассматриваемый языковой пласт и из основного лексикона литературного языка:

кӓчӓп ‘кишки медведя’ (от *кӓчӓп* ‘крепкая веревка, гибкий корень дерева’);

сойӓп ‘пасть медведя’ (от *сойӓп* ‘невод’);

vānəp ‘коготь медведя’ (от *vānəp* ‘рыболовный крючок’).

Производные, образованные от связанных корней:

lāxip ‘лопатка медведя’;

lasip ‘пасть медведя’;

mūŋkɫip ‘медвежье ухо’;

pəçip, *pāṭçip* ‘язык медведя’;

šikip ‘нос медведя’.

В лексике, связанной с табу, используется и непродуктивный суффикс =*интаx*/=*ынтаx*:

kūnyntax ‘шкура медведя’ (от *kūn* ‘шерсть медведя’);

qərintax ‘шкура медведя’ (от *qəp* ‘покров’).

3.1.2. Склонение имен

Среди именных частей речи наиболее полной системой склонения обладают имена существительные. Они имеют категории падежа (девять падежей), числа (единственное, двойственное, множественное) и личного притяжания. Посессивность выражается системой лично-притяжательных суффиксов, маркирующих лицо и число обладателя, а также число обладаемого.

Прилагательные и числительные в функции определения не склоняются, если же они выступают как самостоятельные члены предложения, то уподобляются формам существительных. Указательные и вопросительные местоимения также изменяются по падежам. Личные местоимения имеют особую систему склонения, состоящую из 11 падежей (см. 3.1.5.1).

В случае существительных основа слова, его словарная форма совпадают с формой основного падежа. К этой основе присоединяются различные суффиксы. Изменения в основе при склонении происходят лишь у двух слов: *nə* ‘женщина’ (*nyŋ=ət* ‘женщины’, *nyŋ=a* ‘женщине’ и т. д.) и *qə* ‘мужчина’ (*quy=ət* ‘мужчины’, *quy=a* ‘мужчине’ и т. д.). Случается, что

падежные суффиксы употребляются и с исходной формой этих двух лексем: *ның=нат* ~ *нэ=нат* 'с женщиной', *куй=хэн* ~ *кө=хэн* 'двое мужчин'. Порядок присоединения суффиксов: основа слова + показатель числа + лично-притяжательный суффикс + падежный суффикс, например:

- кот* 'дом';
- кот=нэ* 'в доме';
- кот=эт=нэ* 'в домах';
- кот=л=ам=нэ* 'в моих домах'.

3.1.2.1. Категория числа имени существительного

Имя существительное имеет единственное, двойственное и множественное число, которые различаются по значению и формантам.

Единственное число имени существительного обозначает единичность предмета и не имеет специального морфологического показателя, например: *вэли* 'олень', *амп* 'собака', *кот* 'дом'.

Двойственное число обозначает два предмета. Его показателем в абсолютном склонении является формант *=хэн*: *кот=хэн* 'два дома'. Перед показателем двойственного числа происходит ассимиляция, упомянутая в разделе 2.4 (*войэх* + *=хэн* > *войэккэн* 'два зверя', *күрэк* + *=хэн* > *күрэккэн* 'два орла', *васэх* + *=хэн* > *васэккэн* 'две утки', *көтән* + *=хэн* > *көтәнкэн* 'два лебедя'), а также выпадает конечный гласный основы *-э* (*көрэ* 'покров', *көр=хэн* 'два покрова').

Множественное число обозначает множество предметов и образуется с помощью суффиксов *=т/=эт*. С основами на *-и* используется показатель *=т* (*вэли=т* 'олени'), во всех других случаях – *=эт* (*йух=эт* 'деревя', *амп=эт* 'собаки'). Перед суффиксом множественного числа конечный основы *-э* выпадает: *көрэ* 'покров', *көр=эт* 'покровы'. К словам, заканчивающимся на *-а*, показатель множественного числа присоединяется с помощью согласного *-х* (*кэшка=хэт*

‘кошки’). Перед суффиксом множественного числа выпадает гласный *-ə* второго слога основы: *войəх* + *=əт* > *войхəт* ‘звери’. В притяжательном склонении двойственность обладания выражается показателем *=хəл*, множественность обладания – суффиксом *=л* (подробнее об этом в следующем разделе 3.1.2.2).

Примеры присоединения показателей числа (табл. 5):

Таблица 5

Единственное число	Двойственное число	Множественное число
<i>вэли</i> ‘олень’	<i>вэли=хəн</i> ‘два оленя’	<i>вэли=т</i> ‘олени’
<i>əпи</i> ‘старшая сестра’	<i>əпи=хəн</i> ‘две сестры’	<i>əпи=т</i> ‘сестры’
<i>кəрə</i> ‘покров’	<i>кəр=хəн</i> ‘два покрова’	<i>кəр=əт</i> ‘покровы’
<i>кəт</i> ‘дом’	<i>кəт=хəн</i> ‘два дома’	<i>кəт=əт</i> ‘дома’
<i>əмп</i> ‘собака’	<i>əмп=хəн</i> ‘две собаки’	<i>əмп=əт</i> ‘собаки’
<i>войəх</i> ‘зверь’	<i>войəх=кəн</i> ‘два зверя’	<i>войхəт=əт</i> ‘звери’
<i>васəх</i> ‘утка’	<i>васəк=кəн</i> ‘две утки’	<i>васхəт=əт</i> ‘утки’
<i>лəпкə</i> ‘магазин, лавка’	<i>лəпкə=хəн</i> ‘два магазина’	<i>лəпкə-хəт</i> ‘магазины’

3.1.2.1.1. Употребление форм единственного, двойственного и множественного числа

В хантыйском языке нет таких имен существительных, которые бы употреблялись лишь в форме множественного или двойственного числа. Исключением являются словоформы, содержащие в себе собирательный суффикс *=са=*, в конце которых обязательно использование показателя числа (см. 3.1.1.2): *əй йəх=са=т* ‘братья от одного отца’, *əпи=са=хəн* ‘вдвоем со своей старшей сестрой’. В то же время имеются имена существительные, употребляющиеся только в единственном числе. Они обозначают абстрактные понятия или вещество, например: *сив* ‘красота’, *йəм* ‘дождь’, *рəк* ‘мука’.

Форма единственного числа используется вместо формы множественного числа, выражая таким образом собирательность, например: *Кəнəк вəньəлəм*. ‘Я собираю ягоды’; *Йəх йəвəт/йəвəтəт*. ‘Люди (пришел)/пришли’. В последнем

случае сказуемое может стоять как в единственном, так и во множественном числе, иначе говоря, возможно и формальное, и смысловое согласование.

Двойственное число употребляется для называния парных предметов, в частности, частей человеческого тела: *сәм=хән* 'два глаза', *көт=хән* 'две руки'. Для обозначения одной из парных частей тела используется слово *пәләк* 'половина': *сәмпәләк* 'одноглазый', *күрпәләк* 'одноногий'.

Имена существительные, выражающие два разных, единичных, но тесно сосуществующих лица или предмета, принимают форму двойственного числа: *Ими=хән ики=хән вәлдә=хән*. 'Жена и муж живут (букв. две женщины, два мужчины живут вдвоем)'. В подобных случаях двойственное число служит для соединения двух подлежащих. Таким же образом с помощью показателя множественного числа можно объединить члены предложения, имеющие одинаковую функцию: *Дәх пырәс ики тас=әт-вәх=әт йәкә илтәт*. 'Они перетаскали домой богатство старика (букв. богатства-деньги)'.

3.1.2.2. Категория притяжательности имени существительного

Все имена существительные могут иметь притяжательные суффиксы, указывающие на принадлежность данного предмета тому или иному лицу, выраженному местоимением. Владелец может опускаться, но и в этом случае он определяется по лично-притяжательному суффиксу. Притяжательные форманты указывают на лицо и число владельца, а также на число обладаемого. Система суффиксов состоит из 27 форм.

Единственное число обладаемого не маркировано специальным формантом. Показателем двойственного числа обладаемого является суффикс *=хәл=*, а показателем

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС ЧАСТЕЙ РЕЧИ

множественного числа – суффикс =л=. После показателей числа обладаемого следует суффикс, выражающий лицо и число обладателя. Эти суффиксы представлены в следующей таблице (табл. 6):

Таблица 6

Обладатель		Место-имение	Число обладаемого		
Число	Лицо		Единственное число	Двойственное число	Множественное число
Ед. ч.	1.	ма	=эм, =эм, =ам	=хэл=ам	=л=ам
	2.	нўн	=эн, =эн, =э, =а,	=хэл=а	=л=а
	3.	лўв	=эл	=хэл	=л=эл
Дв. ч.	1.	мин	=мэн	=хэл=амэн	=л=амэн
	2.	нын	=ин	=хэл=эн	=л=эн
	3.	лин	=ил	=хэл=эн	=л=ин
Мн. ч.	1.	маң	=ув, =эв	=хэл=ув	=л=ув
	2.	наң	=ин	=хэл=ин	=л=ин
	3.	лаҳ	=ил	=хэл=эл	=л=эл

Как уже упоминалось в разделе 2.1.2.1, в парадигме притяжательных суффиксов, указывающих на единственное число обладаемого, происходит чередование гласных. Гласные первого слога -о-, -ө-, -а-, -э- перед притяжательными суффиксами чередуются с -у-, -ы-, -и-. При присоединении притяжательных показателей, выражающих двойственность или множественность обладаемого, чередование гласных не наблюдается (табл. 7).

Таблица 7

қот ‘дом’

Обладатель		Место-имение	Число обладаемого		
Число	Лицо		Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
Ед. ч.	1.	ма	қут=эм	қот=хэл=ам	қот=л=ам
	2.	нўн	қут=эн	қот=хэл=а	қот=л=а
	3.	лўв	қут=эл	қот=хэл	қот=л=эл
Дв. ч.	1.	мин	қут=ымэн	қот=хэл=амэн	қот=л=амэн
	2.	нын	қут=ын	қот=хэл=эн	қот=л=эн

	3.	лин	қут=ыл	қот=хал=эн	қот=л=ин
Мн. ч.	1.	мәң	қут=ув	қот=хал=ув	қот=л=ув
	2.	нәң	қут=ын	қот=хал=ин	қот=л=ин
	3.	дәх	қут=ыл	қот=хал=ал	қот=л=ал

Другие примеры: *ньорам* ~ *ньурм=эм* ‘мое болото’ *дөй* ~ *луй=эн* ‘твой палец’, *ьянь* ~ *ьянь=ал* ‘его хлеб’, *вар* ~ *вир=ув* ‘наш запор’, *най* ~ *ный=мән* ‘наш (двоих) огонь’, *йэк* ~ *йик=ил* ‘их танец’.

Притяжательные суффиксы 1-го и 2-го лица единственного числа, выражающие единственное число обладаемого, в зависимости от говора имеют различные варианты: *вйх=эм* ~ *вйх=эм* ~ *вйх=ам* ‘мое железо’, *кäv=эм* ~ *кäv=эм* ‘мой священный камень’, *кäv=ам* ‘мой камень’, *кäv=а* ‘твой камень’ [Honti 1977]. Для детального описания их использования требуются дальнейшие исследования. Иногда варианты одного показателя служат для выражения противопоставления ‘конкретный ~ общий’: *мәх=ув* ‘точно наша земля’, *мәх=эв* ‘общая родная наша земля’. В случае слов на -и, обозначающих родство, в 1-м и 2-м лице единственного числа используется гласный полного образования: *аңки* – *аңк=эм*, *аңк=э* ‘моя мать, твоя мать’; *аъи* – *аъ=эм*, *аъ=э* ‘мой отец, твой отец’; *өпи* – *өп=эм*, *өп=э* ‘моя, твоя старшая сестра’.

Если слово оканчивается на согласные -в, -к, -қ, -х, то перед показателем двойственного числа обладаемого происходит ассимиляция, упомянутая в разделе 2.4: *дäv* + *=хал* + *=ам* > *дävқәдам* ‘две моих лошади’. Если в конечной позиции стоит -ң, наблюдается неполная ассимиляция: -ң сохраняется, но в суффиксе происходит изменение *х* > *к*, *қ* (*қәтәнң* + *=хал* + *=ал* > *қәтәнқәдал* ‘два их лебедя’).

Внутри слова лично-притяжательный суффикс занимает позицию перед падежным формантом после показателя

числа: *амп=л=ам=нат* ‘с моими собаками (букв. собаки=многие=мои=вместе)’.

3.1.2.2.1. Употребление лично-притяжательных суффиксов

3.1.2.2.1.1. С точки зрения синтаксиса

Притяжательная конструкция состоит из двух членов: обладателя и обладаемого. Если обладатель выражен именем существительным, то притяжательная связь в сургутском диалекте обозначается простым сочетанием обладателя и обладаемого без использования специальных формантов. В притяжательных конструкциях обладатель всегда находится на первом месте, за ним следует обладаемое:

Ма тэм лекэр қоньъба қота мәнләм. ‘Я иду в больницу этого врача’;

Тэм қоньъба қот лекэр – ырас ики. ‘Врач этой больницы – старый человек’;

қә дайәм ‘топор мужчины (букв. мужчина топор)’.

Притяжательные конструкции в предложении могут выполнять любую роль, например, быть сказуемым:

Тэми – Иван ыт. ‘Это – лодка Ивана’.

Также они могут занимать позицию дополнения:

Ма Иван ыт кәнчләм. ‘Я ищу лодку Ивана’.

Кроме этого они могут быть обстоятельством:

Иван ытнат мәнлув. ‘Едем на лодке Ивана (букв. Иван лодкой едем)’.

Притяжательный суффикс присоединяется к обладаемому исключительно в том случае, когда притяжательная конструкция является подлежащим, а сказуемое выражено наречием или именем:

Иван ыт=әл ытты. ‘Здесь лодка Ивана (букв. Иван лодка=его здесь)’.

Абэ ням=эл қбднэ? ‘Как зовут твоего отца? (букв. Отец=твой имя=его как?)’

Миша қут=эл олқас. ‘Дом Миши старый (букв. Миша дом=его старый)’.

Машина тын=эл ньылаҳ сот ныпэк. ‘Цена машины – восемьсот рублей’.

В тех же случаях, когда обладатель выражен личным местоимением, к обладаемому в обязательном порядке присоединяется притяжательный суффикс. Личное местоимение в притяжательной конструкции – также, как и существительное, обозначающее обладателя – имеет форму основного падежа:

Тэми ма қут=эм. ‘Это мой дом’.

Личное местоимение может опускаться, для указания обладателя достаточно притяжательного суффикса:

Қут=эм йадэп. ‘Мой дом новый’.

3.1.2.2.1.2. С точки зрения семантики

В хантыйском языке нет таких существительных, с которыми использование притяжательных суффиксов было бы обязательным, однако существуют семантические группы, в случае которых притяжательные суффиксы присоединяются часто:

а) термины родства (пәх=ам ‘мой сын’, вöң=эл ‘его зять’, äв=э ‘твоя дочка’):

Пәх=ам йөвэт. ‘Мой сын пришел’;

Икэ=м вöң=ув=нат рөпитләл. ‘Мой муж работает с нашим зятем’;

Аңки=хэл=а–ағы=хэл=а лилдәңкән? ‘Твои родители живы? (букв. мать=две=твой отец=два=твой живы=двое?)’;

б) названия частей тела (тур=эм ‘мое горло’, сэм=ам ‘мое сердце’ пәл=эм/пәл=ам ‘мое ухо’, сәм=ам ‘мой глаз’, пәл=хэл=а ‘два твоих уха’):

Ма пӓңк=ам йӓмат кӓчӓ. ‘У меня сильно болит зуб (букв. зуб=мой)’;

Пал=хӓл=ам ытлӓккӓн. ‘Слух плохой (букв. ухо=два=мои плохие=два)’;

Дул=э архӓ пунцӓ! ‘Открой рот (букв. рот=твой)!’

Притяжательные формы кроме собственно притяжательного могут иметь также возвратно-притяжательное значение, например:

Ики дӓйм=ӓл йӓта вӓйтӓх. ‘Мужчина взял с собой **свой** топор’;

Ики лӓв дӓйм=ӓл йӓта вӓйтӓх. ‘Мужчина взял с собой **его** топор’;

Нӓврӓмӓт амнӓт тӓйлӓт. Дӓх амн=л=ӓл лӓх лӓхӓ лӓпӓтлӓлӓл. ‘У детей собаки. Они кормят **своих** собак сами’;

Нӓврӓмӓт имийӓ ныхӓртӓлӓт. Дӓх лӓв амн=л=ӓл лӓпӓтлӓт. ‘Дети помогают женщине. Они кормят **её** собак’.

3.1.2.2.1.3. С точки зрения построения текста

Притяжательные суффиксы играют важную роль в связности текста. В потоке речи они указывают на обладателя, который не упомянут в предложении. Данное явление будет проиллюстрировано отрывком из сказки. В хантыйском тексте притяжательные суффиксы выделены, в русском переводе соответствующие им формы заключены в квадратные скобки.

(Лӓв) йӓкӓнам мӓн панӓ йистӓхӓ йӓх. Кут=ӓл=а йӓвӓттӓхӓ йӓхмӓлӓ, сӓм йӓңк=ӓл илӓ мӓнӓттӓх панӓ йӓкӓ лӓн. Бу ими=л йӓстӓл:

– Мӓват, – мӓттӓ, – **аӓ=н=нӓ** мӓв шир йӓсӓнат йӓстӓ?
Нӓхмин тӓхнам йӓлӓн?

– Мӓв тохи **йисч=ӓл** мантӓм йӓстӓл.

– Энта, йисмин валэ йақэнам йүвэн. Йақэнам лянтахэ йахманна, **сәм=хэл=а** илэ мөңэтхала. Тэтты та, сәм **йәңк=л=а!**

‘Домой он побрел и слезами залился. Как к [своему] дому подходить стал, слезы [свои] утер и в дом вошел. Молвит жена [его]:

– Что, – говорит, – что сказал тебе отец [твой]? Со смехом сюда идешь?

– Какое слово [его] [он] мне скажет.

– Нет, ведь со слезами ты домой пришел. Когда входил, глаза [твои] вытер. Вот слезы твои!’ [Чепреги 2015: 53, 110]

Притяжательные суффиксы могут обозначать не только обладание, но и соотносительность связанных друг с другом лиц, предметов. Примеры из фольклора продемонстрируют эту функцию. В одной сказке речь идет о трех братьях, младший из которых упоминается рассказчиком таким образом: *айпи куй=ин* ‘младший брат (букв. поменьше мужчина их двоих)’, т. е. среди них младший [Чепреги 2015: 9, 63].

В другой сказке необычные существа кричали героине, идущей в определенное место, странные вещи. Когда она возвращалась обратно, это повторялось: *Пәрхинам мәнмал, ай вут=л=ал=нэ өс вихли*. ‘На обратной дороге снова те же ей кричат (букв. теми её она была окриknута)’ [Чепреги 2015: 11, 65].

Притяжательные суффиксы могут присоединяться не только к именам существительным, но и к другим именам, местоимениям, причастиям и послелогам. Они будут рассмотрены позже в разделах о соответствующих частях речей.

3.1.2.3. Категория падежа имени существительного

В сургутском диалекте в системе склонения существительных выделяются следующие падежные формы (табл. 8):

Таблица 8

Падежные формы имен существительных

Название падежа		Падежный суффикс
В русском языке	В международной лингвистике	
Основной (значение: именительный, винительный и родительный)	Номинатив (Аккузатив, Генитив)	нулевой
Направительный	Латив	=а
Местный	Локатив	=на
Исходный	Аблатив	=и (=ы)
Общенаправительный	Апроксиматив	=нам
Превратительный	Транслатив	=хэ
Творительный	Инструктив	=ат
Совместный	Комитатив	=нат
Лишительный	Каритив / Абессив	=лаҳ

Существительные изменяются по падежам в единственном, двойственном и множественном числе. Склонение существительных, оканчивающихся на согласный звук, на примере слова *қот* 'дом' (табл. 9):

Таблица 9

Падеж	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
Основной	<i>қот</i>	<i>қот=хэн</i>	<i>қот=эт</i>
Направительный	<i>қот=а</i>	<i>қот=хэн=а</i>	<i>қот=эт=а</i>
Местный	<i>қот=на</i>	<i>қот=хэн= на</i>	<i>қот=эт= на</i>
Исходный	<i>қот=ы</i>	<i>қот=хэн=ы</i>	<i>қот=эт=ы</i>
Общенаправительный	<i>қот=нам</i>	<i>қот=хэн=нам</i>	<i>қот=эт=нам</i>
Превратительный	<i>қот=хэ</i>	<i>қот=хэн=хэ</i>	<i>қот=эт=хэ</i>

Марта Чепреги Сургутский диалект хантыйского языка

Творительный	қот=ат	қот=хэн=ат	қот=ат=ат
Совместный	қот=нат	қот=хэн=нат	қот=ат=нат
Лишительный	қот=дәх	қот=хэн=дәх	қот=ат=дәх

Из таблицы видно, что за корнем слова следует показатель числа и за ним падежный суффикс. Падежные суффиксы легко отделимы от числовых показателей и одинаковы во всех числах. Такая предсказуемость в присоединении суффиксов характерна для агглютинативных языков, каким является и хантыйский. В таблице ниже приводится краткий обзор падежных значений (табл. 10). Более полное их описание будет дано позже (3.1.2.3.2).

Таблица 10

Падеж	Единственное число	Приблизительный русский перевод
Основной	қот	дом
Направительный	қот=а	в дом
Местный	қот=нә	в доме
Исходный	қот=ы	из дома
Общенаправительный	қот=нам	к дому
Превратительный	қот=хә	домом/в дом
Творительный	қот=ат	за домом, ради/для дома
Совместный	қот=нат	с домом
Лишительный	қот=дәх	без дома

Склонение существительных, оканчивающихся на гласный звук *-и*, на примере слова *вэли* 'олень' (табл. 11):

Таблица 11

Падеж	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
Основной	вэли	вэли=хэн	вэли=т
Направительный	вэли-й=а	вэли=хэн=а	вэли=т=а
Местный	вэли=нә	вэли=хэн=нә	вэли=т=нә
Исходный	вэли-й=и	вэли=хэн=ы	вэли=т=ы
Общенаправительный	вэли=нам	вэли=хэн=нам	вэли=т=нам

Превратительный	вэди=хэ	вэди=хэн=хэ	вэди=т=хэ
Творительный	вэди-й=ат	вэди=хэн=ат	вэди=т=ат
Совместный	вэди=нат	вэди=хэн=нат	вэди=т=нат
Лишительный	вэди=лэх	вэди=хэн=лэх	вэди=т=лэх

3.1.2.3.1. Морфонологические замечания

Если к слову, оканчивающемуся на гласный, присоединяется падежный суффикс с гласным в начале (в назывательном, исходном и творительном падежах), то между двумя гласными добавляется согласный (см. 2.3). В словах с конечным *-и* добавляется соединительный согласный *-й*: *ими-й=а* ‘женщине’, *сәнқи-й=и* ‘из песка’, *вурқи-й=ат* ‘воронной’. Если же слова оканчиваются на *-а* и *-э*, то после них требуется согласный *-х*: *лопка-х=и* ‘из магазина’, *ручка-х=ат* ‘ручкой’, *пухал қайра-х=а* ‘на улицу’.

Если в конечной позиции стоят согласные *-в*, *-к*, *-қ*, *-х*, то перед суффиксом превратительного падежа происходит ассимиляция, упомянутая в разделе 2.4: *дáv + =хэ > дáққэ* ‘(становиться) лошадь’, *вáх + =хэ > вáққэ* ‘(превращаться) в железо’. Если в конце слова стоит *-ң*, ассимиляция является неполной: конечный согласный *-ң* сохраняется, но в суффиксе происходит изменение *х > к*, *қ*: *қэтән + =хэ > қэтәнқэ* ‘(становиться) лебедем’, *вөң + =хэ > вөңкэ* ‘(становиться) зятем’.

3.1.2.3.2. Функции падежных форм в предложении

Падежные суффиксы чаще всего присоединяются к именам существительным, но в определенных синтаксических позициях их также могут иметь прилагательные, числительные и местоимения. В дальнейшем речь пойдет о склонении всех именных частей речи. Изменение по падежам местоимений отличается от склонения других именных частей речи, об этом будет сказано отдельно (см. 3.1.4). Причастия, в том числе и отрицательные, также могут

присоединять падежные суффиксы, но их функции будут рассмотрены в специальной главе (см. 3.3.2 и 3.3.4).

3.1.2.3.2.1. Основной падеж

Основной падеж характеризуется отсутствием падежного оформления. Существительные в основном падеже принимают лишь суффиксы числа и личной притяжательности. Они отвечают на вопросы *кэ́йахи* ‘кто, кого, чей’, *мүвади* ‘что’, *мата* ‘какой, который’.

Синтаксические функции основного падежа

а) выражение подлежащего:

Нэврэм нэ́хал. ‘Ребенок смеется’;

б) выражение именного сказуемого:

Ма кэ́нар нэ́ вэ́сам. ‘Я бедная женщина’;

Тэми – ма нэ́хам. ‘Это – мой сын’;

в) выражение прямого дополнения:

Ма энэл сорт вэ́дэм. ‘Я поймал большую щуку’;

Ики сэ́сэх вэ́р. ‘Мужчина сделал slopeц’;

г) выражение обладателя-определения в притяжательных конструкциях:

тэ́рам қон ими ‘жена небесного владыки’;

а́эм рыт ‘лодка моего отца’;

д) выражение обращения:

Нүң, ими, дита йа́хэн? ‘Ты, жена, проголодалась?’;

е) в сочетании с послелогами выражение второстепенных членов предложения:

лэк кэ́вит ‘по дороге’;

пэ́сан өвтыйа ‘на стол’;

йух сайнэ́ ‘за деревом’;

ж) в редких случаях выражение обстоятельства времени:

Пыр қы́тэл сарнам мэн. ‘На следующий день он пошел дальше’;

з) в определительных конструкциях прилагательное остается в основном падеже и в том случае, когда к определяемому прибавляются показатели числа или падежные суффиксы:

әнәл қот ‘большой дом’;

әнәл қот=нә ‘в большом доме’;

әнәл қот=әт=нә ‘в больших домах’;

и) абсолютная форма имени употребляется и в функции относительного прилагательного-определения, обозначая материал, из которого сделан предмет:

мәк қот ‘землянка’;

кәв ләк ‘каменная дорога’;

вәх ләк ‘железная дорога’;

й) в трехвалентных конструкциях (см. 3.2.5.4) форму основного падежа принимает не прямой объект (пациенс), а лицо-адресат (реципиент):

Аңки нъэврәмәл ыһәәт мәл. ‘Мать своему ребенку дает хлеб’.

3.1.2.3.2.2. Направительный падеж

Направительный падеж оформляется суффиксом =а. Существительные в направительном падеже отвечают на вопросы *қәйәһийә* ‘кому, для кого’ *мүвәлийә* ‘во что, на что’, *қәдһәм* ‘куда’, *мүв тоһийә* ‘куда, на какое место’.

Существительные в направительном падеже выражают:

а) внешне-местное направительное значение:

Бу сунтуқад қуыһ=әл=а умәттәх, вәди-й=а. ‘Она поставила свой ящик возле себя, на пол’;

б) внутренне-местное направительное значение:

Ма йәңк=а көрәхдәм. ‘Я упаду в воду’;

в) место, являющееся пределом направленного на него действия:

Моқи ол йәвтәм **аңқл=әт=а** йёвәт. ‘Он дошел до прошлогодних пеньков’;

г) лицо-адресат, которому предназначается предмет, подвергаемый действию:

Аңқи **ньэврәм=әл=а** ьянь мәл. ‘Мать дает хлеб своему ребенку’;

Ими **ики-й=а** пүт вәрәл. ‘Женщина готовит для мужчины еду’;

д) лицо, к которому обращаются с помощью глаголов ‘сказать’, ‘говорить’:

А́вәли=**л=а** йәстә=х. ‘Она сказала своей дочке’;

ж) в качестве обстоятельства времени выражает временной предел, до которого длится определенное действие:

Мәң **лёң=а** сәраң йёвтув. ‘Мы до лета еле дожили’;

з) зависимую часть при глаголах йә=таҳә ‘стать’, ‘превращаться во что-либо’:

Пыр **қәтәл=а** йәх. ‘Настал следующий день’.

3.1.2.3.2.3. Местный падеж

Местный падеж оформляется суффиксом =нә (=ән, =ин). Существительные в местном падеже отвечают на вопросы *қёйақинә* ‘в ком, кем’, *мүвақинә* ‘в чём, на чём, чем’, *қәтты* ‘где’, *мүв тоқинә* ‘на каком месте’, *қунтә* ‘когда’.

Местный падеж выражает:

а) внешне-местное значение, указывая на место действия или местонахождение предмета где-либо:

йәвән=нә ‘на реке’;

ньөрәм=нә ‘в лесотундре’;

б) внутренне-местное значение, указывая на место действия или местонахождение предмета внутри чего-либо, например:

қот=нә ‘в доме’;

воқ=нә ‘в городе’;

лопка=нә ‘в магазине’;

в) время протекания действия:

эй лат=нә ‘однажды (букв. в одно время)’;

әнәд йимән қәтл=әт=нә ‘по большим праздникам’;

сүвәс=нә ‘осенью’, *түлх=ин* ‘зимой’, *тәв=ин* ‘весной’,
дәһ=ин ‘летом’;

г) в пассивных конструкциях субъект действия или агенса:

Мәһк ики=нә әнтә тәһәмт=ы. ‘Леший этого не понял’;

Ими=нә пут вәрди. ‘Женщина готовит еду’ (букв. Женщиной готовится еда).

3.1.2.3.2.4. Исходный падеж

Исходный падеж образуется с помощью суффикса =и/=ы. Существительные в исходном падеже отвечают на вопросы *қәйәһийи* ‘от кого, с кого’, *мүвәлийи* ‘от чего, из чего’, *қәл сохит* ‘откуда’, *мүв тохийи* ‘из какого места’.

Исходный падеж обозначает:

а) место, из которого исходит движение:

Лүв һоди тывл=әл=и һод ләвимтәх. ‘Он вынул стрелу из своего колчана’;

Би қот=ы ар сәһнам най вәләхләд. ‘Из дома в разные стороны светит огонь’;

Мәһ қут=ув=и рәһ ванна. ‘От нашего дома гора близко’;

б) лицо (или предмет), у которого что-либо берется:

Тәм нәврәм һың=әт=ы һаһ вух. ‘Этот ребенок у женщин хлеб попросил’;

в) целый предмет или множество однородных предметов, от которых отделяется часть:

Сорт сәл=и әнәд һәд ситәм. ‘Из щучьих потрохов большой заглотиш вырезал’;

Сунтук=әт=ы вәләм. ‘Я беру (один) из ящиков’;

г) материал или вещество, из которого что-либо изготавливается:

Ыла сәвәрмам йух=и аьэм рыт вәрэл. ‘Из дерева, которое я срубил, отец мой лодку сделает’;

д) место, мимо которого или сквозь которое происходит действие:

Нүн тьу лэк=и йүва! ‘Иди по той дороге!’;

Қот қән=ы ййқә=нам лэйэл. ‘Он посмотрел внутрь сквозь окошко в крыше дома’;

е) точку приложения силы:

Авас өрт кэнар қө пәрили ылә көсиптәх, рөқсөв=әл=и. ‘Северный богатырь сдернул бедного человека (схватившись) за его воротник’;

Бу көчүлнат тьу ими өв илә сәвәрмтәх, сапәл=и. ‘Голову женщины мечом он отрубил (нанеся удар) по шее’;

Гриша йәнка көрәх. Даша күр=әл=и китәл панә утә тылтәх. ‘Гриша упал в воду. Даша схватила его за ногу и вытянула его на берег’;

Миша өрақләмин, лүват сәм өвты=л=и сәнқидәл. ‘Миша бахваляясь, бьет себя в грудь’;

ж) зависимую часть некоторых глаголов:

Ма лекәр=и пәлдәм. ‘Я боюсь врача’;

Нэврэм әнәл амп=и қәньәкинт. ‘Ребенок испугался большой собаки’.

3.1.2.3.2.5. Общенаправительный падеж

Общенаправительный падеж оформляется суффиксом =нам. Существительные в общенаправительном падеже отвечают на вопросы *қәйаҳинам* ‘кому, в направлении кого’, *мүвәдинам* ‘чему, в направлении чего’, *қәлнам* ‘куда’, *мүв тоҳинам* ‘на какое место’, *мүв сәннам* ‘в каком направлении’.

Общенаправительный падеж выражает:

а) место, по направлению к которому происходит движение:

Кут=ал=нам нүрэхтэх. ‘Он побежал к своему дому’;

Ньул=нам мойэдтахэ йһңкилдахэн. ‘Они идут (вдвоем) друг к другу в гости’;

Мһңк ики=нам ъи мән. ‘Он пошел к лешему’;

б) лицо, к которому обращаются с помощью глаголов ‘сказать’, ‘говорить’:

Ики=нам йастэл. ‘Он говорит мужчине’.

И направительный, и общенаправительный падежи отвечают на вопрос *куда*. Различие состоит в том, что направительный падеж указывает на конкретное место, а общенаправительный падеж в первую очередь на направление.

3.1.2.3.2.6. Превратительный падеж

Имя существительное в форме превратительного падежа выступает в качестве именной части составного сказуемого (при управлении глагола *йә=тахэ* ‘стать чем-либо, превращаться во что-либо’) или как косвенное дополнение. Превратительный падеж оформляется суффиксом =хэ (=кә, =қә) и выражает следующие значения:

а) переход в новое состояние:

Авэм әнәл=хә йәх. ‘Моя дочка выросла’;

Луйэм вәс=хә йәл. ‘Мой наперсток продырявится’;

Ма қәс ол=хә йәхәм. ‘Мне исполнилось 20 лет’;

Ма ваннә имән=кә йәхәм. ‘Я недавно женился’;

б) назначение, должность, функцию, в которой кто-либо или что-либо используется:

Мин нүнәт вөһ=кә вәрләмән. ‘Мы (двое) делаем тебя зятем’;

в) цель:

Ма лекәр=хә ёнәлтәхәлдәм. ‘Я учусь на врача’;

г) место:

Мэна **ван=хэ!** ‘Подойди ближе!’;

д) состояние, положение:

йэм=хэ ‘хорошо’, **атэм=хэ** ‘плохо’, **көдэм=мэт=хэ** ‘в третий раз’;

Сэмэң=кэ вйда! ‘Будь храбрым!’;

Лүв ту **қйтлэт мэрэ тёт вёл, мач кө=хэ**. ‘Он был там несколько дней гостем’;

е) изменение времени, погоды:

Иттэн=хэ йэх. ‘Наступил вечер’;

Сүвэс=хэ йэх. ‘Наступила осень’;

Йём=хэ йэх. ‘Пошел дождь’;

ж) встречается в особых выражениях:

Мүв **арит вайк=кэ** **войэх сөх майән?** ‘На сколько рублей пушнины сдал?’

Формы превратительного и направительного падежей иногда синонимичны:

Пыр **қйтэл=а** йэх. / Пыр **қйтэл=хэ** йэх. ‘Настал следующий день’.

3.1.2.3.2.7. Творительный падеж

Имя существительное в форме творительного падежа выступает как обстоятельство, косвенное дополнение или как зависимое слово при управлении определенных глаголов. Творительный падеж оформляется суффиксом =*ат* и выражает следующие значения:

а) образ действия:

Лүв **нарэх вайнч=ат** ййкэ дйң. ‘Она вошла с открытым лицом’;

Бутэң **көл=ат** **һавмидэх**: – **Пасина вйда!** ‘Таким словом говорит он: «Спасибо тебе!»’;

б) состояние:

Кэмэн лүв тәдаң қө **мәв=әл=ат** лүләмтәх. ‘Снаружи он в своем человеческом обличьи появился’;

Тәм ләхпил төв сорњи **вәх=ат** тәләл. ‘Наверняка полно там золотых монет’;

Әй қот нухал **қәри-й=ат** вәлдәхән. ‘[Две женщины] одним двором (то есть на расстоянии видимости) живут’;

в) орудие действия:

Нүң нүңнам **көт=ат-күр=ат** вәйәм сунтукә, қуьәнәна ымтә төвә. ‘Этот своими руками-ногами взятый сундук рядом с собой поставь’;

Ма вәлидам пыри **күр=ат** йәқәнам нүрәхтәм. ‘Я за оленями домой бегом поспешил’;

Бу имил сүйәл төп қәлди, **сәм=ат** әнтә вули. ‘Голос его жены еле можно услышать, сама она невидима’;

Бәқа, өв пәтәхи көчхи **әвци-й=ат** ләвәсләх. ‘А он ножнами сабли по голове ударил’;

Ыттән вәсәт-уцәт **кәв=ат** әйнам мәләққә вәрида! ‘Все окна дома камнем наглухо закрой!’;

Ма вәлә әнтә вуләм, нүңат **мүвәли-й=ат** памтәптахә. ‘Не знаю я даже, что тебе посоветовать’;

г) результат действия, процесса действия:

Сунтук **вәр=ат** вәрәмтәх. ‘Из ящика кровь потекла’;

д) цель действия:

Йәңк=ат йәңқида! ‘Сходи за водой!’;

Қәлтә **йүх=ат** дәйләхәлтәднә, тәми моқи қунтта йүх тувам тохи. ‘Когда для ночевки хворост искал, [увидел, что] здесь как будто давно его растаскали’;

е) промежуток времени:

Мүв **мәрә-х=ат** ма тәхнә өләм? Мүв **мәрә-х=ат** мант тәхнә цәкатәл? ‘Сколько мне еще здесь лежать? Сколько мне еще здесь мучаться?’;

ж) пациенс (логический объект) при трехвалентных глаголах:

Мәңат **түвәт=ат** мәйа! ‘Поддай нам огонь! (букв. Давай нас огнем!)’;

Бу уминә **литөт=ат-қул=ат** литы, әлтә **тоҳи-й=ат** вәри. ‘Эта женщина едой-рыбой накормила [её], постель [для неё] приготовила’;

Ма нүңат **һыпәк=ат** мәләм. ‘Я дам тебе бумагу’ (о трёхвалентных глаголах подробнее см. 3.2.5.4);

з) зависимое при управлении определенных глаголов:

Дүв **өпи=л=ат** лаҳләксәл. ‘Он ждет свою старшую сестру’;

Дүваты-й=ат мәнчләксәх. ‘Он его поджидал’;

Ма **чай=ат** дәңқләм. ‘Я хочу [пить] чай’;

Бу ими **туйәс=ат** воҳинтәл. ‘Эта женщина начинает просить табакерку’.

3.1.2.3.2.8. Совместный падеж

Имя существительное в форме совместного падежа выступает как обстоятельство. Совместный падеж оформляется суффиксом =нат и выражает следующие значения:

а) средство, орудие, которым совершается действие, в том числе и средство передвижения:

лайәм=нат ‘топором’, **пила=нат** ‘пилой’;

Нүң нөқ йонтәқсәхәлә **йынтәп=нат!** ‘Зашей этих двух иголкой!’;

Тәми манә **сәм=нат** вуйәм вәрәт. ‘Это моими глазами увиденные дела’;

Бәқа һағәликкә өпи әй **көт=әл=нат** пунчәх, әй **көт=әл=нат** тәвәртәх. ‘Он одной рукой тихо отворил дверь, другой затворил’;

Йәхди **йәңк=нат** һаһ әнтә вәрләт. ‘С холодной водой не делают хлеб’;

Ма ай **рыт=нат** йәқәнам мәнәм. ‘Я поехал домой на обласе’;

Ит Русскинскийнам **автобус=нат** йӓңкилдув. ‘Сейчас мы ездим в Русскинские автобусом’;

б) одновременное совместное действие двух или более лиц (или животных):

Мӓн **аӓ=м=нат** вӓлдув. ‘Мы живем вместе с отцом (моим)’;

Лӓли=хӓн **ныӓ=кӓн=нат** йӓвӓт=хӓн. ‘Два брата пришли со своими двумя женами’;

Бу **нӓ=нат** ньул тӓх=таӓх йӓк=кӓн. ‘Он начал бороться с этой женщиной’;

Тӓм кӓ **амп=нат** йӓңкилтӓ лӓвитӓх йӓх. ‘Этот парень достиг возраста ходить с собакой’;

в) состояние:

Би йӓм=ил **буӓ=ил=нат** итпӓ вӓлдӓт. ‘С этим богатством-счастьем живут они дальше’;

Тӓлӓң кӓ **мӓх=ӓл=нат** нӓк лӓльӓмтӓх. ‘Он в своем человеческом обличьи встал’;

Чӓк=**нат**, вӓв=**нат** нӓӓнат нӓк йӓнӓттӓм. ‘Страданием, усилием я тебя вырастила’;

г) сопутствующий предмет:

Лена **випра=нат** лӓк кӓвит сӓчӓл. ‘Лена с ведром по дороге идет’;

Йӓкӓнам ӓи нӓрӓхтӓх, пупи ньӓви **кӓр=ӓл=нат**. ‘Он поспешил домой с медвежатинной’;

Пыр кӓтӓл лӓх **няӓ=нат** ӓӓ йӓвӓтӓт. ‘На следующий день они пришли с хлебом’.

Как видно, формы творительного и совместного падежей иногда синонимичны (обе указывают на орудие действия и состояние), но у обоих падежей есть и специфические значения. Только творительный падеж выражает образ, результат и цель действия, а также косвенное дополнение. Только совместный падеж обозначает средство передвижения, совместное действие и сопутствующий предмет.

3.1.2.3.2.9. Лишительный падеж

Имя существительное в форме лишительного падежа выступает как обстоятельство. Лишительный падеж оформляется суффиксом *-дәх* и обозначает отсутствие чего-либо – средства, орудия или лица:

Түвәт=дәх *вэнә йүхув*. ‘Мы пришли сюда без огня’;

Нүң әнтә йёвтән кунтә, әви=дәх *ти питмән* ‘Если бы ты не пришел, мы бы (оба) потеряли дочь (букв. остались бы без дочери)’;

Ма уләм=дәх *әләм*. ‘Я спала без сновидений’.

Показатель лишительного падежа совпадает со словообразовательным суффиксом *-дәх*, с помощью которого можно создать прилагательное: *сәм=дәх* ‘слепой’, ‘без глаз’, *вөв=дәх* ‘бессильный’, ‘слабый’. Он также является и суффиксом причастия отрицания (см. 3.3.4).

3.1.3. Имена прилагательные

Имена прилагательные выражают признак предмета или лица (свойство, качество, вкус, цвет и т. д.), например: *кёв* ‘длинный’, *тәләң* ‘здоровый’, *сахарәң* ‘сладкий’, *нэви* ‘белый’. Они могут быть непроизводными (*йәм* ‘хороший’, *ай* ‘маленький’) и производными (*тын=ән* ‘дорогой’, *һәви=дәх* ‘худой’, *пот=әм* ‘мерзлый’, *йәңк=и* ‘мокрый’) (о словообразовании прилагательных см. 3.1.1). Имена прилагательные употребляются в предложении в функции определения (*әнәд қот* ‘большой дом’) и именного сказуемого (*Тәм қот – әнәд*. ‘Этот дом – большой’). Они отвечают на вопрос *мүв сир, мүв шир, мүк қөрасәп* ‘какой’.

В качестве определения имена прилагательные не изменяются ни по числам, ни по падежам, не принимают и притяжательных суффиксов: *әнәд қот* ‘большой дом’, *әнәд қот=нә* ‘в большом доме’, *әнәд қот=әт=нә* ‘в больших домах’, *әнәд қот=д=әм=нә* ‘в моих больших домах’.

В составе именного сказуемого они изменяются по числам, например:

Мәң сиккәң=әт вёсув. ‘Мы красивые’;

Вёқи йастәл: Ма сёхам вәртә, өс күр=хәл=ам пәхта=хән.
‘Лиса говорит: «Моя шкура рыжая, а ноги черные»’.

В составном сказуемом прилагательное выступает в форме превратительного падежа:

Нүң әнәл=хә йәхән. ‘Ты стал большим’.

Прилагательные могут частично переходить в разряд существительных, употребляться в предложении без определяемого слова и принимать падежные суффиксы:

Мјүвсир йәрнасат мәдә, вәрта-х=ат вәс нәви-й=ат?
‘Какое платье возьмешь, красное или белое?’;

Мәтәпи қотнә вәлдән? Әнәл=пи=нә. ‘В каком доме живешь? В большом’.

3.1.3.1. Степени сравнения прилагательных

Степени сравнения образуются морфологически и синтаксически. Положительная степень не маркирована морфологическим показателем, например: *сиккәң йәрнас* ‘красивое платье’. Если разница между двумя сравниваемыми предметами незначительная, употребляется суффикс =чәк: *Ма сиккәң=чәк йәрнас вәдәм.* ‘Я возьму платье покрасивее’.

В предикативных конструкциях сравнительная степень выражается посредством сравнительного послелога *киньә*:

Пупи чэвәр киньә вёккәң. ‘Медведь сильнее, чем заяц’.

Если сравниваемый объект выражен местоимением, то к послелогу присоединяется притяжательный суффикс:

Лјүв ма киньә-х=эм әнәл. ‘Он больше меня’;

Пупи мин киньә-х=мән вёккәң. ‘Медведь сильнее нас обоих’.

Употребление суффикса =чәк возможно и в предикативных конструкциях:

Нэ **кө киһь ба вöвлдэх=чэк**. ‘Женщина немного слабее, чем мужчина’.

Превосходная степень образуется посредством частицы *мата*:

Кйнтэк кө вöккөң мата. ‘Человек – самый сильный’.

Также превосходная степень образуется с помощью суффикса =*ни* (*әнәл=ни* ‘самый большой’) или наречия *йәмат* ‘очень’ (*йәмат ай=ни пәхәл* ‘его самый младший сын’).

Суффикс =*чэк* и частица *мата* употребляются и при сравнении наречий: *ванхә=чэк* ‘поближе’, *һаһхә=чэк* ‘помедленнее’, *сорха мата* ‘очень быстро/быстрее всего’.

3.1.4. Имена числительные

Числительные выражают количество предметов и их порядок при счете. Кроме этого они формируют сочетания для передачи и иных количественных значений.

3.1.4.1. Количественные числительные

По своей структуре числительные 1–10, 20, 100 и 1000 – простые. Числительные, обозначающие круглые десятки и сотни, начиная с 30, сложные, они образованы из двух слов или морфем. Остальные числительные – это составные из двух или более числительных.

3.1.4.1.1. Простые

Количественные числительные со значением ‘один’ и ‘два’ имеют две формы в зависимости от того, выступают ли они в самостоятельной функции или компонентами синтаксически неделимых словосочетаний: 1 – *әй* (в словосочетании), *әйәл* (самостоятельно) 2 – *кат*, *кит* (в словосочетании), *кат=хән* (самостоятельно), 3 – *көләм*, 4 – *һәлә*, 5 – *вәт*, 6 – *күт*, 7 – *ләпәт*, 8 – *һылдәх*, 9 – *ирйән*, 10 – *йән*, 20 – *көс*, 100 – *сот*, 1000 – *вёрас*.

3.1.4.1.2. Сложные

30 – *қолдам йән*, 40 – *һәлә йән*, 50 – *вәт йән*, 60 – *қут йән*, 70 – *дапәт йән*, 80 – *һыл сот*, 90 – *ир сот*, 200 – *кат сотхән*, 300 – *қолдам сот*, 400 – *һәлә сот*, 500 – *вәт сот*, 600 – *қут сот*, 700 – *дапәт сот*, 800 – *һылдәх сот*, 900 – *ирйән сот*.

3.1.4.1.3. Составные

Числительные второго и третьего десятка образуются с помощью послелога *үрәккә* ‘кроме, с лишним’: 11 – *йән үрәккә ай*, 12 – *йән үрәккә катхән*, 13 – *йән үрәккә қолдам*, 14 – *йән үрәккә һәлә ...* 25 – *қөс үрәккә вәт*, 26 – *қөс үрәккә қут*, 27 – *қөс үрәккә дапәт...*

Начиная с четвертого десятка образование происходит путем сочетания нескольких числительных: 31 – *қолдам йән ай*, 42 – *һәлә йән катхән*, 75 – *дапәт йән вәт*, 103 – *сот қолдам*, 222 – *кат сотхән қөс үрәккә катхән*, 1996 – *ай тһрас ирйән сот ир сот қут*, 30 943 – *қолдам йән тһрас ирйән сот һәлә йән қолдам*.

3.1.4.2. Порядковые числительные

Порядковые числительные образуются путем присоединения суффикса =*мәт* к количественным числительным, за исключением числительного ‘первый’. Порядковые числительные могут иметь несколько форм:

1-й: *олдән=мәт*, *ай=мәт*;

2-й: *кимәт=мәт*, *ким=мәт*, *кит=мәт*;

3-й: *қолдам=мәт*, *қолдамәт=мәт*, *қолдам=мәт*;

20-й: *қөс=мәт*, *қөсәм=мәт*;

25-й: *қөс үрәккә вәт=мәт*;

60-й: *қут йән=мәт*;

2016-й: *кат тһрасхән йән үрәккә қут=мәт*.

К числительным, обозначающим крупные круглые числа (1000, 1 000 000 и т. д.), суффикс порядковых числительных

присоединяется не напрямую, а в сочетании с суффиксом прилагательного: 1000-й – *эй вёрас=эң=мэт*.

Қайтаҕ-манси өкрукнэ ирйэн миллиард=эң=мэт ньэфъаной төнна қоләмты. ‘В ХМАО – Югре добыли 9-миллиардную тонну нефти’.

Порядковые числительные в превратительном падеже выражают обстоятельство времени: *кимэт=хэ* ‘во второй раз’, *қөс=мэт=хэ* ‘в двадцатый раз’.

3.1.4.3. Способы выражения других количественных значений

Приблизительное количество выразится с помощью частицы *ким* ‘около, приблизительно’:

кат ким ‘около двух’, *вйт ким* ‘около пяти’, *сот ким* ‘около ста’.

Дробное количество, обозначающее половину чего-либо, передается при помощи существительного *пәләк* ‘половина’:

1,5 – *эй панә пәләк* (*һәймрәх панә пәләк*), 2,5 – *катхән панә пәләк*, 3,5 – *қоләм панә пәләк* и т. д.

Наличие частицы *па* или послелога *пыч* обозначает повторительность:

эй па, кит па ‘один-два раза’, *кит пыч* ‘два раза’, *қоләм пыч* ‘три раза’.

3.1.4.4. Имена числительные в предложении

Числительные в предложении, как правило, являются компонентами синтаксически неделимых словосочетаний с количественным значением, в которых они не имеют самостоятельной синтаксической функции. С числительными больше двух существительные обычно употребляются в единственном числе:

Миша қоләм амп тәйал. ‘У Миши три собаки.’

Мәң шкөләхувнә ирйән кәласс. ‘В нашей школе девять классов.’

В сочетаниях с числительным *кат* ‘два’ имя существительное используется в двойственном числе:

кат ими=хән ‘две женщины’

Миша кат амн=хән тәйал. ‘У Миши две собаки.’

Числительные в словосочетаниях не изменяются по падежам:

Миша қөдәм амн=нат войәх кәнччахә мән. ‘Миша пошел на охоту с тремя собаками’;

Миша кат амн=хән=нат войәх кәнччахә мән. ‘Миша пошел на охоту с двумя собаками’;

Ма қөс ол=хә йәхәм. ‘Мне исполнилось 20 лет’.

Числительные, употребляющиеся самостоятельно, в сочетании с падежными суффиксами выполняют в предложении роль обстоятельства. При помощи суффикса превратительного падежа =хә выражается делительность:

кит=хә ‘на две части’

Аңки ьянь қөдәм=хә әвәттәх. ‘Мама нарезала хлеб на три (части)’.

С помощью суффикса =әлта передается распределительное значение:

әй=әлта ‘по одному’, *кит=әлта* ‘по два, по двое’.

Пәқит вәйт=әлта әй кәрәпкаха пәнләдув. ‘Кукол разложим по пять в одну в коробку’.

Частично числительные способны переходить в разряд существительных и присоединять любой падежный суффикс:

Мјүв арит амнат Миша вәнтнам мән? Қөдәм=нат. ‘Со сколькими собаками Миша ушел в лес? С тремя’.

3.1.5. Местоимения

Местоимения – это самостоятельные слова, которые не называют объект непосредственно, а лишь указывают на него. Они не имеют собственного предметно-лексического

содержания, так как конкретные значения возникают у них только в синтаксически оформленном высказывании.

Местоимения употребляются вместо существительных, прилагательных, числительных и наречий. Некоторые грамматики не относят слова, замещающие наречия, к разряду местоимений. Согласно им, местоимения выступают лишь вместо именных частей речей. Однако мы считаем, что наречия, этимологически восходящие к местоимениям, относятся к разряду местоимений.

По семантическому признаку местоимения сургутского диалекта можно распределить по следующим разрядам: личные (*ма* 'я', *нүң* 'ты'), указательные (*тэм* 'это', *тут* 'тот', *туминт* 'такой'), вопросительные (*көйахи* 'кто', *көтты* 'где'), неопределенные (*эй мэта* 'какой-то'), обобщающие (*эйнам* 'все'), отрицательные (*эй мэтади пә* 'никто', *эй мэтди пә* 'ничто').

По синтаксическим функциям и морфологическим признакам среди местоимений можно выделить:

а) местоимения-существительные (*дәх* 'они', *төми* 'тот', *мүвади* 'что');

б) местоимения-прилагательные (*туминт* 'такой', *мүвсир* 'какой', *качән* 'каждый');

в) местоимения-числительные (*мүв арит* 'сколько');

г) местоимения-наречия (*тэтты* 'здесь', *тэнә* 'так', *көднам* 'куда', *кунтә* 'когда', *эй мэта урнә пә әнтә* 'никак').

3.1.5.1. Личные местоимения

Личные местоимения имеют три лица (1, 2 и 3-е лицо) и три числа (единственное, двойственное и множественное) (табл. 12).

Таблица 12

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>ма</i> 'я'	<i>мин</i> 'мы двое'	<i>мәң</i> 'мы'
2-е л.	<i>нўн</i> 'ты'	<i>нын</i> 'вы двое'	<i>нәң</i> 'вы'
3-е л.	<i>лўв</i> 'он/она/оно'	<i>лин</i> 'они двое'	<i>дәх</i> 'они'

Склонение личных местоимений отличается от склонения имен существительных. Существительные, выполняющие роль подлежащего и прямого дополнения, в обоих случаях принимают форму основного падежа. Личные же местоимения имеют отдельный винительный падеж, при котором к корню слова присоединяется окончание =(а)т (табл. 13).

Таблица 13

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>мант</i> 'меня'	<i>минат</i> 'нас двоих'	<i>мәңат</i> 'нас'
2-е л.	<i>нўнат</i> 'тебя'	<i>нынат</i> 'вас двоих'	<i>нәңат</i> 'вас'
3-е л.	<i>лўват</i> 'его/ее'	<i>динат</i> 'их двоих'	<i>дәхат</i> 'их'

Существительные *амп* 'собака' и *ики* 'мужчина' в следующих предложениях употребляются в основном падеже в обеих функциях: и в роли подлежащего, и в роли прямого дополнения. Личные местоимения *ма* 'я' и *нўн* 'ты', выполняя функцию подлежащего, оформляются основным (именительным) падежом, а выступая в качестве прямого дополнения, винительным падежом (*мант*, *нўнат*) (табл. 14).

Таблица 14

Подлежащее	Прямое дополнение	Обстоятельство	Сказуемое	Русский перевод
<i>Ма</i>	<i>амп</i>		<i>вудам.</i>	Я вижу собаку.
<i>Амп</i>	<i>мант</i>		<i>вул.</i>	Собака видит меня.
<i>Нўн</i>	<i>ики</i>	<i>тәхә</i>	<i>вухән.</i>	Ты позвал сюда мужчину.
<i>Ики</i>	<i>нўнат</i>	<i>тәхә</i>	<i>вух.</i>	Мужчина позвал тебя сюда.

В отличие от имен существительных местоимения также имеют дательный падеж, который оформляется следующим образом: корень местоимения 1-го л. ед. ч. + *t* + *эм*; корень местоимения 2-го л. ед. ч. + *t* + *ы/ын/эн*; корень местоимения 3-го л. ед. ч. + *t* + *ы/ыл*. К основе дательного падежа прибавляются соответствующие притяжательные суффиксы (=эм, ын/эн, ыл).

Существительные *ими* ‘женщина’ и *ньэврэм* ‘ребенок’ в следующих предложениях используются в функции косвенного дополнения и при этом имеют форму направительного падежа, а личные местоимения *ма* ‘я’ и *нўн* ‘ты’ стоят в дательном падеже (*мантэм* ‘мне’, *нўнаты* ‘тебе’) (табл. 15).

Таблица 15

Подлежащее	Косвенное дополнение	Прямое дополнение	Сказуемое	Русский перевод
<i>Ма</i>	<i>ими-й=а</i>	<i>суминтах</i>	<i>мэдэм.</i>	Я дам женщине платок.
<i>Ими</i>	<i>мантэм</i>	<i>суминтах</i>	<i>мэл.</i>	Женщина даёт мне платок.
<i>Нўн</i>	<i>ньэврэм=а</i>	<i>ныпэк</i>	<i>мэдэн.</i>	Ты даёшь ребенку бумагу.
<i>Ньэврэм</i>	<i>нўнаты</i>	<i>ныпэк</i>	<i>мэл.</i>	Ребенок даёт тебе бумагу.

Склонение существительных и местоимений в остальных падежах совпадает: падежи и падежные суффиксы в обеих парадигмах одинаковы. Различие заключается в том, что у существительных падежные показатели присоединяются к форме основного падежа (*амп=нат* ‘с собакой’), а у личных местоимений такой основой служит форма дательного падежа (*ма* ‘я’, *мантэм* ‘мне’ *мантэм=нат* ‘со мной’).

Падежные формы личных местоимений имеют в разных говорах различные варианты. Данный вопрос требует дальнейшего изучения. В таблице ниже приводятся некоторые из этих вариантов (табл. 16, 17, 18).

Единственное число

Падеж	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Именительный	ма 'я'	нўн 'ты'	лўв 'он/она/оно'
Винительный	мант	нўнат	лўват
Дательный	мантэм, манэм	нўнаты	лўваты
Направительный	мантэма	нўнатэна нўнатыя	лўвата лўватыда лўватыя
Местный	манэ, маннэ	нўннэ	лўвнэ
		нўнатынэ	лўватынэ
Исходный	мантэми, манэми	нўнатэны нўнатыи	лўваты, лўватыди лўватыи
Общенаправительный	мантэмнам	нўнатэннам нўнатынам	лўватыннам лўватыднам
Превратительный	мантэмхэ, манэмхэ	нўнатыхэ, нўнатэнхэ нўнэнхэ	лўватыхэ лўккэ лўвэнхэ
Творительный	мантэмат манат	нўнатынат нўнатыхат	лўватыхат
Совместный	мантэмнат	нўнатэннат нўнэннат	лўватынат лўватыднат
Лишительный	мантэмлэх	нўнатылэх	лўватылэх
		нўнатынлэх	

Двойственное число

Падеж	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Именительный	мин 'мы двое'	нын 'вы двое'	лин 'они двое'
Винительный	минт, минат, минатынат	нынат нынатынат	линат линатынат
Дательный	минатэм, минтэма	нынаты	линаты
Направительный	минатэма минатыя	нынатына нынатыда	линатына линатыда линатыя

Марта Чепреги Сургутский диалект хантыйского языка

Местный	<i>миннэ, минатэмнэ минатыннэ</i>	<i>нынатыннэ</i>	<i>динатыннэ динатылднэ</i>
Исходный	<i>минатэми</i>	<i>нынатыны</i>	<i>динатыны</i>
Общенаправительный	<i>минатэмнам минатыннам минатымэнам</i>	<i>нынатыннам</i>	<i>динатыннам линнам</i>
Превратительный	<i>минатэмхэ минатынхэ минатыхэ минатыккэ</i>	<i>нынатынхэ нынатыхэ нынатыккэ</i>	<i>динатынхэ линхэ динатыккэ</i>
Творительный	<i>минатэмнат</i>	<i>нынатынат</i>	<i>динатынат</i>
Совместный	<i>минатэмнат минатынат</i>	<i>нынатыннат</i>	<i>динатэна динатылнат</i>

Таблица 18

Множественное число

Падеж	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Именительный	<i>мэң 'мы'</i>	<i>нэң 'вы'</i>	<i>дэҳ 'они'</i>
Винительный	<i>мэңат</i>	<i>нэңат</i>	<i>дэҳат</i>
Дательный	<i>мэңаты мэңатэм</i>	<i>нэңаты</i>	<i>дэҳаты</i>
Направительный	<i>мэңатына</i>	<i>нэңатына</i>	<i>дэҳатына</i>
Местный	<i>мэңатыннэ мэңнэ</i>	<i>нэңатыннэ нэңнэ</i>	<i>дэҳатыннэ дэҳнэ</i>
Исходный	<i>мэңатыны мэңатыйи</i>	<i>нэңатыны нэңатыйи</i>	<i>дэҳатыны дэҳатыйи</i>
Общенаправительный	<i>мэңатынам мэңатыннам</i>	<i>нэңатынам нэңатыннам</i>	<i>дэҳатынам дэҳатыннам дэҳатылнам</i>
Превратительный	<i>мэңатынхэ мэңатыккэ</i>	<i>нэңатынхэ нэңатыккэ</i>	<i>дэҳатынхэ дэҳатыккэ</i>
Творительный	<i>мэңатынат</i>	<i>нэңатынат</i>	<i>дэҳатынат</i>
Совместный	<i>мэңатынат мэңатывнат</i>	<i>нэңатынат</i>	<i>дэҳатынат дэҳатылнат</i>

Примечания к вариантам падежных форм личных местоимений:

1. Мнение информантов разделилось относительно превратительного, творительного и лишительного падежей.

Формы превратительного падежа личных местоимений встречаются крайне редко, но всё-таки употребляются, чаще всего в фольклорных текстах, реже в разговорной речи:

Дүв антэ нүңаты=хэ йэх – сорха йох тәнмэлтэл. ‘Он не такой, как ты – быстро с людьми разберется’;

Мәңаты=хэ ал қөрбәхта – сар уәлэта қөрбәхтәта өнәлтәхда. ‘Как мы, ловко не скачи – сначала нужно скакать научиться’.

В современном сургутском диалекте формы превратительного падежа личных местоимений замещаются конструкциями с послелогоми *сохит* ‘по, за’, *қөрас* ‘подобно’:

Дүв антэ нүн қөрасхэ йэх – сорха йох тәнмэлтэл. ‘Он не похож на тебя – быстро с людьми разберется’;

Мән сохитхэ ал қөрбәхта – сар уәлэта қөрбәхтәта өнәлтәхда. ‘Так ловко, как мы, не скачи – сначала нужно скакать научиться’;

Творительный падеж используется в первую очередь при управлении некоторых глаголов:

Нэврэм нүңаты-х=ат дахләксәл. ‘Ребенок по тебе скучает’;

Дүваты-й=ат мәнчләксәх. ‘Он его поджидал’.

Примеры употребления лишительного падежа:

Мантэм=ләх ти вәр вәрхэ антэ йәл. ‘Без меня это дело не решится’;

Нүңаты=ләх ма сарнам қөлднә вәлдәм. ‘Как я буду жить без тебя дальше’;

Ма ти тохи дүваты=ләх нә вуләм. ‘Я это и без него знаю’.

Согласно мнениям одних информантов, лишительный падеж употребляется лишь с формами единственного числа личных местоимений, согласно мнениям других – место-

имения множественного числа также присоединяют суффиксы лишительного падежа.

2. Значение исходного падежа выражается не только суффиксом =и (=ы), но и с помощью послелога *ныңкты* «от» (табл. 19).

Таблица 19

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>ма ныңкты</i> 'от меня'	<i>мин ныңкты</i> 'от нас двоих'	<i>мәң ныңкты</i> 'от нас'
2-е л.	<i>нүң ныңкты</i> 'от тебя'	<i>нын ныңкты</i> 'от вас двоих'	<i>нәң ныңкты</i> 'от вас'
3-е л.	<i>лүв ныңкты</i> 'от него/неё'	<i>дин ныңкты</i> 'от них двоих'	<i>ләх ныңкты</i> 'от них'

В речи отдельных носителей языка в конце послелога сохранились и притяжательные суффиксы (табл. 20):

Таблица 20

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>ма ныңктэм</i> 'от меня'	<i>мин ныңктымән,</i> <i>мин ныңктэмән</i> 'от нас двоих'	<i>мәң ныңктыв,</i> <i>мәң ныңктэв</i> 'от нас'
2-е л.	<i>нүң ныңктэ</i> 'от тебя'	<i>нын ныңктын</i> 'от вас двоих'	<i>нәң ныңктын</i> 'от вас'
3-е л.	<i>лүв ныңктыл</i> 'от него/неё'	<i>дин ныңктын</i> 'от них двоих'	<i>ләх ныңктыл</i> 'от них'

Эти же формы зафиксировал у юганских ханты в начале XX в. финский ученый Хейкки Паасонен [Paasonen–Vértes 1965: 81]. В речи отдельных носителей языка и этот послеложный формант может присоединять суффикс исходного падежа =и (=ы): *ма ныңктэми, нүң ныңктэны*. Разные формы имеют разные значения. Формант, состоящий из послелога и притяжательного суффикса, указывает точно на исходный пункт действия:

Лүв ма ныңкт=эм ныпэк вай. 'Он взял у меня бумагу'.

Формант, не имеющий личного показателя, указывает на более широкое пространство:

Ма ләх ныңкты йүдәм. ‘Я иду от них’.

Формант, представляющий собой лишь суффикс исходного падежа -и, имеет наиболее абстрактное значение:

мантэм=и тывәм мәқәт ‘от меня родившиеся дети’.

Некоторые носители языка утверждают, что суффикс -и не может быть присоединен к личному местоимению и правильнее использовать послелог *ивәл* ‘от’, который прибавляется или к основной форме (*ма ивәлт=эм=и* ‘от меня’), или форме дательного падежа (*мантэм ивәл* ‘от меня’). Употребление послелога *ивәл* обязательно, если дополнением глагола *пәдтаһә* ‘бояться’ является личное местоимение:

Ма лүв ивәлт=ыл пәлдәм. ‘Я боюсь его’.

Если же в роли дополнения выступает существительное, то используется суффикс =и (=ы):

Ма ёвәр күрәп ёт=ы пәлдәм. ‘Я боюсь волка’.

3. В функции определения-обладателя личные местоимения – подобно существительным – принимают форму основного падежа (ср. *Йиван рыт* ‘лодка Ивана’, *лүв рыт=әл* ‘его лодка’). К обладаемому присоединяются показатели лица и числа обладателя, например:

ма нәм=ам ‘мое имя’;

нүн амп=хәл=а ‘две твоих собаки’;

мин кут=мән ‘наш (двоих) дом’;

нәң вәли=л=ән=нат ‘с вашими оленями’.

Таким образом, в сургутском диалекте хантыйского языка не существует категории притяжательных местоимений (мой, твой, его и т. д.), имеющейся в русском языке.

4. Лично-усилительные местоимения

Лично-усилительные местоимения образуются путем повторения соответствующего личного местоимения и прибавления элемента =ә (табл. 21).

Таблица 21

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1-е лицо	<i>ма манэ</i> 'я сам'	<i>мин минэ</i> 'мы двое сами'	<i>мэң мэңэ</i> 'мы сами'
2-е лицо	<i>нүң нүңэ</i> 'ты сам'	<i>нын нынэ</i> 'вы двое сами'	<i>нэң нэңэ</i> 'вы сами'
3-е лицо	<i>лүв лүвэ</i> 'он сам /она сама/оно само'	<i>лин линэ</i> 'они двое сами'	<i>лэх лэхэ</i> 'они сами'

Например:

Ики лүв лүвэ қот вяр. 'Мужчина сам построил дом';

Һэврэмэт амплал лэх лэхэ лапэтлалал. 'Дети сами кормят своих собак';

Ма маннам кэхэн вйълэм. 'Я сама пришью пуговицу'.

5. Возвратные местоимения в хантыйском языке отсутствуют. Возвратность действия в языке отдельно не маркируется, а выражается лишь с помощью наречий или личного местоимения, соответствующего подлежащему и оформленного необходимым падежным суффиксом или послелогом:

Ики пэчканэл йбта вайтэх. 'Мужчина взял с собой свое ружье';

Ма мант сэркаланэ вудэм. 'Я вижу себя в зеркале';

Маша ай нёрхэ лүвэ лүват илты ньвмэл. 'Маша всегда говорит о себе';

Һэврэм лиңкэнтэп лүватылнам тылтэх. 'Ребенок тянул на себя одеяло'.

3.1.5.2. Указательные местоимения (табл. 22)

Таблица 22

	Конкретный/видимый		Отвлеченный	
	в функции определения	самостоятельное употребление	в функции определения	самостоятельное употребление
Близкий	<i>тэм</i>	<i>тэми</i>	<i>ъи</i>	<i>ъит</i>
Удаленный	<i>тъм</i>	<i>тъми</i>	<i>ъу</i>	<i>ъут</i>

Эта таблица, разумеется, схематична: в живой речи картина употребления указательных местоимений намного более разнообразна. В общих чертах, однако, можно утверждать следующее:

1. Местоимения с пометой «конкретный/видимый» используются тогда, когда речь действительно идет о предметах или лицах, находящихся в зоне видимости. Например, если говорящий видит на берегу реки две лодки, он указывает на них так:

Тэм рыт ай, тём рыт аналчэк. ‘Эта лодка маленькая, та лодка побольше’.

В данном предложении указательные местоимения являются определениями. В следующем они употребляются самостоятельно, выполняя функцию подлежащего:

Тэми йэйэм рыт, тёми аъэм рыт. ‘Это – лодка моего старшего брата, то – лодка моего отца’.

Если говорящий находится в доме и не видит лодок, тогда используются местоимения *ѳи, ѳу*:

Ма аъэм рыт вэдэм, ѳу рыт сорха мәнэл. Ыут=нат мәнтахэ йэм. ‘Я возьму лодку отца, та лодка едет быстро. Хорошо на ней ехать’.

Подобным же образом местоимения *ѳи, ѳу* указывают на знакомые предметы, лица:

Молқйтәл мәңаты пырәс ими йёвәт. Ма ѳи ими әнтә вуйәм. ‘Вчера к нам приехала пожилая женщина. Я не знала эту женщину’;

Нын йётын йүтә вэлит, Ыит нынаты арйаләм ётәт. ‘Олени, которые за вами пойдут, те будут ваши (двоих)’;

Москва тёңқә анал воч. Ыит Санкт-Петербург киңъа анал. Ма ѳи вочнә вәлта әнтә ләңқдәм. ‘Москва очень большой город. Он больше чем Санкт-Петербург. Я не хочу жить в этом городе’.

2. Указательные местоимения, являющиеся определениями, не склоняются, однако если они употребляются самостоятельно, то могут присоединять любые показатели числа или падежные суффиксы, которые используются с именами существительными:

Тэм рытнат ал мэна, тѣми=нат мэна! ‘На этой лодкой не езжай, на той езжай!’;

Тѣм амп ырап. Тѣми-й=а пэ ванхэ ал мэна! ‘Та собака злая. К той тоже не подходи!’;

Тэм вуньѣпнэ лэньик вѣл, тѣм вуньѣпнэ савэмси. Мэтану вуньѣпи вэйэн? Тэми-й=и. ‘В этой набирушке была голубика, в той набирушке черника. Из которой набирушки ты взял? Из этой’;

Бут=эт аѣм рытэт, ъут=эт йэйэм рытэт. ‘Это – лодки моего отца, то – лодки моего старшего брата’;

Ма йэхэм қадэм датнэ арах архи йуққан, моньѣ моньѣи йуққан тѣйэм. Ма ъут=хэл=ам нѣқ кэнцэ ким антэм. ‘Когда родитель мой скончался, была у меня песни поющая деревяшка, сказки сказывающая деревяшка. Не в силах я их отыскать’;

Панэ қудэң-парэң чэмотанэты ай чэмотан вэйа, панэ ъут=э=нат кэм каримта, тѣм панэ йўва. ‘Среди грязных, пыльных чемоданов один выбери, с тем (твоим) выходи оттуда и возвращайся’.

3. Указательные местоимения выполняют и другие функции. Например, они участвуют в словообразовании:

тѣм олнэ ‘в прошлом году’;

тѣм нухэл ‘соседняя деревня’;

ай ъу арит ‘всё-таки, всё ещё, всё также’.

Кроме этого местоимение *тѣм*, например, служит в качестве эвфемизма при затрагивании темы смерти: говоря об умершем близком, используют слово *тѣмэ=ли* ‘тот + уменьшительный суффикс =ли’.

4. Местоимение *ѳу* часто выражает определенность. В таких случаях его парой для обозначения неопределенности выступает числительное «один»:

Панэ ѳу мэнлэн, мэнлэн, тэм ай қота йёвэтлэн. Ъу қота панэ ййқэ дйңа. ‘Как пойдешь ты, пойдешь, тогда к одному дому придешь. Войди туда, в тот дом’.

5. Местоимения *ѳи*, *ѳу* используются также перед глаголами и нефинитными формами глагола в значении «так, этак»:

Панэ Ъу мэнлэн, мэнлэн, тэм ай қота йёвэтлэн. ‘Так пойдешь ты, пойдешь, тогда к одному дому придешь’;

Ъу мэнталнэ, ѳйқа қөдэм тоҳинэ виҳилди. ‘Так она шла, в трех местах её звали’;

Пиѳэңқәлихән-өписахән вәлдәхән. Ъи вөдтын ай мәта латнэ пиѳэңқәли йастәл. ‘Живет птичка со своей сестрицей. Живут они так, и говорит однажды птичка’;

Әй мәта латнэ дйңқәрәли вөл. Ъи вәлтал, ѳи қолталнэ йәвән пёңәлнэ вөл. ‘Однажды жила мышка. Так живя, так ночуя, жила она на берегу реки’.

6. Помимо местоимений, замещающих существительные, имеются и местоимения, выступающие вместо прилагательных: *ѳиминт*, *ѳуминт* ‘такой’, *ѳуким* ‘так, так много’, *ѳу арит* ‘так много’:

Ма ѳйқа нўнат ѳиминт ныпэкат мәләм. ‘Я дам тебе такую записку’;

Айпи пәх ѳуминт әнәл қотчәха йёвәт. ‘Младший сын к такому большому дому пришел’;

Йа, вәт панә вә мән. Ййқәнам ѳи мэнталнэ ѳуким дәхәрт. ‘Так отправилась она. По дороге домой так тяжело было’.

7. Указательные местоимения, замещающие наречия: *тэт*, *тэтты* ‘здесь, тут’, *тёт*, *тётты* ‘там’, *ээнэ* ‘так’, *вэл* *сохит* ‘отсюда’, *тэхнам* ‘сюда’, *тёвнам*, *тёвэ* ‘туда’:

Лүв ёлэң нөптэл қёвит ЭЭНЭ мәңатынат вэлд, ыи сивэлнат. ‘Вот бы всегда жила она с нами так, с такой красотой!’;

Тэхнам лэйла! ‘Посмотри сюда!’

Особенность местоимений *тэт*, *тэтты* ‘здесь, тут’, *тёт*, *тётты* ‘там’ заключается в том, что краткая форма *тэт*, *тёт* используется для выражения обстоятельства, а полная форма *тэтты*, *тётты* для обозначения сказуемого:

Ики қота ййқэ лэй, ими тёт омэсл. ‘Мужчина вошел в дом, женщина там сидит’;

Ики қота ййқэ лэй, тэми ими тётты. ‘Мужчина вошел в дом, вот там женщина’.

8. В сложноподчиненных предложениях указательные местоимения в начале главного предложения указывают на сообщение, содержащееся в придаточном предложении:

Нүң йыс араҳ, йыс моньё мыньёа, бут түвэатат мәдө. ‘Ты расскажи старинную песню, старинную сказку, тогда ты получишь огонь’;

Мүв арэт тас-вях ёйахтэлэм, бу аритат нүңат мәдэм. ‘Сколько я богатства, денег добуду, всё то тебе отдам’.

9. В разговорной речи слова *ыи*, *эу*, *ыит*, *эут* часто встречаются не в качестве местоимений, а в качестве частиц, которые используются для усилительной функции или же для облегчения членения текста, аналогично словам *йа* ‘да, ну’, *ёйқа* ‘ну, вот’ (см. 3.5.4., 3.5.5):

Та йа ыит ма мэнтам пырнэ қёйахи тэм йёвэгл. ‘Как уйду я, кто-нибудь сюда придет’;

Йа-йа. Йа ыит, йа ыит. ‘Аха. Так оно и есть’;

Бут ёлэң мүвэли қол? ‘Что же это значит? (букв. Это разве какое слово?)’;

Би манта! ‘Ну, пора ехать!’

10. Местоимение *тэми* ‘это’, употребленное в начале предложения самостоятельно, указывает на то, что говорящий своими глазами видел то, о чем повествуется в дальнейшем. В хантыйском предложении это является маркером непосредственного способа получения информации. В качестве примера приведем отрывок сказки, из которого видно, что местоимение *тэми* может стоять и перед глаголом *лэйэл=та* ‘смотреть’, но даже когда оно используется самостоятельно, его можно перевести как ‘вот, видит он’:

Йа ьақа анта, мүв қөвэпты мэн, анта мүв ванэпты мэн, чэкапэ қөвэт антэм вэдэл, ьақа тэми лэйэлд, қот тётты омэсл. Тэми ай қот, йэмап олқасхэ йэхэм қот. Тэми йэмап олқасхэ йэхэм, роқанта қот кима йэх. Олқас қот тэми тёт омэсл. Тэми лэйдэхэл ьақа, най мулэм, мэтэ пэрэли аятэл.

‘И так долго ли он шел, коротко ли, не ушел еще так далеко, **вот** видит он: стоит там избушка. **Вот** избушка, очень старая избушка. **Видимо**, настолько избушка была старая, что даже покосилась. Старая избушка **вот** там стояла. **Вот** [парень] смотрит: дым, тонкая струя дыма вверх поднимается’.

11. Указательно-определятельные местоимения

Указательные местоимения с числительным *ай* ‘один’ в препозиции указывает на те же самые предметы, лица, ситуации или действия, которые ранее уже упоминались в тексте. Они употребляются самостоятельно (*ай тэми* ‘этот же’, *ай тэм* ‘тот же’, *ай ьит* ‘этот же’, *ай ьут* ‘тот же’), в функции определения (*ай тэм* ‘это же’, *ай тэм* ‘то же’, *ай ьи* ‘это же’, *ай ьу* ‘то же’) и в функции обстоятельства (*ай ьэнэ* ‘также’, *ай ьу арит* ‘в такой же мере, всё-таки’, *ай тёт* ‘там же’, *ай тэт* ‘тут же’). Например:

Би пэрхинам мәнмал, әй бутдәлнә өс виҳди. ‘Когда она шла обратно, те же [чудовища] её снова звали’;

Йәқә күч дән ғәқә, әй тәми мәхи Төрәм Қон уттән әләл. ‘Вошел, также видит: на священной стороне лежит местный высший правитель’;

Әй төм иттән кимнә литөтат пул, йәнъғәә өт пул литәхә йәл. ‘К тому же вечеру [девушка] съедает кусочек еды, выпивает глоток питья’;

Әй би буминт әнәл, имичәх нәмән омәсл. ‘Та же огромная женщина наверху сидит’;

Әй чэмотан вәйә, панә әй бу ликән қөвит пәрхинам йүва. ‘Один чемодан возьми и по той же дороге обратно иди’;

Панә әй бу мунт бу қәһәхтәм тоҳида мән. ‘И снова туда пошел, где прятался’;

Йәйэм әй бу әлтә лота әлонт. ‘Старший брат на то же спальное место лег’;

Итпә әй бу йәмин-буһин буһләдхән. ‘До сих пор они двое этой же долей-судьбой довольствуются’;

Бу йәктахә дәйхәмил пырнә, әй мәта датнә өс әй буминт сүй би дирты пит. ‘Когда уже за танец принимаются, вдруг такой же шум поднимается’;

Йән вөккәң мата йәхнә катләхәлдә, әй бу арит нүн мәна, панә кәмә ливта. ‘Десять самых сильных людей задержать тебя захотят, но ты всё равно выйди, выбеги’;

Панә қәләмпа мәхәдты ләләх, әй бу арит қәнтәк қө әпәл. ‘И в третий раз она (лебедушка) кругом облетела, всё равно духом человеческим пахнет’;

Бу мәнталнә, ғәқә әй вәнә қәләм тоҳинә виҳилди. ‘Как она шла, также три раза окликали её’.

3.1.5.3. Вопросительные местоимения

К вопросительным местоимениям относятся:

а) местоимения-существительные: *қёйахи* ‘кто, кого, чей’, *мўвади* ‘что, чего, чей’, *мата* ‘который’;

б) местоимения-прилагательные: *мўв сир* ‘какой, какого вида, что за’, *мўк қёрасап* ‘какой’;

в) местоимения-числительные: *мўкким* ‘сколько’, *мўв арит* ‘сколько, какое количество’;

г) местоимения-наречия: *қёлна* ‘как’, *қотты* ‘где’, *қёлнам* ‘куда’, *қоль соҳит* ‘откуда’, *қунта* ‘когда’, *мўват* ‘почему’.

Вопросительные слова обычно стоят в начале предложения:

Қёйахи йёвэт? ‘Кто пришел?’;

Қёйахи пәх вёсэн? ‘Чей ты сын?’;

Мўвади вуйән? ‘Что ты видел?’;

Мәтәпи қө әналпи? Тәми әналпи. ‘Кто из них побольше? Тот побольше’;

Мўкким олхә йәхән? ‘Сколько лет тебе?’.

Иногда встречается и иной порядок слов:

Тәми мўвади? ‘Что это?’;

Нўң қёлнам мәнлән? ‘Ты куда идешь?’;

Нәң қоль соҳит йёвәтләтәх? ‘Вы откуда придёте?’;

Қәнтәк қө-пә мўк қёрасап? ‘Каков же человек?’.

Вопросительные местоимения-существительные изменяются по падежам и числам:

Аңкәннә мўвади-й=ат мәлө? ‘Что даст тебе твоя мама?’;

Анта мўкким вәди вәл, қёйахи=нә вуди. ‘Сколько оленей он добыл, кто его знает’;

Қёйах=эм=нә йёвәтлөям? ‘Кто приходит ко мне? (букв. Кем-моим я прихожена?)’

В сложных предложениях вопросительные местоимения употребляются в качестве союзных слов, вводящих прида-

точную часть. В главных предложениях часто используются указательные слова, возникшие из указательных местоимений:

Қђйахи ньудэл, **қђлэ** кђрхэл, **бу тохинэ** нэ тэ вэйитэх. ‘Чья стрела куда упадет, оттуда невесту и берите’;

Қунтэ Миша йақэ дђн, Маша кэм ливэат. ‘Когда Миша вошел, Маша вышла’;

Мђв датнэ дђв нђк кил, **бу датнэ** ма йђвтэм. ‘Когда он встал, я пришел’;

Мђв арит қул вадат, **бу арит** йақэ туват. ‘Сколько рыб взяли, столько принесли домой’;

Мђвэди мэху йоқ дилэт – **буминтат** пђны. ‘Хозяева кормили его тем, что сами ели’.

3.1.5.4. Неопределенные и обобщающие местоимения

Собственно неопределенные местоимения, выражающие различную степень неопределенности, образуются в основном путем сложения вопросительных местоимений и одной или двух частиц: **эй қђйахи йа**, **мэталэ йа** ‘кто-то’, **эй мђвэди йа**, **мэтли йа** ‘что-то’, **мэта йа** ‘какой-то’, **мђв арит йа** ‘сколько-то’, **мэта урнэ**, **мэта сохит** ‘как-нибудь, как-то’, **эй мэта тохинэ** ‘где-либо, где-нибудь’, **эй қђлнам**, **мэта сђннам** ‘куда-то’, **мэта сђннам айнта** ‘куда-нибудь’, **эймэта тохийи** ‘откуда-нибудь, откуда-то’, **мэта датнэ** ‘когда-то’ и т. д.

Примеры:

Қђйахи айнта йђвэат? ‘Кто же пришел?’;

Эй қђйахи йа йђвэат. ‘Кто-то же пришел’;

Қђйахи айнта йђвэат. ‘Кто-то, видимо, пришел’;

Мэта қө йђвэат. ‘Кто-то пришел’;

Мђвэди вуйән? ‘Что ты видел?’;

Эй мђвэди йа вуйэм. ‘Что-то же я видел’;

Мђвэди айнта вуйэм. ‘Что-то, видимо, я видел’;

Мэта қө ма вуйам. ‘Кого-то я видел’;

Мэтди ма вуйам. ‘Что же я видел’;

Мэта өт ма вуйам. ‘Что-то я видел’;

Мэшмэт өт ма вуйам. ‘Какое-то существо я видел’;

Мэта қөрасеп канкәт пәнчәт. ‘Какие-то ягоды поспели’;

Мэта қул сойпилмин, қоләттәтәх? ‘Какую-нибудь рыбу неводом добыли?’;

Мэта тоҳинә вәнт вәли сур вуйән? ‘Где-нибудь пастбище диких оленей ты видел?’;

Та йа ыт ма мәнтам пырна қөйәхи тэм йөвәтл. ‘Как уйду я, кто же сюда придет’.

Следующие предложения кажутся отрицательными лишь на первый взгляд, отрицательное слово (*әнтә*) в действительности является составной частью неопределенного местоимения:

Қөйәхи пә әнтә, лүвә дәһал. ‘Кто бы ни был, пусть зайдет’;

Мэта қот пә әнтә, төвә дәһләм. ‘Чей бы дом ни был, туда зайду’;

Мүккимпа әнтә пырийә, қунтапә әнтә йастәл. ‘Сколько ни спрашивай его, никогда не отвечает’.

Лишительный суффикс =*ләх* также в первую очередь выражает отрицание, но в следующем предложении слово *мәт=ләх* скорее является неопределенным местоимением:

Мәтләх қәтләтнә, **мәтләх** оләтнә имиҳән-икиҳән вәлләхән. ‘В какие-то дни, какие-то года (в никакие дни, никакие года) жена с мужем проживали’.

Местоимение *па* ‘другой, второй’ по происхождению связано и с союзом *панә* ‘и’, и с числительными *әй* – *па* ‘один – другой, первый – второй’. По форме оно не изменяется. В предложении выступает в функции определения, например:

Эй қө вӱдӱм қутӱд қыйтӱх, **па қот** вӱр. ‘Один человек покинул свой дом, построил другой’;

Лӱв **па қө** кӱдӱт ӱнтӱ қӱдӱл. ‘Он не слышит слова другого человека’.

Местоимение *па* сочетается часто со словом *эй* ‘один’ образуя пару слов:

Эй қот пӱлӱкнӱ чӱмотанӱт омӱслӱт, **па қот пӱлӱкнӱ** сорнӱн сунтукӱт омӱслӱт. ‘В одной половине дома чемоданы будут, в другой половине сундуки позолоченные’;

Өс сарнам мӱн, мӱн, өс лӱв. **Эй пӱлкӱл, па пӱлкӱл** тӱт ӱнтӱм. ‘Снова он дальше ехал, там лошадь [стоит]. Одна половина его [есть], другой половины нет’.

В других случаях местоимение повторяется (*па – па* ‘один – другой’):

Па қө лӱйӱмнат, **па қө** пиланат, нӱқ сӱврилӱл, лӱнт пӱнкнат, кӱвинат. ‘Кто с топором, кто с пилой, кто с точилом, молотком спилить пытаются [столб лабаза]’;

Па онтӱп йӱмси қот пӱлӱка қӱтӱдтӱддӱл, **па онтӱп** пӱхи қот пӱлӱка. ‘Одни люльки [она] на правую половину дома передвигает, другие – на левую половину’.

Возможны тоже конструкции *па – па* ‘один – другой’, в которых между местоимениями располагается лишь одно знаменательное слово:

Кат имиӱхӱн-икиӱхӱн ӱнӱл очнӱи **па қонӱ па** нӱаримтӱли. ‘Женщина с мужчиной огромную овчину друг у друга отбирают’;

Тӱм **па вӱдӱйӱат па** катӱлдӱ йӱйшлӱмнӱ. ‘Старшие мои братья поймают для тебя несколько оленей’;

Қӱнӱм ики **па пӱлкӱл, па** кӱч вӱрхийӱл, йӱкӱ ӱлӱ кӱрӱх. ‘Дядюшка то одним, то другим боком пытается пройти, вниз упал’;

Нёқ кўч ымал, кэмнам мантаҳа кўч йаҳ, на тоҳийа на воққинтал. ‘Встала она, на улицу идет, всё (букв. с одного места на другое) спотыкается’;

Вот йаңқта соҳит на пәләкнам на тёрәхтәдәйм. ‘От ветра, дующего с одной стороны, с другой стороны, меня всего раскачивает’;

Мёрәңк на латнә на ар әнмәл. ‘Иногда вырастает много морошки’.

В грамматиках к разряду обобщающих местоимений относят два слова: *качәң* ‘каждый, всякий, любой’ и *әйнам* ‘всё, все, совсем, всегда’. Ни одно из них нельзя назвать настоящим местоимением, скорее это слова, одновременно относящиеся к нескольким частям речи. Местоимение *качәң* ‘каждый, всякий, любой’ восходит к прилагательному и содержит суффикс прилагательного (*кач* ‘желание’ + =*әң*). Если оно является определением, то главное слово, к которому оно относится, имеет форму единственного числа:

Тёҳдәң войхәт качәң олдә, сүвәснә морты маҳнам пёрәхләләт. ‘Птицы каждый год осенью летят на юг’;

Мәң нухлувнә качәң нэврәм әшкәләха йаңқиләл. ‘В нашей деревне каждый ребенок ходит в школу’;

Качәң қәнтәкқә йиснәл вул. ‘Каждый ханты знает свой язык’.

Если местоимение употребляется самостоятельно, то оно присоединяет падежные суффиксы и в этих случаях выполняет функцию обстоятельства:

Тәм макәт качәң=кә вәрә. ‘Этот макет размножь (букв. в каждого преврати)’;

Абәм дор-йәңка качәң=нам йаңқиләх. ‘Мой отец и на большое, и на малое озеро (букв. к каждому) ездил’;

Президент нэврәм качәң=нат һавәм. ‘Президент с детьми с каждым поговорил’.

Слово *айнам* ‘весь, вся, всё, все, совсем, полностью, всегда’ выступает в качестве подлежащего, прямого дополнения и обстоятельства. К нему не присоединяются падежные и другие суффиксы. Оно указывает как на одушевленность, так и на неодушевленность.

В случае, если данное местоимение является подлежащим, то сказуемое имеет форму множественного числа:

Бораснэ айнам йәңка мәнытәх. ‘Все вы в море утоните (утопитесь) (букв. На море [вы] все в воду пойдёте)’.

Когда в предложении присутствует подлежащее, тогда местоимение *айнам* стоит после него:

Мәң нухлунә ньэврэмәт айнам әшкәләхә йәңқилдәт. ‘В нашей деревне дети все ходят в школу’;

Йах айнам әвәлдәлә дәлдәт, мәнләт йәқәнам. ‘Люди все на своих нартах разместились, и едут домой’;

Вәдит айнам лин йәтын йүвәт. ‘Все олени за ними (двоими) пошли’.

В функции прямого дополнения местоимение также стоит после слова, к которому относится:

[Сәрт] дәнәт кирип айнам кэм охәтләл. ‘[Щука] семь кораблей все выплонула’.

Би див, див, қоқам йәңқәл сунқәлнат айнам дивил. ‘Ел, ел и бульон весь съел’.

В качестве обстоятельства местоимение указывает на всеобъемлющую полноту или же на последовательное повторение действия, события, состояния:

Қәдәм тоқинә вискәтәхди панә айнам әңкрәмтәх. ‘Три раза её окликали, всегда она туда оглядывалась’;

Әй дәнә нәқ күч вәрәхдәх, вәқә тәми кәмән айнам йәқә қәтәл. ‘Когда проснулась она, всюду уже светло было’;

Тәми қутәл айнам тәләх. ‘Видит: дом совершенно пустой стоит’;

Ит вэлэ көчэх уч йёта алтаха йэх, вёр айнам вута йэх. ‘Ведь он уже и нож стал носить с собой, почти всему научился’;

Қөдәм оли қор дивмән, панә айнам әнтә йвәлдмән. ‘Съели [мы двое] трехгодовалого оленя и совсем не наелись’;

Сәх пёна кәш айнам тайлаха йэх, кул әнтә тайал. ‘Твоя верша совершенно пуста, нет в ней рыбы’.

3.1.5.5. Отрицательные местоимения

В некоторых грамматиках не выделяются отрицательные местоимения в отдельный разряд, а относятся они к категории неопределенных. Основанием для этого служит тот факт, что отрицательные местоимения являются вариацией вопросительных. Они в предложении используются самостоятельно или вместе с какой-либо частицей. Наиболее часто при этом встречается частица *пә*, однако может употребляться и лишительный суффикс =*ләх*: *мәтали пә әнтә* ‘никто’, *мәтли пә әнтә* ‘ничто’, *мәтләх* ‘никакой’, *мүв аритләх* ‘нисколько’, *ай мәта урнә пә әнтә* ‘никак’.

Отрицательные местоимения, заменяющие имена:

Қёйахи анта йёвәт? ‘Кто же пришел?’;

Әй мәта қө пә әнтә йёвәт. ‘Никто ведь не пришел’;

Мәта қө йёвәт? ‘Кто пришел?’ ;

Әй мәта қө пә әнтә йёвәт. ‘Никто не пришел’;

Мәтли йёвәт? ‘Что пришло?’;

Әй мәтли пә әнтә йёвәт. ‘Ничто не пришло’;

Әй мәта өт пә әнтә вуйәм. ‘Ничего же не видел (я)’;

Әй мәшмәта канкәт әнтә пәнчәт. ‘Никакие ягоды не поспели’;

Әй мәта қёрасәп пә канкәт пәнчәт. ‘Какие-то ягоды поспели’;

Мәтләх мәта әнтәм. ‘Никакого существа нет’;

Мәтләх өтнат тёйёям. ‘Без никаких вещей содержали меня’;

Мэтлэх дитѳтнат китѳйэм. ‘Без никакой еды меня отправили’.

Отрицательные местоимения, заменяющие наречия:

Энта, май қѳ дитѳт-қул дил, бут пырнэ йыс араҳ, йыс моньѳ. Дѳв **қѳлнам** мэн! ‘Не-а, сначала гость кушает еду-рыбу, после этого следуют старинные песни и старинные сказки. Они никуда не уйдут!’;

Кэш, ай **қѳдаттынам пэ** энтэ йаңқам, тѳхэ дива, вѳйэң ньави дива! ‘Да что ты, никуда я не ходил. Ешь, ешь жирное мясо!’;

Ма Москва вочнэ ай **қунтэ пэ** энтэ вѳдэм. ‘Я никогда не был в Москве’;

Нѳң ѳйқа йэмнам **қѳтта** ал йаңқа! ‘Только не ходи больше никуда!’;

Мѳв аритлэх мант пыҳэртэн. ‘Ни разу мне ты не помог’;

Мѳв аритлэх мантэм йѳвтылдэн. ‘Ни разу ко мне ты не приезжал’.

В сургутском диалекте двойного отрицания (употребление отрицательного местоимения и частицы *энтэ*) в принципе не существует. Однако с целью подчеркивания отрицания используются и такие предложения:

Мѳв аритлэх мант **энтэ** пыҳэртэн. ‘Ни разу мне ты не помог (абсолютно нет)’;

Мѳв аритлэх мантэм **энтэ** йѳвтылдэн. ‘Ни разу ко мне ты не приезжал (даже не собирался)’.

3.1.5.6. Роль местоимений в связности текста

Местоимения играют важную роль в построении предложений и обозначении связей между ними. Связность текста чаще всего обеспечивают именно местоимения. Проиллюстрируется это знакомой сказкой, приводимой ниже:

Пан Сәмәли панә Пәм Сәвәли вөлдәхән. **Бу вөдтыннә качәң** аләң сар Пан Сәмәли нөқ килд, панә най үлд. **Әй мәта** аләңнә Пан Сәмәли һавәм:

– Йа, Пәм Сәвәли, **тәм** аләң **нүң** сар нөқ килә, най үлә!

– Йа-йа, килдәм, – йастәх Пәм Сәвәли.

Дүв нөқ кил, вәрәксәх панә най үдта раңипәх. Сарпинә тәнтәх найнә вәбәхди, **зут пырнә** йүхәт вәбәхдат. **Би датнә** қәт йүвәм вот йиләңнә най һадәм пәхпи, панә Пәм Сәвәли сәв нөқ вәбәмты. **Би датнә** өлты тоҳинә омәстә Пан Сәмәли **ви** һаққәтәх. Панә **ви** һаққәтамал, датнә қәнәл пәләккә оримтәх.

Моһъ **зәт** тәрәм.

‘Клюквинка и Травяная Косичка вместе живут. **Так** поживая, **каждое** утро первой Клюквинка поднимается и огонь разводит. **Однажды** утром Клюквинка говорит:

– Ну, Травяная Косичка, сегодня **ты** первая вставай, огонь разводи!

– Ладно, **я** встану – сказала Клюквинка.

Она встала, оделась и начала огонь разжигать [в очаге]. Сначала береста-растопка загорелась, **потом** дрова загорелись. **Тут** порыв ветра подхватил пламя – и вспыхнула травяная коса Травяной Косички. **Тогда** Клюквинка, сидевшая на постели, захохотала. **Так** от хохота её живот лопнул.

Тут и сказке конец’.

3.2. Глаголы

Глагол – это часть речи, которая обозначает действие, бытие, состояние в виде процесса, соотносящегося с субъектом и протекающего во времени. Глагол в предложении выполняет функцию сказуемого.

Глаголы в сургутском диалекте хантыйского языка имеют категории лица (первое, второе, третье), числа (единственное, двойственное, множественное), наклонения (изъ-

явительное и повелительное), двух форм времени (настоящее-будущее и прошедшее) и залога (действительный и страдательный).

У глаголов действительного залога различают два спряжения: субъектное (неопределенное) и объектное (определенное). Данная категория в русском языке отсутствует. Хантыйские же глаголы не имеют категории вида: у них нет четкого деления на совершенный и несовершенный виды. Значения русских видов хантыйская глагольная система передает с помощью глагольных суффиксов и превербов.

В разделе 3.2 речь пойдет о так называемых финитных (спрягаемых) формах глагола, которые употребляются с показателями времени, наклонения и залога. Нефинитные (неспрягаемые) формы глагола будут рассмотрены в следующем разделе 3.3.

3.2.1. Глагольные основы

Основы глаголов в отличие от имен не совпадают со своей словарной формой. В качестве словарной формы, как и в русской практике, используется инфинитив (*vär=ta* 'делать'). Основа глагола выделяется при отсечении окончания инфинитива: *vär=*. В глагольной парадигме различные суффиксы присоединяются именно к данному корню. У большинства глаголов имеется одна основа, которая может заканчиваться как на гласный, так и на согласный или же на сочетание согласных в соответствии с правилами фонотактики, перечисленными в разделе 2.5: *məri=ta* 'ломаться', *мыкра=та* 'скрипеть', *йастə=та* 'говорить', *воҳ=та* 'просить, звать', *дäl=та* 'сесть в лодку, сани', *сор=та* 'сохнуть', *ваңк=та* 'ползти', *ньиньв=ѳа* 'отдыхать', *дёрт=та* 'стричь, срезать' и т. д.

Существует единственная группа глаголов, имеющих две основы: одна основа оканчивается на гласный, другая –

на согласный. Данные основы являются односложными (табл. 23).

Таблица 23

Инфинитив	Основа на гласный	Основа на согласный	Значение
<i>йэ=тахэ</i>	<i>йэ=</i>	<i>йэх=</i>	стать чем-то
<i>йү=тахэ</i>	<i>йү=</i>	<i>йүв=</i>	приходить
<i>ли=тахэ</i>	<i>ли=</i>	<i>лив=</i>	есть, кушать
<i>мэ=тахэ</i>	<i>мэ=</i>	<i>мэй=</i>	давать
<i>ту=тахэ</i>	<i>ту=</i>	<i>тув=</i>	приносить
<i>вэ=тахэ</i>	<i>вэ=</i>	<i>вай=</i>	брать
<i>ву=тахэ</i>	<i>ву=</i>	<i>вуй=</i>	видеть, знать

Употребление глагольных основ:

К основе на гласный присоединяется показатель настоящего времени (*ли=л=эм* ‘я ем’, *мэ=л=ув* ‘мы даем’), а также суффикс причастия настоящего времени и инфинитива (*ли=тэ* ‘кушающий’, *ли=тахэ* ‘кушать’). К основе на согласный прибавляются суффиксы причастия прошедшего времени и деепричастия (*лив=эм* ‘съеденный’, *лив=мин* ‘съемая’). Для образования прошедшей формы глаголов также используется основа на согласный (в сургутском диалекте прошедшее время не имеет показателя): *ма лив=эм* ‘я ел’. Кроме этого основа на согласный употребляется в повелительном наклонении (*лив=а* ‘ешь’, *вай=э* ‘возьми его’).

3.2.2. Словообразование глаголов

Часть глагольных основ является непроизводной. Их называют основами с нулевым показателем. Другая часть основ имеет в своем составе суффиксы. Корневая морфема глагола без формантов представляет собой форму прошедшего времени неопределенного спряжения в третьем лице единственном числе (*лүв мэн* ‘он шел’). Основа, состоящая только из корня, по большей части имеет лишь свойства глагола: *мэн=та* ‘идти’, *ät=та* ‘появиться’, *йис=та*

‘плакать’, *кит=та* ‘посылать’, *лӥн=та* ‘входить’, *пӧл=та* ‘бояться’ и т. д. Однако, такую основу можно рассматривать и как имя, и как глагол: *арӧх* ‘песня’ – *арӧх=та* ‘петь’, *моньӧ* ‘сказка’ – *моньӧ=ӧа* ‘рассказывать сказку’, *вӧр* ‘дело’ – *вӧр=та* ‘делать’, *вот* ‘ветер’ – *вот=та* ‘дуть (о ветре)’, *ӥк* ‘танец’ – *ӥк=та* ‘танцевать’, *пыт* ‘гнев, злость, ненависть’ – *пыт=та* ‘сердиться’, *сӧв* ‘коса’ – *сӧв=та* ‘плести, сплести’ и т. д. В некоторых случаях корневые морфемы имени и глагола различаются лишь одной гласной, в соответствии с правилами чередования гласных (см. 2.1.1): *дил* ‘дыхание, дух, душа’ – *дал=та* ‘дышать’.

Хантыйский язык имеет богатую систему глагольных суффиксов. Словообразование глаголов сургутского диалекта рассматривалось во многих статьях. К. Гуган [Gugan 2013] изучала данную тему с точки зрения вида и акциональности. Н. Б. Кошкарёва [2014] на основе «Словаря восточнохантыйских диалектов» Н. И. Терёшкина выделила 109 формантов (различные комбинации простых суффиксов), которые участвуют в образовании глаголов.

Значение отдельных глагольных суффиксов установить точно невозможно. Некоторые из них имеют семантику, характерную не только для хантыйского, но и для других угорских или же шире, для финно-угорских языков. Например, суффикс *=т=* обычно образует переходные глаголы, а суффикс *=л=* указывает на длительность, многократность действия, формант *=м=* обозначает начинательность действия, а *=кс=* – непереходность, возвратность. Простые суффиксы, состоящие из одного согласного, часто соединяются, образуя сложные форманты. На семантику суффиксов, конечно, влияет и производящая основа, таким образом, складывается система, включающая множество значений и их оттенков. Производящая основа может быть именной и глагольной.

3.2.2.1. Образование глаголов от имен существительных и прилагательных

С помощью суффикса =и= (=ы=):

тын=ы=та ‘продавать’ (от *тын* ‘цена’);

қолп=и=та ‘сетевать, ловить рыбу ставными сетями’ (от *қолп* ‘ставная рыболовная сеть’);

урт=и=та ‘заказывать’ (от *урт* ‘обращение, просьба; заказ’);

чәп=и=та ‘резать на части, на куски’ (от *чәп* ‘обрубок, болванка’).

С помощью суффикса =кә=:

тыхдә=кә=та ‘вить гнездо’ (от *тыхдә* ‘гнездо’);

көлдә=кә=та ‘договариваться’ (от *көлд* ‘слово’);

качә=кә=та ‘захотеть’ (от *кач* ‘охота, хотение’);

қотә=қә=та ‘построить дом’ (от *қот* ‘дом’);

йәмә=кә=та ‘мириться’ (от *йәм* ‘хороший’).

С помощью суффикса =т(ә)=:

әйм=тә=та ‘клеить’ (от *әйм* ‘клей’);

нәм=тә=та ‘назвать, дать имя, название’ (от *нәм* ‘имя, название’);

тын=тә=та ‘заплатить’ (от *тын* ‘цена’);

һәди=тә=та ‘заржаветь, покрыться ржавчиной’ (от *һәди* ‘ржавчина’);

ләқи=тә=та ‘щекотать’ (от *ләқи* ‘щекотка’);

қәрә=тә=та ‘крыть, покрывать’ (от *қәрә* ‘покров, покрытие’);

йоскәм=тә=та ‘прокиснуть, скиснуть’ (от *йоскәм* ‘кислый, горький, терпкий’);

пықәм=тә=та ‘гнить, сгнить, протухнуть’ (от *пықәм* ‘гнилой, прогнивший’).

С помощью суффикса =инт(ә)=:

мой=интә=та ‘свататься’ (от *мой* ‘сватовство, свадьба’);

пәх=интә=та ‘поедать шишки (о белке)’ (от *пәх* ‘шишка’);

тӑв=интә=та ‘наступить (о весне)’ (от *тӑви* ‘весна’);

лӑң=инт=та ‘наступить (о лете)’ (от *лӑң* ‘лето’).

С помощью суффикса =n/=un:

лӑқи=n=та ‘щекотнуть’ (от *лӑқи* ‘щекотка’).

нӑх=un=та ‘хихикнуть’ (от *нӑх* ‘смех’)

вӑс=un=та ‘момнетально продырявить’ (от *вӑс* ‘дыра’)

С помощью суффикса =(ə)л(ə)= :

мой=əl=та ‘гостить’ (от *мой* ‘сватовство, свадьба’);

мой=лә=та ‘дарить’ (от *мой* ‘сватовство, свадьба’);

мулэм=лә=та ‘дымить’ (от *мулэм* ‘дым’);

роҳәп=лә=та ‘лгать, врать; обманывать’ (от *роҳәп* ‘обман, ложь’);

вӑрпӑс=лә=та ‘заниматься каким-либо делом’ (от *вӑрпӑс* ‘работа, дело, занятие’);

ӱрәх=лә=та ‘быть в остатке, остаться в излишке’ (от *ӱрәх* ‘лишний; слишком, больше’);

римк=əl=та ‘смеркаться, темнеть’ (от *римӑк* ‘сумерки, потёмки’).

С помощью суффикса =(ə)лт(ə)=:

йӑм=əлтә=та ‘заняться лечением’ (от *йӑм* ‘хороший’);

нӑӓли=лтә=та ‘оставить ржаветь’ (от *нӑӓли* ‘ржавчина’);

пӑқи=лтә=та ‘заняться игрой в куклы’ (от *пӑқи* ‘кукла’);

сӑм=əлтә=та ‘поднимать пузырьки воздуха в воде’ (от *сӑм* ‘глаз’);

кач=əлтә=та ‘стимулировать желание’ (от *кач* ‘желание’).

С помощью суффикса =мәлт(ə)= :

вий=мәлтә=та ‘хитрить, лукавить’ (от *вий* ‘хитрость, лукавство’).

С помощью суффикса =(ə)м/=ам=:

сӱхс=ам=та ‘наступить (об осени)’ (от *сӱхӑс* ‘осень’);

тӱлх=ам=та ‘наступить (о зиме)’ (от *тӱлӑх* ‘зима’);

пырс=ам=та ‘стареть’ (от *пырӑс* ‘старый’);

ван=ам=та ‘приближаться, приблизиться’ (от *ван* ‘короткий, близкий’).

С помощью суффикса =*(ə)мт*=/=*амт(ə)*= :

äтəр=əмтə=та ‘проясниться (о погоде)’ (от *äтəр* ‘ясный, погожий’);

сур=əмтə=та ‘подсохнуть’ (от *сор* ‘сухой’);

һамк=амтə=та ‘размягчать(ся), размякнуть’ (от *һамəк* ‘мягкий’);

нэв=амтə=та ‘светать, светлеть, рассветать’ (от *нэви* ‘белый, светлый’).

С помощью суффикса =*аслə*=/=*ислə*=:

йёр=аслə=та ‘гордиться, задаваться’ (от *йёр* ‘гордость, высокомерие’);

пёр=ислə=та ‘просверлить’ (от *пёр* ‘бурав’);

вөв=ислə=та ‘вырываться, бороться’ (от слова *вөв* ‘сила’);

пəк=аслə=та ‘набраться терпения’ (от слова *пəк* ‘терпение’).

С помощью суффикса =*əхтə*=/=*əхтə*:

мөнтəл=əхтə=та ‘заворачивать в сверток’ (от *мөнтəл* ‘сверток, узел, связка’);

лилң=əхтə=та ‘оживить, оставить в живых’ (от *лилəң* ‘живой’);

мāч=əхтə=та ‘подпереть, поставить подпорки’ (от *мāч* ‘подпорка, стойка’);

улм=əхтə= та ‘видеть сон, видеть во сне’ (от *улəм* ‘сон, сновидение’);

вий=əхтə=та ‘становиться хилым, вялым’ (от *вий* ‘хилость, вялость’);

пөй=əхтə=та ‘проживать в море, голоде, болезни’ (от *пөй* ‘мор, голод, болезнь’);

сāт=əхтə=та ‘шустрить’ (от *сāт* ‘шустрость’).

С помощью суффикса =*əх(ə)л(ə)*=/ *ах(ə)л(ə)*=:

мӧч=ахлэ=та ‘сильно болеть’ (от *мӧч* ‘болезнь, боль, недуг’);

дилн=ахэл=та ‘оживать, выживать, оставаться живым’ (от *дилэн* ‘живой’);

тӓвн=ахлэ=та ‘стихнуть (о непогоде)’ (от *тӓхэн* ‘тихо, тихий (о погоде)’).

Примеры сочетаний суффиксов:

йӓм=лэ=птэ=та ‘вылечиваться’ (от *йӓм* ‘хороший’ + сочетание суффиксов);

ӓйм=илт=эт=та ‘подклеивать’ (от *ӓйм* ‘клей’);

пӓм=эл=тэ=хэл=та ‘греться’ (от *пӓм* ‘жар, тепло’);

сӓм=эл=тэ=хэл=та ‘выслеживать, постоянно держать в поле зрения’ (от *сӓм* ‘глаз’).

3.2.2.2. Образование глаголов от глаголов

Глагольные суффиксы, присоединяющиеся к глагольным основам, делятся на две группы: одни изменяют акциональность глагола, другие изменяют валентность глагола.

3.2.2.2.1. Акциональные суффиксы

Непроизводные глаголы в хантыйском языке могут указывать на длительно-непрерывное, мультипликативное или однократное, моментальное, результативное действие. Эти исходные значения могут быть изменены с помощью глагольных суффиксов.

А. Исходное значение непроизводной основы – длительно-непрерывное, незавершенное действие.

Выражение одноактности, моментальности:

С помощью суффикса =ип=/=ӓп=:

чөх=ип=та ‘свистнуть’ (от *чөх=та* ‘свистеть’);

лӓйл=ип=та ‘посмотреть, бросить взгляд’ (от *лӓйӓл=та* ‘смотреть’);

йөхл=ӓп=та ‘махнуть’ (от *йөхӓл=та* ‘махать, трепать ветром’);

мәхл=әп=та ‘обойти, объехать (однокр.)’ (от *мәхәл=та* ‘кружить(ся)’);

льоль=ип=та ‘встать, остановиться’ (от *льоль=та* ‘стоять’);

ман=ип=та ‘уйти вдруг, исчезнуть’ (от *ман=та* ‘идти’).

С помощью суффикса =**әтт(ә)**= :

ымл=әтт=та ‘присесть, сесть (мом.)’ (от *ымәл=та* ‘сесть, садиться’);

мәл=әтт=та ‘укласть (мом.)’ (от *мәл=та* ‘класть еду в котёл с водой’);

катл=әтт=та ‘поймать, схватить (мом.)’ (от *катәл=та* ‘взять, держать’);

қәнт=әттә=та ‘моментально броситься в бегство’ (от *қәнт=та* ‘броситься в бегство’);

пән=әттә=та ‘мгновенно положить’ (от *пән=та* ‘положить, класть’);

пәә=ттә=та ‘хлестануть’ (от *пәә=ба* ‘хлестать’);

қын=әттә=та ‘копнуть’ (от *қын=та* ‘копать’).

С помощью суффикса =**инт**=:

әл=инт=та ‘ложиться спать’ (от *әл=та* ‘лежать’);

сәңк=инт=та ‘изредка ударять’ (от *сәңк=та* ‘ударить’);

чөқ=инт=та ‘время от времени пинать’ (от *чөқ=та* ‘пинать, лягать’);

қәһбәқ=инт=та ‘напугаться’ (от *қәһбә=та* ‘пугаться’).

С помощью суффикса =**әх**=:

ләтт=әх=та ‘одеть (мом.)’ (от *ләмәт=та* ‘одевать на себя’);

вәст=әх=та ‘моментально вскакивать’ (от *вәст=та* ‘прыгать, скакать’).

С помощью суффикса =**мәхтә**=:

қул=мәхтә=та ‘ночевать один раз’ (от *қол=та* ‘ночевать’);

вәй=мәхтә=та ‘вздремнуть и тут же проснуться’ (от *вәйәттә=та* ‘уснуть’);

сѣль=мәхтә=та ‘прошуршать один раз’ (от сѣль=та ‘шуршать’);

вәңк=мәхтә=та ‘щелкнуть сильно один раз’ (от вәңк=та ‘щелкать’).

Выражение результативности:

С помощью суффикса =әтт(ә)=:

йонт=әттә=та ‘быстро зашить’ (от йонт=та ‘шить’);

илә рәви=ттә=та ‘быстро вытряхнуть’, (от илә рәви=слә=та ‘вытряхивать’);

пән=әттә=та ‘моментально положить’ (от пән=та ‘класть’).

Выражение начинательности:

С помощью суффикса =әм=:

пәл=әм=та ‘заботиться, начать бояться’ (от пәл=та ‘бояться’);

арх=әм=та ‘запевать’ (от арх=та ‘петь’);

вәйм=әм=та ‘задремать’ (от вәйм=та ‘дремать’);

қәлх=әм=та ‘закачаться’ (от қәләх=та ‘качаться’).

С помощью суффикса -әттә-:

ныт=әттә=та ‘рассердиться’ (от ныт=та ‘сердиться’);

нопт=әттә=та ‘понести течением воды’ (от нопәт=та ‘нести течением воды’);

вәр=әттә=та ‘заделать’ (от вәр=та ‘делать’);

воқњи=ттә=та ‘дразниться’ (от воқњи=та ‘дразнить’);

сух=әттә=та ‘поскакать’ (от сохәл=та ‘скакать’).

С помощью суффикса =мәхтә=, =махтә=:

вәл=мәхтә=та ‘зажить, начать жить’ (от вәл=та ‘жить, быть’);

сәңк=махтә=та ‘заколотить’ (от сәңк=та ‘колотить, бить’).

С помощью суффикса =қәтә=, =қәтә=:

няқ=қәтә=та ‘засмеяться’ (от няқ=та ‘хохотать, смеяться’);

ньэрэк=кэтэ=та ‘выдергивать (от *ньэрэк=та* ‘дергать’);
пёньэк=кэтэ=та ‘забинтовать’ (от *пёньэк=та* ‘бинтовать’).

С помощью суффикса =*эхтэ*=:

илм=эхтэ=та ‘подхватить’ (от *алэм=та* ‘поднимать’);

кулм=эхтэ=та ‘заночевать’ (от *қол=та* ‘ночевать’);

қёйм=эхтэ=та ‘спадать (о воде в водоёме)’ (от *қёйм=та* ‘спасть воде’);

сәвм=эхтэ=та ‘закружиться голове’ (от *сәвэм=та* ‘мельтешить перед глазами’).

Особенностью сургутского диалекта является наличие суффикса =*хи*=, который выражает попытку совершения действия:

вәр=хи=та ‘попробовать сделать что-либо’ (от *вәр=та* ‘делать’);

мән=хи=та ‘попробовать пойти’ (от *мән=та* ‘идти’);

кит=хи=та ‘хотеть послать’ (от *кит=та* ‘послать’);

қөвал=хи=та ‘стараться бегать’ (от *қөвал=та* ‘бегать’).

Выражение ослабленной интенсивности действия:

С помощью суффикса =*эммт*=:

вәр=эммт=та ‘поделать (немного)’ (от *вәр=та* ‘делать’);

қәнч=эммт=та ‘пописать немного’ (от *қәнч=ча* ‘писать’);

поч=эммтэ=та ‘подморозить’ (от *поч=та* ‘морозить заморозком’);

пән=эммт=та ‘положить чуть-чуть’ (от *пән=та* ‘класть’).

С помощью суффикса =*эп*=/*ип*=:

омс=эп=та ‘немного посидеть’ (от *омэс=та* ‘сидеть’);

лахл=эп=та ‘немного подождать’ (от *лахал=та* ‘ждать, стеречь, беречь’);

атмал=ип=та ‘побрезговать (чуть-чуть)’ (от *атмал=тэ=та* ‘брезговать’).

С помощью суффикса =(э)*хэл*=:

вөй=эммт=эхэл=та ‘заснуть на короткое время’ (от *вөй=эммтэ=та* ‘заснуть’);

вӱрӱхл=ӱхл=та ‘просыпаться изредка’ (от *вӱрӱхлӱ=та* ‘просыпаться’);

пӱнӱмт=ӱхл=та ‘положить на короткое время’ (от *пӱнӱмтӱ=та* ‘быстро положить’);

каримт=ӱхл=та ‘возвращаться время от времени’ (от *каримтӱ=та* ‘быстро развернуться’).

Б. Исходное значение непроизводной основы – однократное, моментальное действие.

Выражение многократности, длительности, незавершенности:

С помощью суффикса =лӱ= :

ӱвӱт=лӱ=та ‘резать (часто)’ (от *ӱвӱт=та* ‘резать’);

сӱвӱр=лӱ=та ‘рубить (часто)’ (от *сӱвӱр=та* ‘рубить’).

С помощью суффикса =(ӱ)хл=:

лӱл=ӱхл=та ‘вздыхать, делать прерывистые вздохи’ (от *лӱл=та* ‘дышать’);

лӱйхл=ӱхл=та ‘посматривать, поглядывать’ (от *лӱйхл=та* ‘смотреть’);

йаст=ӱхл=та ‘говорить, поговаривать’ (от *йастӱ=та* ‘сказать, сообщить’);

кил=тӱ=хл=та ‘будить несколько раз’ (от *кил=тӱ=та* ‘будить’);

катл=ӱхл=та ‘хвататься несколько раз’ (от *катӱл=та* ‘взять, держать’).

С помощью суффикса =ил(ӱ):

парт=ил=та ‘заставлять (многокр.)’ (от *парт=та* ‘заставить’);

чӱхм=ил=та ‘посвистывать (многокр.)’ (от *чӱх=ӱм=та* ‘свистнуть’);

кӱнч=ил=та ‘разыскивать, долго искать’ (от *кӱнч=ча* ‘искать’);

касл=илӱ=та ‘перекочевывать’ (от *касӱл=та* ‘переселяться, кочевать’);

пáнч=илэ=та ‘варить (часто)’ (от *пáнч=ча* ‘варить’);

лүк=илэ=та ‘хватать (часто)’ (от *лүк=та* ‘хватать’);

пáн=ыл=та ‘подкладывать’ (от *пáн=та* ‘класть’).

С помощью суффикса =*(ə)мт(ə)*=:

пэк=амтэ=та ‘выдерживать’ (от *пэк=та* ‘выдержать’);

ньэр=амтэ=та ‘выдёргивать’ (от *ньэр=та* ‘дёргать’);

пэбэр=амтэ=та ‘приминать’ (от *пэбэр=та* ‘мять, сминать’).

С помощью суффикса =*(ə)хт(ə)*= :

лэхлэ=хтэ=та ‘летать длительно’ (от *лэхлэ=тэ=та* ‘лететь’);

сучэ=хтэ=та ‘ходить длительно’ (от *сэч=та* ‘ходить пешком’);

лёлқа=хтэ=та ‘бить по воде длительно’ (от *лёлқэ=та* ‘бить по воде’).

3.2.2.2. Изменение валентности глаголов при словообразовании

При словообразовании может меняться актантная структура глагола: из переходного он может превратиться в непереходный и наоборот. Непереходные глаголы имеют лишь один обязательный актант – подлежащее. Переходные глаголы кроме подлежащего имеют и другой актант – прямое дополнение (см. 3.2.5). Проиллюстрируем это следующими примерами:

А. Непереходный глагол становится переходным:

С помощью суффикса =*тэ*=:

кил=тэ=та ‘разбудить’ (от *кил=та* ‘вставать, проснуться’);

илэм=тэ=та ‘стыдить’ (от *илэм=та* ‘стыдиться’);

лэйхэл=тэ=та ‘показывать’ (от *лэйхэл=та* ‘показать’);

áнэм=тэ=та ‘вырастить’ (от *áнэм=та* ‘расти’);

мэри=тэ=та ‘ломать’ (от *мэри=та* ‘ломаться’).

С помощью суффикса =таптә=:

пәл=таптә=та ‘пугать’ (от пәл=та ‘бояться’);

дәл=таптә=та ‘усаживать на транспорт’ (от дәл=та ‘сесть на транспорт’);

дүл=таптә=та ‘загружать транспорт’ (от дүл=та ‘грузить’).

С помощью суффикса =(ә)птә=:

нопт=әптә=та ‘сплавлять по воде’ (от нопәт=та ‘нести течением воды’);

кәл=әптә=та ‘кончить, закончить’ (от кәл=та ‘кончиться’);

кыб=әптә=та ‘оставить’ (от кыб=ба ‘остаться’);

пәвдә=птә=та ‘купать’ (от пәвәд=та ‘купаться’);

унч=әптә=та ‘переправить, перевезти через реку’ (от унч=ча ‘переехать через реку’);

льивт=әптә=та ‘вынести/вывезти через малое отверстие, выталкивать через отверстие’ (от льивәт=та ‘выйти/выбраться/выползти через отверстие’).

С помощью суффиксов =әлтә= и =(ә)птә= образуются каузативные глаголы со значением «заставить» и «ПОЗВОЛИТЬ»:

вәр=әксә=лтә=та ‘заставить одеть кого-либо’ (от вәр=әксә=та ‘одеваться’);

торхә=лтә=та ‘заставить трястись’ (от торхә=та ‘дрожать, трястись’);

йис=әлтә=та ‘заставить плакать’ (от йис=та ‘плакать’);

йärm=әлтә=та ‘заставить нуждаться’ (от йärm=та ‘нуждаться в чём-либо’);

пут=әпт=әлтә=та ‘заставить подморозить’ (от пут=әптә=та ‘подморозить’).

Производящая основа каузативных глаголов может иметь и значение переходности, например:

катл=эптә=та ‘вручить, передать в руки’ (от *катәл=та* ‘поймать, держать’);

лёмтә=птә=та ‘одевать кого-либо’ (от *лёмәт=та* ‘надевать на себя’);

долм=әлтә=та ‘дать украсть’ (от *доләм=та* ‘воровать, красть, украсть’);

йүр=әлтә=та ‘дать привязать’ (от *йүр=та* ‘привязать’);

вәр=әлтә=та ‘дать делать, заказать чтобы сделали’ (от *вәр=та* ‘делать’).

Б. Переходный глагол становится непереходным:

С помощью суффикса =ил=:

ву=йил=та ‘повидаться’ (от *ву=та* ‘видеть’);

пунч=ил=та ‘открываться’ (от *пунч=та* ‘открыть’);

сал=ил=та ‘опрокидываться’ (от *сал=та* ‘опрокидывать’).

Выражение возвратности:

С помощью суффикса =кс=:

пунчә=қсә=та ‘открываться’ (от *пунч=ча* ‘открывать’);

мөңтә=қсә=та ‘вытираться’ (от *мөңәт=та* ‘вытирать’);

лыьә=қсә=та ‘готовиться’ (от *лыьатә=та* ‘готовить’);

тәврә=қсә=та ‘закрыватьсь’ (*ылә тәврә=та* ‘закрывать’);

қынә=қсә=та ‘копаться’ (от *қын=та* ‘копать’);

қолтә=қсә=та ‘заночевать’ (*қол=та* ‘ночевать’);

қайһә=қсә=та ‘прятаться’ (от *қайһи=та* ‘прятать’);

ортә=қсә=та ‘поделиться’ (от *орт=та* ‘делить’);

мөлдә=қсә=та ‘молиться’ (от *мул=та* ‘произносить заклинание’);

мөрә=қсә=та ‘ломаться’ (от *мөри=та* ‘ломать’);

лёмтә=қсә=та ‘одеваться’ (от *лёмәт=та* ‘одеть’).

С помощью суффикса =ант(ә)/инт=:

орт=антә=та ‘делиться, разделиться, разводиться (о супругах)’ (от *орт=та* ‘делить, разделить’);

әм=антә=та ‘сосать (непереходный)’ (от *әм=та* ‘сосать’);

пёрт=антә=та ‘кусаться’ (от *пёр=та* ‘кусать’).

3.2.2.3. Дополнительные замечания о словообразовании глаголов

К одному глаголу одновременно может нанизываться несколько суффиксов, например:

қохәт=та ‘рассохнуться’, *қохәт=л=әхәл=тә=та* ‘сушиться долго’;

нём=та ‘помнить’, *нём=лә=мтә=та* ‘вспомнить мгновенно’, *нёмә=қсә=та* ‘подумать’, *нём=ла=хтә=та* ‘вспомнить’;

өнәл=та ‘привыкать’, *өнәл=тә=та* ‘учить, обучать’, *өнәл=тәхәл=та* ‘учиться, приучиться’;

пәвәл=та ‘толкать’, *пәвл=әмәл=та* ‘толкнуть’, *пәвл=әмтә=та* ‘толкаться’.

Один и тот же глагол может присоединять различные суффиксы, приобретая таким образом различные значения, например:

қөл=та ‘слышать, чувствовать’, *қөл=илә=та* ‘слышать о чём-либо’, *қөл=әнтә=та* ‘подслушать’, *қөл=әнтә=хәл=та* ‘прислушиваться’, *қөл=тәп=та* ‘звучать’;

вәр=та ‘делать’, *вәр=әмт=та* ‘делать вдруг’, *вәр=әнт=та* ‘делать, готовить’, *вәр=әнт=әхәл=та* ‘делать постоянно’, *вәр=әт=әхәл=та* ‘готовиться’, *вәр=әхтә=та* ‘стараться’, *вәр=әхлә=та* ‘проснуться’, *вәр=әксә=та* ‘одеваться’, *вәрәх=тә=та* ‘будить, разбудить’ (от *вәрәх=лә=та* ‘проснуться, пробудиться’).

Образование глагола от наречия представлено незначительно:

йәқ=инт=та ‘оказываться вдруг внутри’ (от *йәқә* ‘внутри’);

от словосочетания:

йәмудә=кәсә=та ‘прощаться’ (от прощания *йәм удәм* ‘всего хорошего (букв. хорошего сна)’).

Существуют корневые морфемы, которые нельзя отнести ни к именам, ни к глаголам – так называемые связанные корни, например:

уси: *уси=л=та, уси=п=та* ‘зевать’;

ом: *ом=ләх=та* ‘попасть’, *ым=әл=та* ‘сесть, садиться’, *ом=әс=та* ‘сидеть’, *ом=әт=та* ‘ставить, садить’, *ом=тыл=та* ‘расставлять’.

Присоединение к заимствованным глаголам отдельных суффиксов свидетельствует об их продуктивности. Глаголы, заимствованные из русского языка, часто адаптируются посредством суффикса *=лә=: шарит=лә=та* ‘жарить’, *лечит=лә=та* ‘вылечить’, *звонит=лә=та* ‘звонить’, *рәпит=лә=та* ‘работать’, *рисовай=лә=та* ‘рисовать’. Иногда показатель русского инфинитива *=ть* интерпретируется как хантыйский словообразовательный суффикс *=тә=: цальитә=та* ‘жалеть’.

Важным средством образования глаголов в сургутском диалекте хантыйского языка является использование превербов. Основное значение их заключается в указании направления (*нөк* ‘вверх’, *ылә* ‘вниз’, *илә* ‘прочь’, *төвә* ‘туда’, *нык* ‘в сторону воды, очага’, см. 3.5.2), но существует и преверб, выражающий интенсивность действия (*тык* ‘на смерть, совсем’). Кроме этого превербы обозначают разные виды акциональности, например результативность, завершенность:

нөк кәнч=ча ‘поискать, отыскать’;

илә лөл=та ‘растаять’;

ылә вәл=та ‘убить’;

илә пунч=ча ‘открыть’;

ылә тәвәр=та ‘закрыть’;

нөк йонтәкәсә=та ‘сшить’;

нык мёл=та ‘положить заготовки продуктов в котел, кастрюлю с водой’.

Интенсивность действия:

тык мйт=та ‘устать очень’;

тык мән=та ‘умереть (букв. совсем уйти)’;

тёва көрәх=та ‘падать в обморок’;

тёва нит=та ‘прийти в себя, очнуться’;

тык/тёва йёраҳлә=та ‘забыть совсем’;

тёва әсәл=та ‘оставить навсегда’.

Одновременное использование глагольных суффиксов и превербов придает дополнительные оттенки значений:

әнәм=та ‘расти’, *әнәм=тә=та* ‘вырастить’, *нёқ әнм=әлтә=та* ‘выращивать’.

Встречаются случаи, когда семантика глагола с превербом полностью отличается от значения исходного глагола:

пәрхи мә=та ‘возвратить (букв. дать обратно)’;

һул йәәхтә=та ‘встретиться (букв. совидеться)’;

һул ву=та ‘познакомиться (букв. совидеть)’;

нёқ нит=та ‘победить (букв. вверх падать)’;

нёқ вәр=та ‘исправить (букв. вверх делать)’.

Словосложение не характерно для глагольного словообразования, однако встречаются некоторые сложные глаголы, образованные путем сочетания имени с глаголом:

сәм=а нит=та ‘родиться (букв. на глаз падать)’.

Значение начинательности выражает и словосочетание «инфинитив + *йә=та* ‘начинать’», например: *йис=таҳә йә=та* ‘начать плакать’.

3.2.3. Словоизменение глагола

В сургутском диалекте хантыйского языка существует два залога: действительный (актив) и страдательный (пассив). Действительный залог не маркирован (имеет нулевой суффикс), показателем же страдательного залога

является формант =өй= и его варианты (гласные ө, и, ы). В обоих залогах глаголы имеют две формы времени: настоящее-будущее и прошедшее. Настоящее-будущее время обозначается показателем =л=, а прошедшее время не маркировано. Также у глаголов имеется категория числа (единственное, двойственное и множественное) и лица (первое, второе и третье). В действительном залоге различаются два ряда спряжений: субъектное и объектное. При субъектном спряжении глагольная форма содержит лишь указание на субъект действия. Формы объектного спряжения кроме значений лица и числа субъекта указывают также на число объекта действия.

Глаголы действительного залога имеют формы двух наклонений: изъявительного (индикатива) и повелительного (императива). В повелительном наклонении у глаголов существуют лишь формы второго лица. Другие лица образуются аналитическим способом (см. 3.2.4.4.3).

Глаголы в хантыйском языке не располагают категорией вида, у них отсутствует характерное для русских глаголов четкое разделение на совершенный и несовершенный вид. Значения законченности, незавершенности и различных способов действия хантыйская глагольная система передает с помощью глагольных суффиксов и превербов (см. 3.2.2).

Порядок следования аффиксов в глагольной словоформе выглядит следующим образом: **глагольная основа** + **показатель времени** (нулевой для прошедшего времени, =л= для настоящего-будущего времени) + **показатель страдательного залога** (нулевой суффикс в случае действительного залога) + **показатель числа объекта** (при объектном спряжении нулевой для единственного числа объекта, =хал= для двойственного, =л= для множественного числа) + **лицо и число грамматического субъекта**.

Примеры:

а) *кит+л+өй+эм* ‘посылают меня’ (форма глагола *кит*= ‘посылать’ настоящего-будущего времени страдательного залога первого лица единственного числа);

б) *пӑн+л+әхәл+ам* ‘я положу их двоих’ (форма глагола *пӑн*= ‘класть, положить’ настоящего-будущего времени действительного залога объектного спряжения (указание на двойственное число объекта) первого лица единственного числа).

3.2.3.1. Парадигмы спряжений глаголов

3.2.3.1.1. Действительный залог

3.2.3.1.1.1. Изъявительное наклонение

3.2.3.1.1.1.1. Субъектное спряжение

Спряжение глагола *пӑн=та* ‘класть, положить’ (табл. 24):

Таблица 24

Число	Лицо	Настоящее время	Прошедшее время
Ед.	1-е	<i>пӑн=л=эм</i>	<i>пӑн=эм</i>
	2-е	<i>пӑн=л=ән</i>	<i>пӑн=ән</i>
	3-е	<i>пӑн=әл</i>	<i>пӑн</i>
Дв.	1-е	<i>пӑн=л=эмән</i>	<i>пӑн=мән</i>
	2-е	<i>пӑн=л=әттән</i>	<i>пӑн=тән</i>
	3-е	<i>пӑн=л=әхән</i>	<i>пӑн=хән</i>
Мн.	1-е	<i>пӑн=л=ув</i>	<i>пӑн=ув</i>
	2-е	<i>пӑн=л=әтәх</i>	<i>пӑн=тәх</i>
	3-е	<i>пӑн=л=әт</i>	<i>пӑн=әт</i>

Как уже упоминалось в разделе 2.1.2.1, в парадигме прошедшего времени происходит чередование гласных. Гласные первого слога *-о-*, *-ө-* чередуются с *-у-*, а гласные первого слога *-а-*, *-э-* чередуются с *-и-*. В некоторых словах происходит чередование *ӑ ~ ө*.

Спряжение глагола *ваӑк=та* ‘ползти’ (табл. 25):

Таблица 25

Число	Лицо	Настоящее время	Прошедшее время
Ед.	1-е	ваңк=л=эм	виңк=эм
	2-е	ваңк=л=эн	виңк=эн
	3-е	ваңк=эл	виңк
Дв.	1-е	ваңк=л=эмэн	виңк=мэн
	2-е	ваңк=л=эттэн	виңк=тэн
	3-е	ваңк=л=эхэн	виңк=кэн (виңк=хэн)
Мн.	1-е	ваңк=л=ув	виңк=ув
	2-е	ваңк=л=этэх	виңк=тэх
	3-е	ваңк=л=эт	виңк=эт

Другие примеры (табл. 26):

Таблица 26

Инфинитив	Настоящее время	Прошедшее время
	1-е лицо единственного числа, ма	
омэт=та 'садить'	омэт=л=эм	умт=эм
сөч=ча 'шагать'	сөч=л=эм	суч=эм
дапэт=та 'кормить'	дапэт=л=эм	дипт=эм
йэк=та 'танцевать'	йэк=л=эм	йик=эм
тэй=та 'иметь'	тэй=л=эм	тэй=эм

Глаголы, обладающие двумя основами (см. 3.2.1), образуют формы настоящего и прошедшего времен по-разному. Показатель настоящего времени =л= добавляется к основе на гласный, а в прошедшем времени личные суффиксы присоединяются к основе на согласный (табл. 27).

Таблица 27

Инфинитив	Настоящее время	Прошедшее время
	1-е лицо единственного числа, ма	
йә=та 'стать чем-то'	йә=л=эм	йәх=эм
йү=та 'приходить'	йү=л=эм	йүв=эм
ли=та 'кушать'	ли=л=эм	лив=эм
мә=та 'давать'	мә=л=эм	мэй=эм
ту=та 'приносить'	ту=л=эм	тув=эм
вә=та 'брать'	вә=л=эм	вэй=эм
ву=та 'видеть, знать'	ву=л=эм	вуй=эм

В 3-м лице единственного числа на лицо указывает нулевой суффикс. В настоящем времени к основе прибавляется только показатель времени =л. В двойственном и множественном числах суффиксы 3-го лица совпадают с числовыми показателями имен существительных: =(ə)хэн и =əт.

В прошедшем времени суффикс 3-го лица единственного числа зависит от корня глагола. Нулевой суффикс имеют:

а) глаголы, основы которых оканчиваются на один согласный:

(лүв) мэн 'он шел', қыѳ 'он остался', вяр 'он делал', көрəх 'он упал', лəн 'он вошел', йёвəт 'он пришел', қын 'он копал', нёқ кил 'он встал' и т. д.;

б) глаголы, имеющие две основы:

(лүв) йүв 'он пришел', тув 'он принес', мәй 'он дал', вай 'он взял', вуй 'он видел', лив 'он ел';

в) некоторые непроизводные глаголы, основы которых оканчиваются на сочетание согласных:

виңк 'он полз', йиңѳ 'он пил';

г) в случае производных глаголов с основой на -л встречаются две формы:

с нулевым суффиксом:

(лүв) ньəвмəл 'он сказал', нёмəқсəхəл 'он подумывал';

с суффиксом =əх:

(лүв) ньəвмилəх 'он говаривал', арилəх 'он предназначил, назначил', йəңқилəх 'он проходил', сөчилəх 'он прошагал'.

Суффикс =(ə)х присоединяет:

а) глаголы с основой на гласный:

(лүв) йəстə=х 'он говорил', ёйəхтə=х 'он заметил, нашел', вярəхлə=х 'он пробудился', қунтəхлə=х 'он услышал', əңкр=əттə=х 'он взглянул', қəнья=хтə=х 'он спрятался'. После основ, оканчивающихся на гласный -и, перед личным

окончанием добавляется согласный *-й-* (см. 2.3): *(лүв) ори-й=эх* ‘он разорвался’, *кэм кари-й=эх* ‘он повернулся и вышел’;

б) некоторые непроезводные глаголы, основы которых оканчиваются на сочетание согласных:

(лүв) пунч=эх ‘он открыл’, *муньѳ=эх* ‘он рассказал сказку’;

в) производные глаголы с основами, оканчивающимися на согласные *-м-*, *-п-* или на сочетание согласных:

(лүв) арх=эм=эх ‘он начал петь’, *нэвр=эм=эх* ‘он прыгнул’, *мэн=ып=эх* ‘он ушел стремительно, сорвавшись с места’, *ылэ йл=инт=эх* ‘он лег спать’, *пыт=эмм=эх* ‘он рассердился’, *чүксэм=эх* ‘он взялся делать что-либо’.

3.2.3.1.1.2. Объектное спряжение

Спряжение глагола *пӑн=та* ‘класть, положить’ в настояще-будущем времени (табл. 28):

Таблица 28

Субъект		Число объекта		
Число	Лицо	Единственное	Двойственное	Множественное
Ед.	1-е	<i>пӑн=л=эм</i>	<i>пӑн=л=эхэл=ам</i>	<i>пӑн=л=эл=ам</i>
	2-е	<i>пӑн=л=э</i>	<i>пӑн=л=эхэл=а</i>	<i>пӑн=л=эл=а</i>
	3-е	<i>пӑн=л=этэх</i>	<i>пӑн=л=эхэл</i>	<i>пӑн=л=эл</i>
Дв.	1-е	<i>пӑн=л=этэмэн</i>	<i>пӑн=л=эхэл=амэн</i>	<i>пӑн=л=эл=эмэн</i>
	2-е	<i>пӑн=л=эттэн</i>	<i>пӑн=л=эхэл=эн</i>	<i>пӑн=л=эл=эн</i>
	3-е	<i>пӑн=л=эттэн</i>	<i>пӑн=л=эхэл=эн</i>	<i>пӑн=л=эл=эн</i>
Мн.	1-е	<i>пӑн=л=этув</i>	<i>пӑн=л=эхэл=ув</i>	<i>пӑн=л=эл=ув</i>
	2-е	<i>пӑн=л=эттэн</i>	<i>пӑн=л=эхэл=эн</i>	<i>пӑн=л=эл=эн</i>
	3-е	<i>пӑн=л=ул</i>	<i>пӑн=л=эхэл=ул</i>	<i>пӑн=л=эл=ул</i>

Спряжение глагола *пӑн=та* ‘класть, положить’ в прошедшем времени (табл. 29):

Таблица 29

Субъект		Число объекта		
Число	Лицо	Единственное	Двойственное	Множественное
Ед.	1-е	<i>пӑн=эм</i>	<i>пӑн=хӑл=ам</i>	<i>пӑн=л=ам</i>
	2-е	<i>пӑн=э</i>	<i>пӑн=эхӑл=а</i>	<i>пӑн=л=а</i>
	3-е	<i>пӑн=тӑх</i>	<i>пӑн=хӑл</i>	<i>пӑн=ӗл</i>
Дв.	1-е	<i>пӑн=тэмэн</i>	<i>пӑн=хӑл=эмэн</i>	<i>пӑн=л=эмэн</i>
	2-е	<i>пӑн=эттэн</i>	<i>пӑн=хӑл=эн</i>	<i>пӑн=ыл=эн</i>
	3-е	<i>пӑн=эттэн</i>	<i>пӑн=хӑл=эн</i>	<i>пӑн=л=эн</i>
Мн.	1-е	<i>пӑн=тув</i>	<i>пӑн=хӑл=ув</i>	<i>пӑн=л=ув</i>
	2-е	<i>пӑн=эттэн</i>	<i>пӑн=хӑл=эн</i>	<i>пӑн=ыл=эн</i>
	3-е	<i>пӑн=ыл</i>	<i>пӑн=хӑл=ал</i>	<i>пӑн=л=ал</i>

3.2.3.1.1.2. Повелительное наклонение (императив)

3.2.3.1.1.2.1. Субъектное спряжение

Спряжение глаголов *нӧк кил=та* ‘вставать’, *пӑн=та* ‘класть, положить’, *йастә=та* ‘говорить’ в повелительном наклонении (табл. 30):

Таблица 30

Число	Лицо	Повелительное наклонение		
Ед.	2-е	<i>нӧк кил=а</i>	<i>пӑн=а</i>	<i>йаст=а</i>
Дв.	2-е	<i>нӧк кил=иттэн</i>	<i>пӑн=ыттэн</i>	<i>йаст=ытэн</i>
Мн.	2-е	<i>нӧк кил=итӑх</i>	<i>пӑн=ытӑх</i>	<i>йаст= ытӑх</i>

Суффиксы двойственного и множественного чисел повелительного наклонения начинаются с гласного *-и-*. По правилам орфографии на основе кириллического алфавита фонема [и] после согласных *н* и *т* обозначается буквой *ы*, но при этом произносится переднеязычный *и*.

У глаголов, основы которых оканчиваются на *-ә*, в формах повелительного наклонения конечный звук отсе-

кается: *йаст=а!* ‘говори!’; *йаст=ыттән!* ‘говорите (вы двое)’; *йаст=ытәх!* ‘говорите!’ от *йастә=та* ‘говорить’.

В ряде глаголов в формах повелительного наклонения происходит чередование гласных. Гласный первого слога *-о-* чередуется с *-ы-*, гласный *-ө-* со звуком *-у-*, а гласные первого слога *-а-*, *-э-* чередуются с *-и-*. В некоторых словах происходит чередование *ä ~ ə* (табл. 31).

Таблица 31

Инфинитив	Изъявительное наклонение	Повелительное наклонение
	2-е лицо единственного числа, нўн	
<i>йонт=та</i> ‘шить’	<i>йонт=л=ән</i>	<i>йынт=а!</i>
<i>лөт=та</i> ‘покупать’	<i>лөт=л=ән</i>	<i>лут=а!</i>
<i>арәх=та</i> ‘петь’	<i>арәх=л=ән</i>	<i>ирх=а!</i>
<i>йэнь=та</i> ‘пить’	<i>йэнь=л=ән</i>	<i>йинь=а!</i>
<i>вәр=та</i> ‘делать’	<i>вәр=л=ән</i>	<i>вэр=а!</i>

3.2.3.1.1.2.2. Объектное спряжение повелительного наклонения

Спряжение глагола *пән=та* ‘класть, положить’ (табл. 32):

Таблица 32

Субъект		Число объекта		
Число	Лицо	Единственное	Двойственное	Множественное
Ед.	2-е	<i>пән=э</i>	<i>пән=ыхәл=а</i>	<i>пән=ыл=а</i>
Дв.	2-е	<i>пән=ылән</i>	<i>пән=ыхәл=ин</i>	<i>пән=ыл=ин</i>
Мн.	2-е	<i>пән=ылән</i>	<i>пән=ыхәл=ән</i>	<i>пән=ыл=ән</i>

После основ, оканчивающихся на гласный *-и-*, перед формами лица и числа повелительного наклонения добавляется *-й-*. См. спряжение глагола *пыри-та* ‘спрашивать’ (табл. 33):

Таблица 33

Субъект		Число объекта		
Число	Лицо	Единственное	Двойственное	Множественное
Ед.	2-е	<i>пыри-й=э</i>	<i>пыри-й=ихэл=а</i>	<i>пыри-й=ил=а</i>
Дв.	2-е	<i>пыри-й=илэн</i>	<i>пыри-й=ихэл=ин</i>	<i>пыри-й=ил=ин</i>
Мн.	2-е	<i>пыри-й=илэн</i>	<i>пыри-й=ихэл=эн</i>	<i>пыри-й=ил=эн</i>

Чередование гласных происходит и в объектном спряжении повелительного наклонения. См. спряжение глагола *алэм=та* 'поднять, поднимать' (табл. 34):

Таблица 34

Субъект		Число объекта		
Число	Лицо	Единственное	Двойственное	Множественное
Ед.	2-е	<i>илм=э</i>	<i>илм=ихэл=а</i>	<i>илм=ил=а</i>
Дв.	2-е	<i>илм=илэн</i>	<i>илм=ихэл=ин</i>	<i>илм=ил=ин</i>
Мн.	2-е	<i>илм=илэн</i>	<i>илм=ихэл=эн</i>	<i>илм=ил=эн</i>

3.2.3.1.2. Страдательный залог

Спряжение глагола *вэр=та* 'делать' (табл. 35):

Таблица 35

Число	Лицо	Настоящее время	Прошедшее время
Ед.	1-е	<i>вэр=л=өй=эм</i>	<i>вэр=өй=эм</i>
	2-е	<i>вэр=л=ө</i>	<i>вэр=ө</i>
	3-е	<i>вэр=л=и</i>	<i>вэр=и</i>
Дв.	1-е	<i>вэр=л=өй=мэн</i>	<i>вэр=өй=мэн</i>
	2-е	<i>вэр=л=ө=ттэн</i>	<i>вэр=ө=ттэн</i>
	3-е	<i>вэр=л=и=хэн</i>	<i>вэр=и=хэн</i>
Мн.	1-е	<i>вэр=л=өй=ув</i>	<i>вэр=өй=ув</i>
	2-е	<i>вэр=л=ө=тэх</i>	<i>вэр=ө=тэх</i>
	3-е	<i>вэр=л=ат</i>	<i>вэр=ат</i>

Как уже было сказано в разделе 1.1.2, огубленные полные гласные встречаются в непервых слогах только при определенных морфологических условиях, например, они имеются в показателе страдательного залога =өй/=ө=. Данный суффикс употребляется лишь в 1-м и 2-м лице.

В 3-м лице суффиксы содержат гласные =u= и =a=. По правилам орфографии фонема [и] после согласных *n* и *t* обозначается буквой *ы*, но произносится при этом переднеязычный *и*, например: *пӑн=ы* ‘положили его’, *пӑн=ы=хӑн* ‘положили их двух’, *кит=ы* ‘послали его’, *кит=ы=хӑн* ‘послали их двух’.

В формах глаголов прошедшего времени страдательного залога, основы которых оканчиваются на -*а*, конечный звук выпадает, например: *йастӑ=л=и* ‘говориться’, *йаст=ы* ‘говорилось’ от *йастӑ=та* ‘говорить’.

3.2.4. Употребление глагольных форм

3.2.4.1. Употребление залогов

3.2.4.1.1. Действительный залог

Формы глагола действительного залога используются при подлежащем, которое обозначает субъект действия, бытия или состояния. В действительной (активной) конструкции субъект действия (агенс) является подлежащим, а объект действия (пациенс) – прямым дополнением. Глагол, выполняющий функцию сказуемого, согласуется с подлежащим (субъектом действия) в числе и лице:

Ики рыт вӑр. ‘Мужчина сделал лодку’;

Рыт йӑвӑн қонӑнӑ йл=ал. ‘Лодка лежит на берегу реки’;

Мин кат ӑвихӑн тӑй=л=ӑмӑн. ‘У нас (двоих) две дочки’;

Қӗлтахиլ мӑн кул кӑнччахӑ мӑн=л=ув. ‘Завтра мы поедем на рыбалку’;

Нӗн мӗкким олхӑ йӑх=ӑн? ‘Сколько тебе лет?’;

Ма қӑс ӧлхӑ йӑх=ӑм. ‘Мне двадцать лет’.

3.2.4.1.2. Страдательный залог

Формы глагола страдательного залога употребляются при подлежащем, обозначающем не субъект, а объект (пациенс), то есть тот предмет, который подвергается

какому-либо действию. Глагол в функции сказуемого согласуется с подлежащим (объектом действия) в числе и лице. Агенса действия либо отсутствует, либо выступает в форме обстоятельства в местном падеже:

а) агенс отсутствует, поскольку он неизвестен, нет необходимости его называть или так как подчеркивается результат действия, а не само действующее лицо:

Йӓңкәт нопәт=л=ат. ‘Льды несутся’;

Нүң әнтә пот=л=ө? ‘Тебе не холодно?’;

Мәң йимәң қәтәлнам вуҳ=өй=ув. ‘Нас пригласили на праздник’;

Курушка илә көс=и. ‘Кружку разбили / Кружка разбита’;

Өвпи пунч=и. ‘Дверь открыли / открыта’;

б) агенс присутствует:

Рыт ики=нә вӓр=и. ‘Мужчина сделал лодку (букв. Лодка сделана мужчиной)’;

Ма тӓтӓм=нә нӓқ әнәтт=өй=әм. ‘Меня бабушка вырастила (букв. Я был бабушкой выращен)’;

Йӓвән йӓңк=нә пунт=ы. ‘Река льдом покрыта’;

Ай әвәли=нә курушка илә көс=и. ‘Маленькая девочка разбила кружку (букв. Девочкой была разбита кружка)’;

Өвпи вәт=нә илә пунч=и. ‘Ветер открыл дверь (букв. Дверь была открыта ветром)’.

В отличие от западных диалектов (приуральского и казымского), в которых личное местоимение не может быть маркированным агенсом страдательной конструкции, в сургутском диалекте такого ограничения не существует:

Бӓқа, наркәсийуҳ лӓв=нә илә лӓвәтт=ы. ‘Он схватил музыкальный инструмент (букв. Вот так, музыкальный инструмент был выхвачен им)’;

Рәпитләтә қуйәм, мӓв ма=нә атәм мәта урнә тӓйиш=л=ө? ‘Работник мой, что я плохо с тобой обращаюсь? (букв. Работник мой, ты мной плохо обрацаемым был?)’;

Данәт вәнт қор тәт сохдәт. Ма=нә йәвт=ат, тәвә ыла көрхәт. ‘Семь диких оленей там бегало. Я подстрелил их, они вниз упали (букв. Мной подстрелены они, они вниз упали)’.

Во многих языках формы страдательного залога могут иметь лишь переходные глаголы. В обско-угорских языках подобное ограничение отсутствует, даже непереходные глаголы, например глаголы движения и глагол бытия имеют формы пассива:

Қәднә Йәм воца йәвт=л=и? ‘Как попасть в Ханты-Мансийск?’;

Чымәл вәл=и, панә әй латнә ғу тоҳийи қәнтәк қә мәнәл. ‘Немного пожил, и однажды по тому месту шел человек-ханты’;

Ма мәч қәнә йәвт=өй=әм. ‘Гость пришел ко мне (букв. Я придён гостем)’ ср. активная конструкция *Мәч қә мантәмнам йәвт.* ‘Гость пришел ко мне’.

Выбор действительной или страдательной конструкции зависит от актуального членения предложения. Об этом ниже в разделе 3.2.4.3.

3.2.4.2. Употребление наклонений

3.2.4.2.1. Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение используется в случаях, когда действие, бытие или состояние, обозначенное основой глагола, мыслится говорящим как реально происходящее:

Ики рыт вәр=әл. ‘Мужчина делает лодку’;

Мин нәврәм әнтә тәй=л=әмән. ‘У нас (двоих) нет детей’;

Нүн пувләма пәв=и. ‘Ты щеку обморозил’;

Ма чисәм әй лота ымәл. ‘Мои часы остановились’.

3.2.4.2.2. Повелительное наклонение

Повелительное наклонение выражает просьбу или приказ говорящего с целью побудить собеседника к определенному действию:

Тәхә йүв=а! ‘Иди сюда!’;

Мант чайат пән=а! ‘Налей мне чай!’;

Моңъ мынь Ъ=а! ‘Рассказывай сказку!’;

Айәлтачәк ньәвм=итәх! ‘Говорите тише!’;

Йәмхә нын мән=ыттән! ‘Хорошо доехать (вам – двоим)!’;

Ма қынтәм сүхәс қотнә қығ. Төвә йәнң=а, тәхә тув=ә! ‘Мой кузов остался на осеннем стойбище. Сходи, принеси его!’;

Посхәлә илә орийәккән, нүн нөқ йонтәқсә=хәл=а! ‘Твои рукавицы порвались, сшей их (двоих)!’.

При запрещении употребляется частица *ал* ‘не’:

Ал пәткахл=итәх! ‘Не спешите!’;

Ал нүнәт пәвәлт=а! ‘Не обморозься!’.

Глаголы имеют синтетические формы повелительного наклонения только во вторых лицах. Другие лица образуются аналитическим способом с помощью частицы *лүвә* ‘пусть’ и глагола в изъявительном наклонении настоящего времени:

Ай ньэврэмәт лүвә архә нүрәхтәләт. ‘Маленькие дети пускай разбегаются’;

Мәһам мант лүвә чайат пәнәл. ‘Пусть моя сноха наливает мне чай’;

Нындән лүвә йәрнас вәрләт. ‘Пусть ваши жены сошьют рубашки’;

Ма қынтәм сүхәс қотнә қығ. Пәхам лүвә төвә йәнңәл, лүвә тәхә ту=л=тәх! ‘Мой кузов остался на осеннем стойбище. Пусть мой сын ходит и принесет его!’

С глаголом 1-го лица частица *лүвэ* ‘пусть’ употребляется очень редко:

Ма лүвэ ыла қалдам, рохпәң көл йастадам кунта. ‘Пусть я умру, если лживые слова говорю’.

В начале XX в. глагол в повелительном наклонении спрягался по трем лицам и трем числам в действительном и страдательном залоге. На сегодняшний день синтетические формы сохранились только в фольклорных текстах (см. 5.2.2.2 и 6.3.3).

3.2.4.3. Употребление субъектного и объектного спряжений

При непереходных глаголах используется субъектное спряжение:

Нэврэм йис=эл. ‘Ребенок плачет’;

Торхэт морты маҳнам пёрәхдә=л=эт. ‘Журавли летят на юг’;

Адәңнә нёқ кил=ув панә вёрәкс=ув. ‘Утром мы встали и оделись’.

Некоторые глаголы, которые например в русском языке являются переходными, в хантыйском относятся к непереходным: вместо прямого дополнения они имеют косвенное. Подобные глаголы всегда изменяются по лицам по типу субъектного спряжения:

Ма потәм йәңки пәл=л=эм. ‘Я боюсь холодной воды’;

Маң тәвийат дахдәксә=л=ув. ‘Мы ждем весны’.

Если у глагола имеется прямое дополнение, выбор между субъектным и объектным спряжением зависит от актуального членения предложения. Актуальное членение обозначает, что каждое высказывание содержит как старую, так и новую информацию. В лингвистике для указания на уже известную и новую часть сообщения употребляется несколько пар терминов: тема – рема, данное – новое,

определенное – неопределенное, топик – комментарий, известное – неизвестное и т. д. Языковеды интерпретируют эти термины не совсем одинаково. Для нас наиболее целесообразным представляется использовать термины «известное – новое».

При коммуникации актанты глагола (субъект, объект или адресат действия) выполняют различные коммуникативные роли. В языке это реализуется с помощью порядка слов, ударения, использования вспомогательных слов или другими средствами. В хантыйском языке для указания на ранее известную часть сообщения употребляются разные типы спряжения глагола. Выбор субъектного или объектного спряжения зависит от того, упоминался ли объект действия в повествовании ранее или же он называется впервые. Если объект известен, используется объектное спряжение, в случае же нового объекта употребляется субъектное спряжение. Наряду с этим от известности субъекта действия зависит выбор действительного или страдательного залогов. Если субъект упоминался ранее, употребляется страдательный залог, если же он встречается впервые, используется действительный. Вышеперечисленные факторы объясняют, почему невозможно проиллюстрировать употребление спряжений и залогов на примере обособленных предложений. Для этого необходим контекст, то есть текст или его часть, включающие несколько предложений. Рассмотрим, например, следующий небольшой рассказ из букваря Н. И. Терёшкина [1959: 70]:

Сеня ньэдэ кўьхэр вӓл. Толя эвэ ньэдэ кўьхэр вӓл. Өс ай дилдэң кўьхэр тув. Бу кўьхэрэл ньәңида мӓйтӓх. Ньәңилнӓ кўьхэр нохэр сӓмат дӓпӓттӓхэ вӓри. ‘Сеня добыл четырех бурундуков. Толя тоже добыл четырех бурундуков. Он принес и одного живого бурундука. Этого бурундука он дал

своей младшей сестре. Младшая сестра стала кормить бурундука кедровыми орехами’.

Сеня ыалэ кўъхэр вӱл. (суб. спр.)

Толя эбэ ыалэ кўъхэр вӱл. (суб. спр.) В предложении говорится о других бурундуках!

Өс ай дилэң кўъхэр тув. (суб. спр.) Речь идет о другом бурундуке!

Бу кўъхэр=ал, ыаңшда мэй=тэх. (об. спр.) Об этом бурундуке уже говорилось ранее.

Ыаң=ил=нэ кўъхэр нохэр сӱмат лапэттахэ вӱр=и. (стр. зал.) Младшая сестра упоминалась в предыдущем предложении, здесь она уже известна.

Обычно известный по предыдущему повествованию объект остается в предложении неназванным, на него указывает лишь суффикс объектного спряжения глагола. В следующем отрывке дополнение (сундук) упоминается лишь в первом предложении. Далее в тексте на него указывают не местоимения, а лишь суффиксы глагола. Эти же суффиксы содержат информацию о том, что субъект действия, подлежащее – это женщина, о которой шла речь ранее:

Йамат сиккәң сорьэң сунтук. Сӱраң кэмнам қӱлат тув=тэх. Панэ ыи тув=тэх кэм. Кэм питмада панэ нӱқ ыи кунтам=тэх. Ыи тув=тэх, ыи тув=тэх. ‘Очень красивый золотой сундук. Кое-как [она] вытащила [его] на улицу. Вытащила [его] на улицу. Выйдя на улицу, на плечи взвалила [его]. Понесла и понесла [она] [его]’.

Система средств выражения актуального членения довольно сложная. В рамках данной грамматики невозможно описать систему целиком со всеми ее нюансами. Этот вопрос изучался ранее на материале западных (приуральского и казымского) диалектов хантыйского языка [Николаева 1995: 192–200; Кошкарёва 2002].

Н. Б. Кошкарёвой проводились исследования и на материале сургутского диалекта [Кошкарёва 2007а].

Правила употребления типов спряжений различаются по диалектам. В северных диалектах хантыйского языка если прямым дополнением является личное местоимение, то глагол изменяется по типу объектного спряжения. Ситуация в сургутском диалекте сложнее. Если прямым дополнением является личное местоимение 1-го и 2-го лица, то употребляется субъектное спряжение:

Ма нўнат/нынат/нəнат қол=л=эм. ‘Я слышу тебя/вас двоих/вас многих’;

Қёлтақил Саша мант/минат/мəнат вочнам ту=л. ‘Завтра Саша меня/ нас двоих/ нас многих повезет в город’.

Если прямым дополнением является личное местоимение 3-го лица единственного числа (*лўват* ‘его’) то употребляется субъектное спряжение:

Молқйтал Саша амплөқ тув. Ма лўват липт=эм. ‘Вчера Саша принёс щенка. Я его покормил’.

Если прямым дополнением является личное местоимение 3-го лица двойственного или множественного числа (*динат* ‘их двоих’, *ләхат* ‘их’), то употребляется объектное спряжение, суффикс которого указывает и на число объекта:

Молқйтал Саша кат амплөққэн тув. Ма динат липэт=хэл=ам.

‘Вчера Саша принёс двух щенков. Я их двоих покормил’.

Молқйтал Саша қөдәм амплөқ тув. Ма лəхат липэт=л=ам.

‘Вчера Саша принёс трех щенков. Я их (многих) покормил’.

Объектное спряжение используется и в том случае, когда прямое дополнение, известное из контекста, отсутствует. Тогда на него указывает суффикс объектного спряжения.

Молқйтал Саша амплөқ тув. Ма липт=эм.

Молқайтәл Саша кат амплөкқән тув. Ма **лупәт=хәл=ам**.

Молқайтәл Саша қәдәм амплөк тув. Ма **лупәт=л=ам**.

‘Вчера Саша принёс одного/двух/трех щенков. Я его/их покормил’.

В сложноподчиненных предложениях, в которых придаточное предложение выполняет функцию дополнения, глагол главного предложения ставится в объектном спряжении:

Көтнат **памил=тәх**, мјв дөватхә йәх. ‘Он показал рукой, [что] каким большим стал’;

Мунт тьу мјрт **ву=л=тәх**, мјв мјртнә наркасләлхән. ‘Он тогда уже знает, [что] когда они двое начнут играть [на музыкальном инструменте]’;

Ву=л=тәх: тәми йухнә омәсл тьу Карәс-ики. ‘Смотрит, вот на дереве сидит Карес ики’;

Мәта тохил кјра кәчан, **памт=э!** ‘В каком месте болит нога, покажи!’

Однако встречаются в данной позиции и глаголы в форме субъектного спряжения:

Нүң тәм **пыри-й=а**, ма қәдә мөчә тәхәнә йәңқилдәм. ‘Ты тогда спрашивай, до каких пор я так хожу’.

Данный вопрос требует дальнейшего изучения.

3.2.4.4. Употребление временных форм

3.2.4.4.1. Настояще-будущее время

Настоящее время указывает на действие, совпадающее с моментом речи, а также совершающееся после него:

Мәң вочнам **мән=л=ув**. ‘Мы едем в город (сейчас)’;

Қәдтахил мәң вочнам **мән=л=ув**. ‘Завтра мы поедем в город’.

Мира воч қөрнам қәднә **мән=л=и?** ‘Как на улицу Мира пройти?’

Кроме того в сказках и рассказах настоящее время может быть использовано в значении прошедшего:

Имихэн икихэн вӓл=л=ӓхэн. Бу вӓлтыннӓ эй датна ими йастӓ=л: Ма йӓнкат йӓнқил=л=эм. ‘Жил-был (букв.: живут вдвоем) муж с женой. Так живя, однажды женщина говорила (букв. говорит): «Я схожу за водой»’.

3.2.4.4.2. Прошедшее время

Прошедшее время обозначает действие, которое происходило или произошло до момента речи.

Молқӓтӓл мӓн вочнам йӓнқ=ув. Ар пӓкӓт литӓт вӓй=ув. Бут пырнӓ мӓн лӓвӓс йохлувнӓ мойӓлта йӓвт=ӓй=ув. ‘Вчера мы поехали в город. Много разных продуктов купили. Потом наши друзья пришли к нам в гости’.

В других диалектах хантыйского языка употребляется показатель прошедшего времени =с=. Судя по грамматическим заметкам финских ученых К. Ф. Карьялайнена и Х. Паасонена, этот глагольный суффикс еще в начале XX в. существовал и в сургутском диалекте (см. 5.2.2.1). В наши дни форма прошедшего времени с показателем =с= встречается крайне редко. В аганском говоре суффикс =с= употребляется в глаголах, обозначающих погодные явления, например, *йӓмӓс* ‘шел дождь’, *нырӓхтӓс* ‘погода испортилась’ (ср. тром., юг. *йӓм*, *нырӓхтӓх*). В тромъёганском и аганском говорах используются и выражения *йа*, *ма мӓн=с=эм* ‘ну, я пошла (собираюсь идти)’ и *мӓн=с=и* ‘пойдѐмте’, которые содержат страдательную форму глагола *мӓн=та* ‘идти’ в прошедшем времени.

3.2.4.4.3. Сложная форма будущего времени

Кроме синтетических временных форм употребляется и аналитическая – это форма будущего сложного времени. Она образуется сочетанием инфинитива, оканчивающегося на суффикс =та(хӓ), и вспомогательного глагола *пит=* ‘начинать

делать что-нибудь'. Последний принимает показатель настоящего-будущего времени =л= и соответствующий субъекту лично-числовой суффикс. Эта сложная форма выражает действие, которое будет происходить после момента речи, и по значению совпадает с будущим временем глаголов несовершенного вида в русском языке. При её употреблении вспомогательный глагол обычно следует за инфинитивом (а не наоборот, как в русском языке). Данная конструкция не является частью системы времен хантыйского языка: глагол *пит=* не грамматикализовался в такой степени, как глагол *быть* в русском языке. Его можно заменить глаголами *йә=та* 'становиться чем-то', *вәр=та* 'делать', *раңип=та* 'начинать':

Кәлтахи́л ма́н во́чнам ма́н=та́хә пи́т=л=ув. 'Завтра мы будем ехать в город';

Тэм қәта́л ма вар льо́вба́хә йа́ңк=л=әм, қәлтахи́л пён вә́р=та́хә пи́т=л=әм. 'Сегодня я схожу проверить запоры, завтра я буду делать мордушку'.

3.2.5. Глагольное управление

3.2.5.1. Безличные глаголы

При безличных глаголах подлежащее отсутствует. Они не спрягаются по лицам, употребляются только в форме третьего лица единственного числа, но изменяются по временам. Безличные глаголы прежде всего обозначают явления природы, например:

Йём=әл. 'Идет дождь';

Ван күта́л чо́х=әл. 'Часто снег идёт';

Сүхсинт=әх. 'Наступила осень';

Нэвинт=әх. 'Рассвело'.

3.2.5.2. Одновалентные глаголы

Непереходные глаголы являются одновалентными: они имеют лишь один обязательный актанта – подлежащее:

Нэврэм йис=эл. ‘Ребенок плачет’;

Амп ропэс=л. ‘Собака лает’;

Ими рөпитлэ=л. ‘Женщина работает’.

Другие зависимые элементы возможны, но не обязательны:

Нэврэм сүйәнкэ йисэл. ‘Ребенок плачет громко’;

Кэмэн амп ропэсл. ‘На улице собака лает’;

Ими почта қотнэ рөпитлэл. ‘Женщина работает на почте’.

3.2.5.3. Двухвалентные глаголы

Двухвалентные глаголы – это переходные глаголы, обязательными актантами которых являются подлежащее и прямое дополнение:

Ики сорт вэд. ‘Мужчина добыл шуку’;

Ма кэньика лёңэт=л=эм. ‘Я читаю книгу’;

Лэх ьянь ли=л=эт. ‘Они едят хлеб’;

Нүң амп тай=л=эн? ‘У тебя есть собака? (букв. Ты собаку имеешь)?’

3.2.5.4. Трехвалентные глаголы

Трехвалентные глаголы имеют три актанта – субъект, объект и адресат действия. Их семантика связана с передачей определенного предмета какому-либо лицу. Типичным трехвалентным глаголом можно считать глагол *мэ=та* ‘дать’, но сюда же относятся и глаголы, обозначающие передачу информации: *йастэ=та* ‘сказать’, *монь=ва* ‘рассказывать сказку’, *арэх=та* ‘петь’, и т. д. В обско-угорских языках при подобных глаголах возможны две модели управления. Чаще всего адресат принимает форму винительного падежа (в случае существительных он совпадает с основным падежом), а прямое дополнение стоит в творительном падеже, имеющем суффикс =ат:

Ими ньэврэмэл ньаь=ат мэл. ‘Женщина дает ребенку хлеб (букв. Женщина ребенка хлебом дает)’;

Аьил пяхэл моньЪ=ат муьЪ. ‘Отец рассказал сказку сыну (букв. Отец сына сказкой рассказал)’.

В случае личных местоимений винительный падеж маркирован:

Ими мант ньаь=ат мэл. ‘Женщина дает мне хлеб (букв. Женщина меня хлебом дает)’.

Во второй модели управления трехвалентных глаголов, которая встречается реже, объект действия выражен винительным падежом, а адресат получает суффикс с каким-либо направительным значением. Если в роли адресата выступает существительное, то к нему добавляется суффикс направительного падежа =а или суффикс обще-направительного падежа =нам. Личные же местоимения в этой позиции принимают форму дательного падежа:

Ими ньэврэмэл=а ньаь мэл. ‘Женщина дает ребенку хлеб’;

Ики пяхэл=нам моньЪ муьЪ. ‘Мужчина рассказал сказку своему сыну’;

Ими мантэм ньаь мэл. ‘Женщина дает мне хлеб’.

В иерархии членов предложения подлежащее стоит на самом высоком уровне. Прямое дополнение занимает позицию пониже, а косвенное дополнение – еще ниже. Бывают случаи, когда самым важным компонентом предложения является адресат и тогда возможна пассивизация первой модели управления. В следующих предложениях адресатами действия выступают компоненты *ньэврэм* ‘ребенок’ и *ма* ‘я’. Поскольку они являются подлежащими, то согласуются со сказуемым в лице и числе. Субъект действия маркирован суффиксом местного падежа =нэ:

Ньэврэм аькил=нэ ньаь=ат мэл=л=и. ‘Мать дает ребенку хлеб (букв. Ребенок матерью хлебом даётся)’;

Ма ими=нэ ньаь=ат мэ=л=өй=эм. ‘Женщина дает мне хлеб’;

Аьэн=нэ мүв шир йасэһ=ат йаст=ө? ‘Какие слова сказал тебе твой отец?’

При определенном актуальном членении предложения (см. 3.2.4.3) прямое дополнение, известное из контекста, может согласовываться с глаголом, т. е. глагол может стоять в объектном спряжении:

Ма лопканэ ньаь вэйэм. Ма нўнатыйа ньаь мэ=л=эм. ‘Я купила хлеб в магазине. Я даю [этот] хлеб тебе’.

Но если слово ньаь ‘хлеб’ появляется в разговоре первый раз (т. е. прямое дополнение представляет собой новую информацию), глагол стоит в субъектном спряжении:

Нўн дита йэхэн? Ма нўнатыйа ньаь мэ=л=эм. ‘Ты голоден? Я даю тебе хлеб’.

В обско-угорских языках круг трехвалентных глаголов очень широк. К нему относятся почти все глаголы со значением действия, в котором кроме субъекта и объекта участвует еще третье лицо, к примеру, получающее «выгоду» в результате осуществления действия:

Аңкэм мант йэдэп йярнас=ат йунт. ‘Мать сшила мне новое платье’;

Ма өнэдтэтэ ими=нэ «ньэдэ-ҳ=ат» умтөйэм. ‘Мне учительница четверку поставила’;

Нэнат укол=ат вярта мосэл. ‘Вам укол нужно сделать’.

Бу ими=нэ литёт=ат-қул=ат вярэнты, литёт=ат-қул=ат дипты панэ айтэ тоҳи-й=ат вәри. ‘Хозяйка [гостье] еду-рыбу достала, едой-рыбой накормила и постель для неё приготовила’.

3.3. Нефинитные формы глагола

Нефинитные формы глагола в отличии от финитных, о которых речь шла в разделе 3.2, не присоединяют

показателей времени, наклонения и залога, однако они принимают личные и падежные суффиксы и образуют сочетания с послелогоми.

В сургутском диалекте хантыйского языка существует пять нефинитных форм глагола: инфинитив с суффиксом =*та(хə)*, причастие настоящего времени с показателем =*т(ə)*=, причастие прошедшего времени на =(ə)*м*=, деепричастие с суффиксом =*мин* и причастие отрицания с показателем =*лəх*. Данные суффиксы добавляются ко всем глагольным основам, создавая часть речи, которая представляет собой переход между глаголами и именами: образованные с помощью этих суффиксов слова отчасти сохраняют свойства глагола, но в предложении функционируют как именные части речи. В предложении в роли сказуемого они встречаются в исключительных случаях, чаще являются определением, обстоятельством, косвенным дополнением, реже – подлежащим и прямым дополнением. Конструкции с нефинитными глаголами могут заменять и придаточные предложения. Словоизменение у различных нефинитных форм не одинаково.

Наибольшее количество формантов присоединяется к причастиям настоящего и прошедшего времени: это могут быть показатели лица, падежные суффиксы и, кроме того, послелог. Отрицательные причастия также могут иметь показатели лица и падежные суффиксы, но их использование ограничено. Деепричастие в роли сказуемого принимает только формы числа, а инфинитив не может присоединять никаких суффиксов.

3.3.1. Инфинитив

Показателем инфинитива является формант =*та(хə)*. Употребляется как его краткая форма =*та* (именно она дается в словарях), так и форма, содержащая суффикс превратительного падежа =*хə*. Значительной семантической

разницы между ними не наблюдается, но тем не менее, это явление требует дальнейших исследований.

Показатель инфинитива присоединяется непосредственно к основе глагола, которая может оканчиваться на гласный (*ли=та* ‘кушать’, *йастә=та* ‘сказать’), согласный (*мән=та* ‘идти’, *һәвәм=та* ‘говорить’), либо на сочетание согласных (*әлһинт=та* ‘ложиться спать’, *ләһк=та* ‘покрывать’, *парт=та* ‘приказать’). Если в конце основы стоят звуки – ч или – ь, происходит ассимиляция: *кәнч + та > кәнчча* ‘искать’, *пунч + та > пунчча* ‘открывать’, *льоь + та > льоьба* ‘проверять замок’, *монь + та > моньба* ‘рассказывать сказку’ (см. 2.4). Другие суффиксы к инфинитиву присоединяться не могут.

Инфинитив может выполнять в предложении следующие функции:

А) сказуемое в значении ‘надо что-нибудь сделать’

Ма әнтә вулэм, қәлһнам мән=та. ‘Я не знаю, куда идти’.

Б) смысловая часть составного глагольного сказуемого

при разных видах связок:

а) оценочной связке

Атыһнам атәм вәл=тахә. ‘Плохо в одиночестве жить’;

Йәвин мән=тахә йәм. ‘Хорошо ходить ночью’.

б) эмотивной связке

Ма күрат йәһк=та дәһкдәм. ‘Я люблю ходить пешком’;

в) модальной связке, выраженной глаголом со значением желательности

Ма йәдәп қот вәр=та дәһкдәм. ‘Я новый дом хочу построить’;

г) модальной связке, выраженной глаголом со значением необходимости

Вәди най пән=та мосәл. ‘Дымокур нужно развести’.

д) модальной связке, выраженной глаголом со значением возможности

Па вочнам **ньвэм=та** нәңатэны мустал? ‘У вас можно заказать междугородние переговоры? (букв. В другой город говорить от вас можно?)’;

е) фазисной связке, выраженной глаголом со значением начинательности

Қайтәк қө панә амп әйқа **вәл=тахә йәк=кән**. ‘Человек и собака начали жить вместе’.

В) прямое дополнение

Ма **арәх=та** өнәлтәхәлдәм. ‘Я учусь петь.’

Г) обстоятельство цели при глаголах движения в конструкциях со значением ‘идти что-нибудь делать’

Ма **мойәл=та** йөвтәм. ‘Я пришел в гости’;

Д) компонент аналитической формы будущего времени с глаголом **пит=та** ‘начинать’:

Шкөла тәрәмтанка мјвәликкә **рөпитлә=та** **пит=л=ән?** ‘Когда школу закончишь, кем станешь/будешь работать?’ (ср. 3.2.4.4.3).

Поскольку к инфинитивам невозможно присоединить показатель лица, чаще всего они употребляются в предложениях, в которых субъект основного действия совпадает с агенсом инфинитива:

Тәм қәтәл **ма** вар **льөъ=ва** **йәңү=әм**. ‘Сегодня я сходил проверить запоры (т. е. именно **я** сходил и именно **я** проверил)’.

Однако встречаются и предложения, в которых агенс инфинитива не совпадает с субъектом действия, т. е. подлежащим предложения. В этих случаях агенс маркирован суффиксом местного падежа:

Һыр илә әнтә вәйи, пырәс **ики=нә** һарәк кјр әнтә **ву=тахә**. ‘Кисы снимать нельзя, чтобы старик голые ноги не видел’.

Кроме того возможны и так называемые разносубъектные конструкции, в которых инфинитив относится не к подлежащему, а к другому лицу:

Би қырхэм иминэ илэ тыны=та пирты. ‘Этот мешок (мой) жена продать заставила’ (заставила жена, а продавать будет муж, но он не упомянут в предложении). Такая конструкция называется объектным инфинитивом.

3.3.2. Причастие настоящего и прошедшего времени

3.3.2.1. Словообразование и словоизменение причастий

Суффикс причастия настоящего времени =*тә*, как и суффикс инфинитива, прибавляется непосредственно к основе глагола (*ди=тә* ‘кушающий’, *йастә=тә* ‘говорящий’, *ман=тә* ‘идуший’, *әл=тә* ‘лежащий’, *кәнч=чә* ‘ищущий’, *моньб=бә* ‘рассказывающий сказки’).

В северных диалектах хантыйского языка суффиксы инфинитива и причастия настоящего времени совпадают. Обе глагольные формы оканчиваются на =*ты* (например, каз. *вәл=ты* ‘жить, живущий’), поэтому в некоторых случаях затруднительно определить их функции. В сургутском диалекте формы и значения инфинитива и причастия различаются четко (*вәл=та(хә)* ‘жить’ и *вәл=тә* ‘живущий’).

Суффикс причастия прошедшего времени =(ә)*м* так же добавляется к основе глагола. При этом в ней могут происходить небольшие изменения. К глагольным основам, оканчивающимся на согласный, присоединяется суффикс =*эм*: *ман=эм* ‘ушедший’, *дәң=эм* ‘вошедший’ (от *дәң=та* ‘входить’), *әлонт=эм* ‘ложившийся (спать)’, *кәнч=эм* ‘разысканный’, *йиньб=эм* ‘выпивший, выпитый’.

В глагольных основах на -ә при образовании причастий прошедшего времени конечный звук отсекается: *йаст=эм*

‘сказанный’ (от *йастә=та* ‘сказать’), *пыхарт=эм* ‘помогавший, поддержанный’ (от *пыхартә=та* ‘помочь’).

В глаголах, основы которых оканчиваются на *-и/ы*, перед суффиксом причастия прошедшего времени добавляется согласный звук *-й-*: *тыны-й=эм* ‘проданный’ (от *тыны=та* ‘продавать’), *пыри-й=эм* ‘спрашивавший’ (от *пыри=та* ‘спрашивать’).

Если во втором слове основы глагола стоит неполный гласный *-ә-*, то при добавлении суффикса причастия прошедшего времени он выпадает: *йёвт=эм* ‘пришедший’ (от *йёвтә=та* ‘прийти’), *акт=эм* ‘собиравший, собранный’ (от *актә=та* ‘собрать, собрать’).

В некоторых основах происходит чередование гласных *о ~ у* и *ә ~ ё*. Примеры: *қолта лот* ‘место, на котором переночевали сейчас’, *қудам лот* ‘место, на котором переночевали ранее’, *вәлта вәр* ‘дело жизни, букв. жизненное дело’, *вёдам мах* ‘земля, на которой проживали’.

От глаголов, имеющих две основы (см. 3.2.1), формы причастия настоящего и прошедшего времени образуются по-разному. Показатель причастия настоящего времени *=та* присоединяется к основе на гласный, а показатель причастия прошедшего времени – к основе на согласный (табл. 36).

Таблица 36

Инфинитив	Причастие настоящего времени	Причастие прошедшего времени
<i>йә=та</i> ‘стать чем-то’	<i>йә=тә</i>	<i>йәх=эм</i>
<i>йү=та</i> ‘приходить’	<i>йү=тә</i>	<i>йүв=эм</i>
<i>ли=та</i> ‘кушать’	<i>ли=тә</i>	<i>лив=эм</i>
<i>мә=та</i> ‘давать’	<i>мә=тә</i>	<i>мәй=эм</i>
<i>ту=та</i> ‘приносить’	<i>ту=тә</i>	<i>тув=эм</i>
<i>вә=та</i> ‘брать’	<i>вә=тә</i>	<i>вәй=эм</i>
<i>ву=та</i> ‘видеть, знать’	<i>ву=тә</i>	<i>вуй=эм</i>

Причастия настоящего и прошедшего времени могут присоединять личные и падежные суффиксы, а также – послелогии. Личные суффиксы причастий напоминают притяжательные суффиксы существительных, но вместо неполного гласного -ə- они содержат полные гласные -а-, -и-. При изменении причастий по лицам неполный звук -ə- суффикса причастия отсекается (табл. 37).

Таблица 37

Число	Лицо	Притяжательные суффиксы существительных	Личные суффиксы причастий	Изменение по лицам причастия наст. вр. <i>мән=тә 'идуций'</i>	Изменение по лицам причастия прош. вр. <i>мән=эм 'ушедший'</i>
Ед. ч.	1.	=əм	=ам	<i>мән=т=ам</i>	<i>мән=м=ам</i>
	2.	=əн, =э, =а	=ан, =а	<i>мән=т=а</i>	<i>мән=м=а</i>
	3.	=əл	=ал	<i>мән=т=ал</i>	<i>мән=м=ал</i>
Дв. ч	1.	=мән	=əмән/=амән	<i>мән=т=амән</i>	<i>мән=м= амән</i>
	2.	=ин (=ын)	=ин (=ын)	<i>мән=т=ын</i>	<i>мән=м=ин</i>
	3.	=ил (=ын)	=ин (=ын)	<i>мән=т=ын</i>	<i>мән=м=ин</i>
Мн. ч.	1.	=ув, =эв	=ав	<i>мән=т=ав</i>	<i>мән=м=ав</i>
	2.	=ин (=ын)	=ин (=ын)	<i>мән=т=ын</i>	<i>мән=м=ин</i>
	3.	=ил (=ыл)	=ил (=ыл)	<i>мән=т=ыл</i>	<i>мән=м=ил</i>

3.3.2.2. Семантика причастий

В хантыйском языке причастия не делятся на действительные и страдательные. Залог причастия зависит от значения исходного глагола и его синтаксической позиции. Причастие становится действительным (активным), если главное слово определительной конструкции является агенсом причастия:

лэв мөкдал пәвэлтә=тә ның нуни ‘медведица, которая купает своих медвежат (букв. её медвежат купающая медведица)’;

вэнта йүв=эм йох ‘люди, которые пришли в лес (букв. в лес пришедшие люди)’;

авлат пулт=эм аэм ‘мой отец, который запряг нарты (букв. нарты запрягший отец мой)’.

То же самое причастие может быть и страдательным (пассивным) в случае, если главное слово определительной конструкции является пациенсом, т. е. прямым дополнением причастия:

аэм пулт=эм авлат ‘нарты, которые запряг мой отец (букв. отцом моим запряженные нарты)’.

Если агенс причастия выражен личным местоимением, то к причестию прибавляется личный суффикс, который согласуется с лицом и числом агенса:

нүн пулт=эм=а авлат ‘нарты, которые ты запряг (букв. запряженные тобой нарты)’

катэл=м=ам кул ‘рыба, которую я поймал (букв. пойманная мной рыба)’.

В диалектах хантыйского языка для выражения агенса причастий используются различные стратегии. В восточных диалектах личный суффикс присоединяется к причестию не только когда главным словом определительной конструкции является пациенс причастия, но и в случаях, когда в позиции главного слова находится другое зависимое причастие, например, обстоятельство места:

(ма) сэма пим=м=ам нухэл ‘деревня, где я родился’.

В западных же диалектах причастие в роли определения не может присоединять суффиксы, поэтому показатель лица прибавляется к главному слову конструкции, к имени, ср.:

каз. *ма катл=эм хул=эм* ‘рыба, которую я поймал (букв. пойманная рыба моя)’;

каз. *ма сэма пим=эм көрт=эм* ‘деревня, где я родился (букв. родившаяся деревня моя)’.

Несмотря на то, что мы называем данные нефинитные формы глагола причастиями настоящего и прошедшего времени, в действительности они не обладают категорией времени в том смысле, в котором это характерно для финитных глаголов. В случае причастий речь идет не об абсолютном, а об относительном времени: временной план причастия зависит от времени в основной части предложения, которое выражено финитным глаголом. При этом возможны разнообразные соотношения между временами причастия и глагола. Следующие предложения представляют собой самые простые примеры, в действительности же ситуация гораздо сложнее:

Ма канэк воньѳахэ мэн=т=ам=нэ вици пэ энэл қынт вэдэм. ‘Когда я иду собирать ягоды, всегда беру с собой большой кузов’;

Ма канэк воньѳахэ мэн=м=ам=нэ энэл қынт вэйэм. ‘Когда я пошла собирать ягоды, взяла собой большой кузов’.

3.3.2.3. Синтаксис причастий

Причастия настоящего и прошедшего времени могут выступать в качестве четырех членов предложения (определения, подлежащего, прямого дополнения или обстоятельства). Примеры, иллюстрирующие этих функций см. ниже.

а) функция определения:

сохэл=тэ вэди ‘скачущий олень’;

ори-й=эм қури ‘расколотое корыто’.

Причастия сохраняют управление финитного глагола, от которого они образованы, т. е. они могут иметь прямое дополнение и обстоятельство:

маңат ту=тэ тўвтәң йвал ‘поезд, который везет нас (букв. нас везущая огненная нарта)’;

кäv йәнкнам лык=эм ньэврэмат ‘дети, которые бросали камни в воду (букв. камни в воду бросавшие дети)’;

кäv анахнә вйит пәнцалт=ам кул ‘рыба, которую жарили на сковороде на масле (букв. на сковороде с маслом жареная рыба)’.

Конструкция, в которой причастие является определением, в предложении может выполнять функцию обстоятельства:

Ылә сävәр=м=ам йух=и аvэм рыт вәрәл. ‘Из дерева, которое я срубил, отец мой лодку сделает’.

б) функция подлежащего и прямого дополнения

В этих предложениях к причастиям почти всегда присоединяется показатель лица, независимо от того, выражен ли агенс существительным или личным местоимением.

Причастия в функции подлежащего и прямого дополнения встречаются лишь в определённых предложениях, в случаях, когда:

– сказуемым являются глаголы восприятия (*вута* ‘видеть’, *кәлта* ‘слышать’, *вудилта* ‘видеться’, *кәдилта* ‘слышаться’)

Пәлхәднат кәләл, ту төв йәнкнә мөләх=т=ал сәvәл. ‘Ушами слышит, в той озерной воде какой-то шорох слышится’;

Бәқа нүн ма вәр=т=ам әнтә вудә. ‘Ты что, не видишь, что я работаю (букв. мое дело не видишь)’;

– сказуемым являются слова *тәрәмта* ‘готово’ и *әнтәм* ‘нет’:

Ма әй нынэм тәхә лохәтлә=т=ал пә әнтәм. ‘Моя подруга не навещает меня (букв. навещание моей подруги нет)’;

Лүв өгурец ваньv=м=ал тәрәм. ‘Он нарезал огурец (букв. его огурец нарезание готово)’;

– составное сказуемое включает глагол *йә=та* и слова, означающие период, время, срок

Ма вѣнтнам **мэн=т=ам** ар қаталхә йәх. ‘С тех пор, как я пошел в лес, прошло много дней’;

Мүкким тысәлхә йәх қәннат **вәл=т=а?** ‘Ты на каком месяце беременности (букв. сколькими месяцами стало твое бытие с животом)?’.

в) функция обстоятельства

Кроме личных суффиксов к причастиям добавляются и падежные форманты. Образованные с их помощью причастные конструкции заменяют придаточные предложения. Из имеющихся в сургутском диалекте восьми падежных суффиксов пять способны присоединяться и к причастиям. Суффиксы местного падежа =нә, направительного падежа =а, превратительного падежа =хә и исходного падежа =и используются для выражения обстоятельства времени или условия, а суффикс творительного падежа =ат – для обозначения обстоятельства цели или причины. Эти суффиксы прибавляются к причастиям и настоящего, и прошедшего времени. Приведем некоторые примеры.

Выражение одновременности (в значении ‘когда’) с помощью суффикса =нә:

Кат имиҳән вәлдәхән. Би **вәл=т=ын=нә**, әй латнә әй имил нәмәксәл. ‘Живут две женщины. Так живя, однажды одна из них задумывается’;

Лүв йәқә **ләң=м=ал=нә** сәм йәңқал илә мөңләмәл. ‘Когда он вошел в дом, слезы свои утёр’.

Выражение одновременности действий (в значении ‘пока’) с помощью суффикса =и:

Лүв **йәңқил=т=ал=и** имил кат нәврәмхән тәй, әвиҳән-пәққән. ‘Пока он ездил, жена двоих детей родила – дочь и сына’;

Ма нәрәл йүх поби **суч=м=ам=и** сөвйүхәм қәлатты тувәм. ‘Пока я шел по краю моста, потерял посох мой’.

Выражение предшествования (в значении ‘после того

как') с помощью суффикса =а, когда действие, обозначенное финитным глаголом, происходит позже, чем действие, выраженное причастием:

Ма куйа мән=т=ам=а йәкә әй нёрхә мойәлтахә йәнқилләм. 'После того как я выйду замуж, всё время буду ходить домой в гости';

Питбәңкәли йәкә йёвәт=м=ал=а йастәх. 'Птичка, до дома добравшись, говорила'.

Если причастие является зависимым таких глаголов, как *йә=та*, *нит=та* 'начинать, становиться чем-то', к нему прибавляется суффикс =хә:

Тәм мәта вәлтәднә, әнта қёвли мўв вәл=т=ал=хә йәх, ванли вәл=т=ал=хә йәх, әй дәтнә рөпитләтә куйәл әвәл пәтәхә омәстахә йәх. 'Долго ли так проживаючи они жили, а, может, и недолго, но один раз работник его в санях остался'.

Йа, вәқа ай вәл=м=ал=хә нитмин пырнә әй кәтәднат өвни пунчәх, әй кәтәднат өвни тәвәртәх. 'А он немного погода одной рукой отворил дверь, другой затворил'.

Выражение цели и причины с помощью суффикса =ат:

Кёққәнам ву=т=ал=ат, Миша йух өвтыйа қуңәт. 'Для того чтобы дальше видеть, Миша поднялся на дерево';

Ма нәрәл йух поби суç=м=ам=ат, өңқана қәләқинтәм. 'Из-за того что я шел по краю моста, я упал в омут'.

В некоторых случаях причастие, имеющее лишь личный суффикс, способно выражать обстоятельство времени или условия без падежного форманта:

Нўн мән=т=ан ма нўнат қёлднә ййахтәләм? 'Если ты уйдешь, как я тебя отыщу?';

Тәхә йёвәттән, нўн тәхә йёвәт=м=а дилднан әнтә мәнлән. 'Пришел сюда, раз ты пришел сюда, живым отсюда не уйдешь';

Мин мән=т=амән пәчи ләвәлдәмән. 'Пока мы идем (букв. мы двое идущие), сухую рыбу жуем';

Мин **мән=м=амән** пӓци дӓвӓлмән. ‘Пока мы шли (букв. мы двое проходящие) сухую рыбу жевали’;

Нӓн төп **мән=м=а** мӓйхӓдӓла нӓула пӓтхӓн. ‘Как только ты ушел (букв. ты только ушедший), младшие твои братья перессорились’.

Подчинительная конструкция, выражающая обстоятельство времени, и придаточное условное (в значении ‘когда/если’) не всегда четко различимы. Однако условные придаточные предложения имеют особый маркер: вместо падежного суффикса к причастиям настоящего времени присоединяется частица *ка/қа*:

Ма илӓ **мән=т=ам ка**, тӓнӓңкӓ ти вӓлдӓн. ‘Когда/Если я уйду, будешь жить счастливо’;

Нын **мән=т=анын ка**, өвпи сӓрӓхӓ лӓпкӓмтыттӓн. ‘(Когда) вы двое уйдете, дверь крепко запирайте’;

Дӓх **мән=т=ыл ка**, қот қӓри нӓқ лӓвӓттӓ. ‘(Когда) они уйдут, пол дома вымой’;

Пӓтӓңкӓли мӓқӓт **пӓрӓхӓдӓ=тӓ қа**, кӓйӓни чӓмӓлхӓ йӓта йӓл. ‘Когда птенцы летают (начинают летать), комаров меньше становится’;

Иттӓн йӓс йӓхӓн **қӓтӓл ымӓлтахӓ йӓ=тӓ ка** нӓврӓмӓт дӓлӓхӓта ӓнтӓ йӓсӓлдӓт. ‘Вечером, когда солнце садится, старые люди детям шалить не разрешают’.

Конструкции «причастие настоящего времени + личный показатель + частица *ка*» синонимичны сочетаниям «финитный глагол + союз *қунтӓ* ‘если’», ср.:

Ма илӓ **мән=л=ӓм қунтӓ**, тӓнӓңкӓ ти вӓлдӓн. ‘Если я уйду, будешь жить счастливо’.

Причастия употребляются с многочисленными послелогоми. Такие конструкции подобно причастиям с падежными суффиксами заменяют различные придаточные обстоятельственные предложения. Чаще всего послеложные соче-

тания служат для передачи обстоятельственно-временных отношений.

Выражение одновременности:

Ма лопканам **мән=т=ам датнә** вӑх тӑйтә қырхэм әйәккә йӑқан йӑраҳдәләм. ‘Когда я иду в магазин, я всегда забываю свой кошелек дома’;

Бу **ӧлдинт=м=ал датнә**, бу сунтукад қубӑңида умәттәх. ‘Как ложиться стала, сундук этот рядом с собой положила’;

Ма **ӧнәлтәхәл=т=ам мӑрә**, Сургут вочнә вӧддәм. ‘Я, пока учусь, в Сургуте живу’;

Ими **йӧңқил=тә мӑрә** қылхәл дуйәл виӑӑ. ‘Пока женщина ходила, племянник её порезал свой палец’;

Қыӑам қор **қӧр=м=ал мӑрә** қйтәл-ими ымәл. ‘Когда/Пока сдирал шкуру последнего быка, солнце закатилось’;

Ма вӧлән әвалнат **мән=т=ам сохит /датнә /мӑрә** вици пә арәх арәхдәм. ‘Когда я еду на оленьей упряжке, всегда пою песню’;

Тӧт **вӧл=м=ул сохит** панә қуда нык мәнәт. ‘Когда там жили, и (вот) они выехали ловить рыбу (букв. к рыбе выехали)’;

Лопканам **мән=т=а пәнты / йӧты** ӑаӑ вӧйа! ‘Когда пойдешь в магазин, заодно купи хлеб!’;

Мән=м=ал пәтәнә қәдәнтәхәл, мӑв сир сӑй сӧвәл. ‘Когда пришел (на место), прислушивается, какой-то звук слышится’.

Выражение предшествования (действие, обозначенное причастием, происходит раньше действия, которое выражено финитным глаголом):

Ма, **ӧнәлтәхәл=т=ам пырнә** вӧлтә маӑамнам рәпитләтәхә мәнләм. ‘После моей учебы я поеду работать на родину’;

ӧнәлтәхәлтә вӧрәм **тәрәм=тә пырнә** шкәланә рәпитләдәм. ‘После того как я закончу учебу, буду работать в школе’;

Ма импэм **ылд йүр=м=ам пырнэ**, вэдидам ти илдэ лосхэлтадам. ‘После того как я привязал мою собаку, я распряг моих оленей’.

Выражение следования (действие, обозначенное причастием, происходит позже, чем действие, выраженное финитным глаголом):

Кэшка **ли=т=ал илпинэ** антэ лөвитэхэл. ‘Кошка, перед тем как кушать, не умывается’;

Алдинт=т=ал илпинэ, молэпси нум пэлкада лёмат. ‘Перед тем как лечь, малицу на верхнюю часть (тела) одел’.

Выражение начала и завершения действия:

Ма вөнтнам **мэн=т=ам унэлта**, вэди сура антэ пэ майнтақинтэхлэм. ‘С тех пор как я пошел в лес, не столкнулся с оленьим стадом’;

Эй ики **сәма пит=м=ал унэлта** пукләң антэ төй. ‘Один мужчина с самого рождения пупка не имел’;

Нәң тәт вәдитәх, йох **йөвәт=тә мөчә!** ‘Оставайтесь (будьте) здесь до прихода/приезда людей’;

Түдәха **пит=тә мөчә**, төхләң войхәт сар морты маҳнам пөрәхләдәт. ‘До начала зимы птицы улетают на юг’;

Ма нөк **вәрәхлә=т=ам мөчәха**, өпэм йәңкат йәңқиләл. ‘До того как я проснусь, моя старшая сестра ходит за водой’;

Ма нөк **вәрәхлә=м=ам пәтә мөчә**, өпэм йәңкат йәңк. ‘Перед тем как я проснулся, моя старшая сестра сходила за водой’.

Выражение причины и цели:

Ләк пәтана ти йөвәтләң ит, наңк йук қөри **илд көс=әм пәтан**. ‘Здесь конец твоей дороги, из-за того что сломал деревянный образ из лиственницы’;

Эйна най **үл=т=а пәтан** пөм сәвәләта ура антэ йәл! ‘Ничего с твоей косичкой не случится, если один раз разведешь огонь!’;

Ма йдэ дитёт **ди=т=ам пэтан**, сэхэт вэйэм. ‘Я просто так покориться хотел, поэтому налимов брал’;

Ма **ву=т=ам пэтан** йастадэм. ‘Я с уверенностью это говорю’;

Пасипа мант **вох=т=а пэтан**. ‘Спасибо за твое приглашение’;

Вэди антэ төппэ һавил **ди=тэ пэтан** тайди. ‘Они держат оленей не только для того, чтобы есть их мясо’;

Йэйилнат **һул, ву=тэ пэтан**, Миша вочнам мэн. ‘Миша поехал в город, чтобы встретиться со своим старшим братом’;

Нүн мүвали вэрмин тэт ёлдэн? ‘Ты что делаешь здесь лежишь?’ Бэнэ, тэнэ, ма тэм войэк кэнччэхэ, қул кэнччэхэ **мэн=м=ам пэтэнэ**. ‘Вот я так и так, я здесь, так как ходил охотиться и рыбачить’;

Миша йуха қуңэт, қёққанам **дэйэл=тэ кича**. ‘Миша поднялся на дерево, чтобы видеть дальше’.

Выражение обстоятельства образа действия и состояния:

Вёр=т=ам сохит вэрэ! ‘Сделай так, как я делаю!’;

Сарпинэ **вёл=м=ав сохит** вёлдув. ‘Живем по-прежнему’;

Бу ими қота йёват, ту иминэ **парт=м=ал сохит**, ту сундукэл дэпэн ванч ёвтыя нёқ пихэттэх. ‘К дому женщины-хозяйки пришла, по её велению сундук на крышу сеней поставила’.

Выражение подобия:

Ма вёнтнам **мэн=т=ам иты**, нүн пэ мэна. ‘Как я пошел в лес, ты также иди’;

Ма қуйа айэм-китэмхэ **мэн=м=ам иты**, нүн төвэнэ ал мэна. ‘Как я вышла замуж в молодом возрасте, ты так не выходи’;

Омэс=т=ал иты омэсл. ‘Как сидел, так и сидит’;

Энэл пэлэк қантэх йоҳ **вёл=тэ иты** ти вёлдув. ‘Как большая часть хантыйского народа, так живем’.

Выражение сравнения:

Ма кӧчхам сар **вӑл=м=ал, киъѡа** йӑмхӑ йӑл. ‘Мой нож станет лучше, чем он был раньше’;

Йах вици качдал, вӑлдӑт ар тайтахӑ, **ит тай=тӑ киъѡа**. ‘Люди всегда хотят иметь больше, чем сейчас имеют’;

Нӱн моӧъ **моӧѡ=ѡӑ киъѡа** ай мӑтди нӑ ѡн моӧъ моӧѡѡӑ кӧл ӑнтӑ вул. ‘Как ты сказку рассказываешь, никто не умеет так рассказывать’.

Выражение иных обстоятельственных отношений:

Нӱн **ӧналтӑхӑл=тӑ йӱкан** вӑх вӑдӑн? ‘Ты стипендию получаешь? (букв. Ты за учебу деньги берешь?)’;

Мӑта тын **мӑн=тӑ йӱкан?** ‘Сколько проезд стоит? (букв. Какая цена за проезд?)’;

Ыдӑ айдинт=ыл, мӑвӑдат, нӑврӑмӑт телевизор дӑйӑлдӑт. ‘Вместо того чтобы лечь спать, дети смотрят телевизор’.

г) функция сказуемого

В северных диалектах хантыйского языка причастие выступает и в функции сказуемого, в форме наклонения неочевидного действия. В сургутском диалекте причастия встречаются в конце предложения только в песенном фольклоре (см. 6), но не в разговорном языке. Для выражения значения ‘оказывается’ в сургутском диалекте употребляется конструкция «причастие + личный суффикс + послелог *тохи*». Интересным образом она встречается в конце предложения, т. е. занимает место сказуемого:

Ма айна литӑ пулӑли ӧс ѡт **вӑл=т=ал, тохи**. ‘Здесь есть для меня съедобный кусочек, оказывается’;

Бу ими кунтынтӑ **кил=м=ал, тохи**. ‘Бабушка встала уже давно, оказывается’;

Кӧв арӑх, кӧв моӧъ ӑнтӑ **тув=м=а тохи!** ‘Ты не принес длинную песню, длинную сказку, оказывается’.

3.3.3. Деепричастие

К основам глагола, которые оканчиваются на согласный, суффикс деепричастия =мин присоединяется непосредственно: *мән=мин* ‘ходя’, *вәл=мин* ‘живя’, *кәнч=мин* ‘ища’, *лив=мин* ‘кушая’, *вәй=мин* ‘убирая’ и т. д.

Показатель деепричастия аналогично присоединяется и к глагольным основам на -ә: *йастә=мин* ‘говоря’, *пыхәртә=мин* ‘помогая’.

Если в конце основы стоят гласные -и/ы, то перед суффиксом деепричастия добавляется -йә-: *тыны-йә=мин* ‘продавая’, *пыри-йә=мин* ‘спрашивая’.

Деепричастие не способно присоединять личные и падежные суффиксы, но в роли сказуемого принимает показатели числа.

Функции деепричастия в предложении:

а) обстоятельство образа действия и состояния

Абәм кул кәнч=мин вәлл. ‘Мой отец живет рыбака’;

Кәлхәс вәләм латнә, ма рәшитлә=мин вәләм. ‘Пока был колхоз, я в колхозе работала’;

Пәткахлә=мин өвпи қонәңа вәңқ вәрләмән. ‘Быстро (спеша) выкопаем рядом с дверью яму’;

Ма ваңк=мин йәңқилләм. ‘Я ползком хожу’;

Ими йимәл=мин йәқә дәң. ‘Женщина вошла с покрытым лицом’;

Нүн дәхәл=мин мәнлән, ма кјрат. ‘Ты полетишь (идешь, летая), а я пешком (иду ногами)’;

б) обстоятельство времени (одновременное действие)

Лүк кәв чүк аныйә=мин сөчиталнә, әй латнә сәсәх ылпина һәймәл, кәв ләһәт=мин. ‘Глухарь, мелкие камешки собирая, рассказывает, однажды под слопцом разговаривает, камешки считая’;

Қор **див=мин** тэм, пөм **див=мин** льольәл, қосқала-пөмқала **қын=мин** льольәл. ‘Бык стоя, траву щипая, передними ногами трилистник копая, на одном месте стоял (был)’.

Поскольку к деепричастиям невозможно присоединить показатель лица, то они употребляются в предложениях, в которых субъект финитного глагола совпадает с агенсом инфинитива, например:

Қота **дәһ=мин**, ма **тәэби ййахтэм**. ‘Входя в дом (когда я вошел в дом), я увидел бабушку’.

Однако встречаются и предложения, в которых агенс инфинитива не совпадает с субъектом действия, т. е. подлежащим предложения. В этих случаях агенс маркирован суффиксом местного падежа, например:

Ай **нэврэмәт айнам кар нөрапхә йәхәт**, **войхәт=нә пөр=мин**, **йөңқәр=мин**. ‘Маленькие дети все в коростах, искусаны, изгрызаны зверьми’;

в) сказуемое:

Тэм **ныпэка қәйнч=мин**, нүң **лүв әвил вәдән**, **вөңкә йәдән**. ‘В записке написано, что ты женишься на его дочери и будешь ему зятем’.

По правилам сказуемое и подлежащее согласуются в числе (см. 4.7). Если деепричастие в предложении выполняет роль сказуемого, к нему добавляется показатель числа, который соответствует числу подлежащего:

Пәсан литәтат олтәх=мин. ‘Стол накрыт’;

Пәсанәт литәтат олтәх=мин=әт. ‘Столы накрыты’;

Кат пәсанхән литәтат олтәх=мин=хән. ‘Два стола накрыты’.

3.3.4. Причастие отрицания

Суффикс причастия отрицания =дәх омонимичен суффиксу лишительного падежа =дәх и словообразующему суффиксу =дәх, который образует прилагательные от

существительных (*сәм=ләх* 'слепой', см. 3.1.1.2 и 3.1.2.3.2.9). Это явление характерно для многих финно-угорских языков.

Суффикс причастия отрицания =*ләх* присоединяется непосредственно к основе глагола: *мән=ләх* 'не ходя', *вәл=ләх* 'не живя', *кәнч=ләх* 'не ища', *йастә=ләх* 'не говоря', *пыхәртә=ләх* 'не помогая', *тыны=ләх*, 'не продавая', *пыри=ләх* 'не спрашивая' и т. д.

У глаголов, имеющих две основы, суффикс причастия отрицания присоединяется к основе на гласный: *ли=ләх* 'не кушая', *ву=ләх* 'не зная' и т. д.

Отрицательные причастия могут иметь личные и падежные суффиксы, но их использование более ограничено, чем у причастий настоящего и прошедшего времени.

Причастия отрицания в предложении имеют функции:

а) определения:

көднам қәдәнтә=ләх *нәврәмхән* 'два непослушных ребенка';

Сәмнат ву=ләх *әтә*, *пәднат қәл=ләх* *әтә мәдән қунтә*, *рытә-лунә вәт нопәтди*. 'Если отдашь то, чего ты глазами не видишь, чего ты ушами не слышишь, тебе течением принесет и лодку, и весло';

Вөнт қөвди мәнәт, *йух* *льоль=льәх*, *пәм* *льоль=льәх* *нөрмәтнә*. 'По урману проехали, [затем] по болотам без деревьев, без травы поехали';

Атам ләв вуйшл=ләх *қылдән йөвәт*. 'Плохого мира не ведающий племянничек твой пришел';

б) обстоятельства состояния:

Қәнтәк қә ву=ләх *әдал*. 'Человек лежит без сознания';

Йонтәқсә=ләх *омәстаннә сәқа әтхә әнтә йәл*. 'Если шить не будешь, твоя шуба не будет готова (букв. Без твоего действия шить, твоя шуба не превратится в вещь, предмет)';

Рөпитлә=ләх *литөт дуда әнтә йөвәтл*. 'Без работы еда до рта не дойдет';

Наташа мәнатынат йәмулмәксә=ләх вочнам мән.
'Наташа поехала в город, не простившись с нами'.

То же самое значение можно выразить с помощью отрицательной частицы и деепричастия:

Наташа мәнатынат әнтә йәмулмәксә=мин вочнам мән.
'Наташа поехала в город, не простившись с нами';

в) обстоятельства времени в значении 'перед тем как, до того как':

Обстоятельство выражает следование (действие, обозначенное причастием, происходит позже, чем действие, выраженное финитным глаголом).

Причастие способно присоединять личный суффикс, который указывает на субъект действия, и суффикс местного падежа =нә:

Ма нёқ кил=ләх=ам=нә... 'Перед тем как я встал...';

Нүң сәма пит=ләх=ан=нә... 'До твоего рождения...';

Мән=ләх=ам=нә йёвәтл. 'Он приходит прежде, чем я уйду';

Вәл=ләх=ил=нә йёвтув. 'Мы пришли, когда они не были там';

Ма вөнтнам мән=ләх=ам=нә, ар дивнәс дивәтәләм.
'Прежде чем пойти в лес, я готовлю много еды'.

В страдательной конструкции причастие отрицания не присоединяет ни личный показатель, ни суффикс местного падежа, например:

Аңкилднә моңьәт моңьь=ләх, ньэврэм әнтә вёйәттәли.
'Пока мама не расскажет сказку, ребенок не засыпает'.

Причастие отрицания выступает и в качестве зависимого глагола *йә=та* в значении 'перестать быть/делать что-нибудь':

Әсэх қәнтәх йоҳ айнам вәл=ләх йәхәт. 'Старые люди все уже перестали жить';

Өй мата датнэ войэк-қул **вӱл=лӱх йӱх**. ‘И вот как-то раз рыбу-зверя добывать перестал’.

3.3.5. Синонимичные конструкции с нефинитными формами глагола

В языке существуют различные конструкции, выражающие одно и то же значение. В них могут использоваться не только причастия настоящего и прошедшего времени, но и инфинитивы, деепричастия и причастия отрицания. С нефинитными формами глагола могут употребляться падежные форманты, послелого, однако возможны и сложные предложения, в которых вместо нефинитных форм используются два финитных глагола. Русское предложение ‘Входя в дом, я увидел бабушку’ можно перевести на сургутский диалект:

– с помощью деепричастия:

Қота лӱн=мин, ма тэти йӱхтэм.

– с помощью падежного суффикса =а:

Ма қота лӱн=м=ам=а, тэти йӱхтэм.

– с помощью послелогов:

Ма қота лӱн=м=ам датнэ, тэти йӱхтэм.

Ма қота лӱн=м=ам сохит, тэти йӱхтэм.

– с помощью двух финитных глаголов:

Қунтэ ма қота лӱн=эм, тэти йӱхтэ=м.

Русское предложение ‘Когда Миша вошел в дом, Маша вышла’ можно перевести на сургутский диалект:

– с помощью падежного суффикса =нэ:

Миша йӱқэ лӱн=м=ал=нэ, Маша кэм ливэт.

– с помощью послелога:

Миша йӱқэ лӱн=эм датнэ, Маша кэм ливэт.

– с помощью двух финитных глаголов:

Қунтэ Миша йӱқэ лӱн, Маша кэм ливэт.

Русское предложение 'Перед тем как он входил в дом, он снимал шляпу' можно перевести на сургутский диалект:

– с помощью послелогов:

Җота лӗӗ=т=ал сарпинӗ, лӗӗв мил вици илӗ вӗйӗх.

Җота лӗӗ=т=ал илпинӗ, лӗӗв мил вици илӗ вӗйӗх.

Җота лӗӗ=тӗ сарпинӗ, лӗӗв мил вици илӗ вӗйӗх.

Җота лӗӗ=тӗ сарнӗ, лӗӗв мил вици илӗ вӗйӗх.

– с помощью причастия отрицания:

Җота лӗӗ=лӗх=ал=нӗ, лӗӗв мил вици илӗ вӗйӗх.

Җота лӗӗ=лӗх=нӗ, лӗӗв мил вици илӗ вӗйӗх.

С придаточными цели также употребляется несколько вариантов. Например, русское предложение 'Миша поехал в город встретиться со своим старшим братом' можно переводить на язык сургутских ханты:

– с помощью инфинитива:

*Миша вочнам мӗн, йӗйилнат ньул **ву=таӗх**.*

– с помощью падежного форманта =ат и личного суффикса:

*Йӗйилнат ньул **ву=т=ал=ат**, Миша вочнам мӗн.*

– с помощью падежного форманта =ат без личного суффикса:

*Миша йӗйилнат ньул **вутӗ-х=ат** вочнам мӗн.*

– с помощью послелогов:

*Йӗйилнат ньул **ву=тӗ пӗтан**, Миша вочнам мӗн.*

*Йӗйилнат ньул **ву=тӗ кича**, Миша вочнам мӗн.*

3.4. Наречия

Наречие – это часть речи, обозначающая признак действия или качества. Наречия не спрягаются, не склоняются, к ним не присоединяются личные суффиксы. Однако некоторые наречия, образованные от существительных, всё же имеют падежные суффиксы, но в застывшей форме. Они представляют собой сочетание существующих падежных формантов (например, =нӗ, =а, =нам, =хӗ) и суффиксов,

которые в современном языке считаются архаичными и непродуктивными (=лта).

3.4.1. Разряды наречий по семантике

В сургутском диалекте наречия представлены следующими семантическими разрядами:

а) наречия места

Серийные наречия отвечают на вопросы *көттү* 'где', *көлдүм* 'куда', *көль сохит* 'откуда':

сарна 'впереди', *сара*, *сарнам* 'вперед, дальше', *саралта* 'спереди';

илнэ 'впереди, вдалеке', *илнам* 'вперед, дальше', *илта* 'спереди, издалека';

ылнэ 'внизу', *ылнам* 'вниз', *ылта* 'снизу';

кэмэн 'снаружи, на улице', *кэмнам* 'наружу, на улицу', *кэмалта* 'снаружи, с улицы';

нөмэн 'вверх', *нөкнам* 'наверх', *нөмалта* 'сверху';

пырнэ 'позади', *пырнам* 'назад', *пыралта* 'сзади';

пэрхинэ 'позади', *пэрхинам* 'назад';

ййкэн 'в помещении, внутри', *ййкэ(нам)* 'домой, внутрь помещения'.

Другие наречия места:

вэли 'мимо', например: *Мэң дори вэли мэнув.* 'Мы мимо озера проехали';

майчэ 'напрямик дальше, мимо', *чэймэ* 'прямо, напрямик', *көт-көт* 'местами, редко';

намэн 'на берегу (спиной к суше), у входа чума/дома', *вуттан/уттан* 'на берегу (спиной к водоему), в задней части дома';

кэмэтхи 'плашмя, налево (направление)', *көнтхи* 'навзничь, направо (направление)';

пөңалэ 'набок', *чэймаккэ* 'поперёк', *ваннэ* 'близко', *көвэн*, *көвэннэ* 'далеко';

б) наречия времени:

ит ‘теперь’, *инэ* ‘только что’, *мáрэ* ‘долго’, *итпэ* ‘далее’, *вичэ/вичи* ‘всегда’, *вичипэ* ‘всегда, постоянно’, *эй нёрхэ* ‘постоянно’, *эйсённа* ‘всё время, постоянно’, *ван кўтэл* ‘часто’, *мунт* ‘раньше’, *кёлтахил/ кёлтохил* ‘завтра’, *молқятэл* ‘вчера’, *йёвин* ‘ночью’, *кёван* ‘давно’, *кёван энта* ‘недавно’, *кёвилта* ‘скоро’;

в) наречия образа действия:

сорха ‘быстро’, *ьятэликкэ* ‘медленно’, *йэмнам* ‘напрасно, зря, просто так’, *чáмэ кўрэмнэ* ‘вдруг, неожиданно, внезапно’, *мустэмин* ‘как следует, упорядоченно’, *йэмхэ* ‘хорошо’, *атэмхэ* ‘плохо’, *атылнам* ‘в одиночестве’, *эйқа* ‘вместе’, *төп-төп* ‘еле-еле’, *сáрэ* ‘крепко’, *нáмин* ‘намеренно, нарочно, назло’, *кўрат* ‘пешком’, *ьямрэхан* ‘полностью’, *áлэ/áдэ* ‘просто’, *нёрэкқэ* ‘прямо’, *эйнам* ‘совсем’, *тэрмахэ* ‘совсем, окончательно’.

Наречия, как и прилагательные, образуют степени сравнения. Если необходимо обозначить незначительное различие, то употребляется суффикс =чэк:

ванхэ=чэк ‘поближе’, *кёван=чэк* ‘подальше’, *ьятхэ=чэк* ‘помедленнее’, *áйэлта=чэк* ‘осторожнее, полегоньку’ и т. д.

Превосходная степень наречий образуется с помощью частиц *мата* ‘больше всего’, *йэма* ‘очень’, например:

сорха мата ‘очень быстро/быстрее всего’, *йэма сўйэңкэ* ‘очень громко’.

Основы некоторых наречий омонимичны основам послелогов и превербов. Отличить их друг от друга возможно только с помощью синтаксического анализа. Ср.:

Наречие:

Нўн сарэлта мэна, ма пырнэ йўдэм. ‘Ты иди спереди, я приду потом/позже’;

Ит вэлэ кочэх йёта алтахэ йэх. ‘Ведь он уже и нож носить стал с собой’;

Пырна айвойхали **йѳта** йѳқа тувтәх, нухдәда. ‘В конце концов маленькую птичку он отнес с собой домой, в свою деревню’;

Лүв қутәди **кэмнам** нүрәхтәх. ‘Он выскочил из своего дома на улицу’;

Льальқә **қаймаққә** воц қона суч. ‘Солдат к городскому вождю напрямую пошёл’.

Послелог:

Нүң мәна, **вут пырна** ма йүдәм. ‘Ты иди, после того я пойду’;

Бу вэлит әй пәлкәд, арит әйнам **дин йѳтын** йүват. ‘Половина оленей того края за ними пошла’;

Ньүки қот мувты йасңәт-көдәт қудат. ‘За стенкой чума (букв. сквозь чум) разговор слышен’;

Кәк қот қаймаққә мувты кәлтә кәв нәрәд, дәққинт ‘напротив каменного дома хрустальный мост появился’.

Преверб:

Лүв **кэм** ливәт. ‘Он вышел’;

Ма пѳчам вотнә **мувты пѳвди**. ‘Мою спину ветер насквозь продувает’.

3.4.2. Синтаксические функции наречий

Наречия в предложении выполняют функции обстоятельства времени, места, состояния и образа действия:

Қблтахил мәң воцнам мәнлүв. ‘Завтра мы поедем в город’;

Лүв кэм күч ливәт, **кэмән** пәтәхдәм. ‘Он вышел, на улице темно’;

Йәмхә вәлдүв. ‘Живем хорошо’;

Айәлтачәк ньәвмитәх. ‘Говорите тише’;

Ньэврэм-рохәп, **нәмин** йәнтәхтә өтәт архә тәхәл. ‘Ребенок-безобразник, нарочно игрушки раскидывает’;

Встречаются предложения с наречиями, в которых в настоящем времени опущено сказуемое со значением «быть, находиться». В этих случаях по правилам согласования к наречию прибавляется показатель числа, соответствующий числу подлежащего, например:

Дүв кэмэн. 'Он на улице';

Лын кэмэн=хэн. 'Они двое на улице';

Дэх кэмэн=эт. 'Они на улице'.

3.4.3. Местоименные наречия

Согласно некоторым грамматикам, к разряду наречий относятся и местоимения, замещающие наречия. Мы рассматривали эту группу слов в разделе местоимений (3.1.5), но здесь их только перечислим:

а) указательные местоименные наречия:

таҳнам 'сюда', *тёвнам/тонам* 'туда', *тэт* 'здесь', *тёт* 'там' (в позиции сказуемого: *тэтты* 'есть здесь', *тётты* 'есть там', *тэттыт* 'они здесь (мн. ч.)', *вэлилта/ вэтылта*, *вэлта* 'отсюда', *тёл сохит* 'оттуда, так', *вэнэ* 'таким образом', *тёвэнэ* 'таким образом', *вэким* 'так, до такой степени' (при указании близости), *вуким* 'так, до такой степени' (при указании дистанции), *па сённам па* 'туда и сюда', *таҳнам-тонам* 'хаотично, беспорядочно';

б) вопросительные местоименные наречия:

мүват 'почему', *мүв тохи* 'как, почему', *мүв урнэ* 'каким способом', *кэтты* 'где', *кёлнам* 'куда', *кэль сохит*, *кэльба* 'откуда', *кёлнэ* 'как', *кунтэ* 'когда', *кёллат* 'куда-нибудь', *кёллатты(нам)* 'куда-то', *кёллаттынэ* 'где-то';

в) неопределённые местоименные наречия:

мата тохинэ 'где-то, в каком-нибудь месте', *мата сённам* 'куда-то, в какое-нибудь направление', *мата сохит* 'откуда-то', *мата урнэ* 'как-то, каким-нибудь образом'.

3.5. Служебные слова

Служебные слова – это слова, которые не употребляются в предложении самостоятельно. Они служат для выражения различных семантических и синтаксических отношений, а также для обозначения разных оттенков субъективной модальности. В сургутском диалекте в группу служебных слов входят послелого, превербы, союзы и частицы. В некоторых случаях провести границу между этими разрядами бывает сложно.

3.5.1. Послелого

Послелого являются служебными словами, указывающими на синтаксические отношения между именами и другими словами в предложении. Послеложные конструкции выполняют такую же роль, как и словоформы с падежными аффиксами. Морфосинтаксические функции хантыйских послелогов соответствуют назначению русских предлогов, но в отличие от последних располагаются после знаменательных слов.

Синтаксической особенностью хантыйских послелогов является то, что имя или местоимение, связанное с послелогом, всегда находится в форме основного падежа. В русском же языке предлоги употребляются лишь со словами в косвенных падежах.

Послелого присоединяются к существительным, местоимениям, причастиям (конструкции «причастие + послелог» рассматривались выше, см. 3.3.2.3), реже к числительным. Послеложные конструкции служат для выражения местных, временных и других обстоятельственных значений.

По структуре послелого делятся на три группы:

а) послелого без падежных суффиксов: *иты* ‘как, в качестве чего-либо’;

б) послелогои, содержащие падежные суффиксы: *куъән=на* ‘около’ – *куъән* ‘пространство возле чего-либо’;

в) сложные послелогои, вторым компонентом которых является элемент *=ни*, например, *лэх* ‘внутренняя часть’ – *лэхни* ‘внутренность’, *қот лэхпинә* ‘внутри дома, в доме’.

Если послелогои присоединяются к личным местоимениям, они принимают и притяжательные суффиксы, которые согласуются с лицом и числом личных местоимений, например: *ма куън=эм=а* ‘ко мне’, *нүн кича-х=э* ‘для тебя’, *мәң күт=ыв=на* ‘мы между собой’, *ма үрәкк=ам* ‘кроме меня’ и т. д.

3.5.1.1. Функции послеложных конструкций в предложении

В сургутском диалекте послеложные конструкции выполняют следующие функции:

а) обстоятельства места

Серийные послелогои

В составе некоторых послелогов можно выделить падежные суффиксы *=на*, *=а*, *=нам* *=и*. Конструкции, образованные с этими послелогоами, отвечают на вопросы *қәтты* ‘где’, *қәлнам* ‘куда’, *қәль сохит* ‘откуда’.

өвтынә ‘на чём-либо’, *өвтыйа* ‘на что-либо’, *өвтынам* ‘в направлении поверхности чего-либо’, *өвтыйи* ‘от поверхности чего-либо’, например: *әвәл өвтынә* ‘на санях’, *ләпәң вәңч өвтыйа* ‘на крышу сеней’, *кәр өвтыйи* ‘от/с печи’ (от *өвты* ‘поверхность чего-либо’);

қонәңнә ‘у, рядом, около’, например: *өвни қонәңнә* ‘рядом с дверью, у двери’, *қот қонәңә* ‘к дому’, *қот қонәңнам* ‘в направлении к дому’ (от *қонәң* ‘берег’);

уләңнә ‘на месте рядом, возле чего-то’, *уләңә* ‘точное направление на место рядом, возле чего-то’, *уләңнам* ‘общее направление на место рядом, возле чего-то’, *уләңи* ‘от места

рядом, возле чего-то'. Например: *йсам улн=ан=а ымтэ* 'положи его возле подушки своей' (от слова *улн* 'рядом с краем чего-либо, рядом с концом чего-либо');

кубәннә, кубәнә 'у, при, рядом, к, возле', например: *өлэв кубәннә* 'у нашей старшей сестры', *мән кубәнэвнә* 'у нас', *лүк кубәнилнә* 'у него', *кубәнилә умәттәх* 'он положил его рядом с собой';

ййчәнә, ййчәха, ййчәхнам, ййчәхи 'в середине, в середине, в направлении середины, с середины', например: *лор ййчәнә* 'в середине озера', *лэк ййчәха* 'посреди дороги';

пәтәнә, пәтәха, пәтәхнам, пәтәхи 'в конце, в конец, в направлении конца, с конца', например: *лэк пәтәнә* 'в конце дороги', *лэк пәтәнам* 'к концу дороги', *лэк пәтәхи* 'от конца дороги';

сайнә, сайа, сайнам, сайи 'позади/ сзади чего-либо', например: *йух сайа* 'за дерево' *йух сайнә* 'за деревом', *йух сайи* 'из-за дерева';

сайпинә, сайпийа, сайпинам, сайпийи 'позади/сзади, из-за чего-либо', например: *қот сайпинә* 'за домом', *қот сайпийи* 'из-за дома', *йух сайпийа лүльәттәх* 'он встал за дерево' (от *сайи*- 'место позади чего-то');

ылпинә, ылпийа, ылпинам, ылпийи 'под чем-либо, из-под чего-либо', например: *пәсан ылпинә* 'под столом', *пәсан ылпийа* 'под стол', *пәсан ылпийи* 'из-под стола' (от *ылпи*- 'место под чем-либо');

илпинә, илпийа, илпийи 'перед', например: *қот илпинә* 'перед домом', *иттән вәс илпийа лүльәттәх* 'он встал перед окном', *қот илпийи нүрәхтәх* 'он побежал от дома' (от *илпи*- 'место перед чем-то');

ләхпинә, ләхпийа, ләхпийи 'в, из', например: *пут ләхпинә* 'в котле' (от *ләхпи*- 'место внутри чего-либо');

кимпинә, кимпийа, кимпинам, кимпийи ‘в, на, наружу’, например: *Ыттән вәс кимпинә вот сүй сәвәл*. ‘За окном шум ветра слышится.’;

әннә, әнтнам/әнта, әнты ‘в, из’, например: *вәнт әнтнә* ‘в лесу’, *йух әнтнам* ‘в лес’ *вәнт әнты* ‘из леса’ (от *әнт*- ‘место внутри чего-либо’);

тәмпина, тәмпийа, тәмпинам, тәмпийи ‘там, по ту сторону’, например: *йәвән тәмпина* ‘на том берегу реки’, *дор тәмпийа* ‘на ту сторону озера’, *дор тәмпина* ‘за озером’.

Несерийные послелогии

ныңктә= ‘от’ (сочетается только с личными местоимениями): *дүв ныңктыл* ‘от него’, *ма ныңктәм* ‘от меня’, *нын ныңктын* ‘от нас двоих’, *дәх ныңктыл* ‘от них многих’;

қәвит ‘вдоль’, например: *тәу ләк қәвит мәнә* ‘иди по той дороге’, *йықи қәвит* ‘вдоль таёжной речки’;

улты/үлты ‘через’, например: *Ас улты* ‘через Обь’, *йәвән үлты* ‘через реку’;

мувты ‘сквозь’, например: *нүки қот мувты йасңәт-көдәт қудат* ‘за стенкой чума (букв. сквозь чум) разговор слышен’;

мәхәлты ‘вокруг’, например: *йух мәхәлты* ‘вокруг дерева’;

күт- ‘среди, между’, например: *әнчәт күтнә* ‘среди сосен’, *нәң күтыннә* ‘вы между собой’ *амп мәқәт күты* ‘из щенков’;

мәчә ‘до’, например: *тәрам вәх мәчә* ‘до небесной сферы’, *әнәл воч мәчә* ‘до большого города’;

пәтә мәчә ‘до’, например: *Ут пухәл пәтә мәчә қәлха лапәт йәң әтәп*. ‘До стойбища ещё семьдесят километров’;

пыри ‘за’, например: *вәлит пыри* ‘за оленями/ по следу оленей’;

ивәл ‘из, с’, например: *наңк пәләк ивәл* ‘из одной части лиственницы’, *вәнт ивәл* ‘из леса’;

йиѳа ‘против’, например: *ѳв йиѳа* ‘против течения’, *Амп ма йиѳаѳэм қөвэлд*. ‘Собака навстречу мне бежит’;

ѳямәққә/ѳямаққә ‘напротив’, например: *қот ѳямәққә йѳвәт* ‘он пришел прямо к дому’.

б) обстоятельство времени:

мәрә ‘во время, долго’, например: *түдәх мәрә* ‘зимой, в течение зимы’, *дапәт ат-қәтәл мәрә* ‘семь дней и семь ночей’;

датнә ‘ко времени, во время’, например: *әй мәта датнә* ‘однажды’, *ѳу датнә* ‘в то время, тогда’;

унәлта ‘с (того времени), ‘от (какого-либо предмета)’ *иттән унәлта* ‘с вечера’, *ләк унәлта ньэврәм йисәл* ‘от дороги (проезжая) ребёнок плачет’.

Некоторые послелогои выражают и место, и время:

йыѳи қөвит ‘вдоль речки’, *нәптәл қөвит* ‘при своей жизни’;

йәвән тәмпинә ‘на том берегу реки’, *ар ол тәмпинә* ‘много лет тому назад’;

дәр йәцәнә ‘в середине озера’, *қәтәл йәцәнә* ‘в полдень’
вәрәп унәлта ревизор өтәт дәңәтл ‘от штанов (начиная) ревизор вещи считает’;

в) обстоятельство образа действия:

соѳит ‘по’, *тәл соѳит* ‘так’, *руѳ соѳит* ‘по-русски’;

урнә, урнам ‘по образу действий’, например: *мәта урнам* ‘как-нибудь’, *мүв урнә* ‘каким образом’;

иты ‘как’, например: *тәрәм иты әй атыл* ‘одинок, как бог’, *әнәл пәләк қәнтәх йоѳ иты* ‘как большая часть хантыйского народа’;

г) обстоятельство причины и цели:

пәтан, пәтанә ‘из-за, вследствие’, например: *Мүв вәр пәтанә тәхә йѳвәттән?* ‘Почему вы пришли?’; *Ма күйпам сәѳхә-кәѳхә сүйәл уц пәтан сәңкидәлэм*. ‘Я бы ударил в мой

бубен ради любопытства, его голос послушать'; нўн патахэ 'из-за (ради) тебя';

кича 'для, на', например: *ньэврэмэт кича* 'для детей', *ма кичахэм* 'для меня', *лѳн кича* 'на лето', *вэли най кича* 'для оленьего дымокура', *Аѳэм паспѳрт кича кѳрѳ вѳй*. 'Папа для паспорта сфотографировался';

д) обстоятельство с другими значениями:

йѳт- 'вместе, с, вслед за', например: *ма йѳтам* 'со мной', *нын йѳтын* 'с вами обоими'; *мѳни ѳпил йѳта кѳвѳлд* 'братишка вслед за сестрой бежит', *войѳх кѳнчѳ кѳ йѳта мѳнта* 'выйти замуж за охотника';

киньѳа 'по сравнению, в сравнении с', например: *ма киньѳахэм вѳккѳн* 'сильнее, чем я', *сарпихѳ киньѳа йѳм ныцкѳ йѳх* 'она стала женщиной здоровее, чем раньше';

ѳрѳк- 'поверх, кроме', например: *ма ѳрѳккам* 'кроме меня', *йѳн ѳрѳккѳ ѳй* 'одинадцать' (кроме десяти один), *кѳлѳм сот ѳрѳккѳ* 'триста с лишним', *Лѳв тасѳлнѳ сот вэли ѳрѳккѳ*. 'У него в стаде больше ста оленей';

йѳкан 'вместо, за', например: *ѳвин йѳканы* 'за вашу дочку', *ньѳл йѳканат* 'вместо её носа', *вэлит йѳкан ѳвѳла ампѳт пѳлат* 'вместо оленей в нарты собак впрягли';

мѳвѳл 'вместо', например: *Нырѳт мѳвѳл вѳх пѳнѳ кѳчѳхты*. 'Вместо жердей проволоку натянули';

илты 'про, о': *мѳв илты* 'о чём', *ѳи илты* 'об этом', *ѳнки ньэврѳмлѳл илты нѳмѳксѳл* 'мама думает о своих детях'.

3.5.2. Превербы

В угорских языках (в хантыйском, мансийском и венгерском) широко распространено употребление превербов. В некоторых грамматиках рассматривается вопрос превербов в разделе словообразования, в других – конструкции с превербными считаются словосочетаниями, соответственно описывают их в разделе синтаксиса.

Превербы по большей части представляют собой укороченные формы наречий. Некоторые из них являются односложными и непроизводными, другие – производными, образованными посредством застывших либо продуктивных наречных суффиксов и падежных формантов.

Основная функция превербов заключается в указании направления (*нӧк* ‘вверх’, *ылдӧ* ‘вниз’, *илдӧ* ‘прочь’, *нык* ‘в сторону воды и очага’), но существует и превербы, выражающие интенсивность действия (*бӱк* ‘на смерть, совсем’, *тӧвӧ* ‘туда, совсем’). Встречаются случаи, когда семантика глагола с превербом полностью отличается от значения исходного глагола, например: *нӧк питта* ‘победить’ (букв. ‘вверх падать’) (см. 3.2.2.3).

В основном превербы занимают позицию непосредственно перед глаголом, но бывает, что преверб стоит после глагола или между ним и глаголом имеется частица (см. ниже).

Примеры глаголов с превербами:

тӧхӧ ‘сюда’: *тӧхӧ выхиттӧн* ‘позовите его/её сюда’, *тӧхӧ йӱва* ‘иди сюда’;

тӧвӧ ‘туда’: *тӧвӧ вухи* ‘его позвали туда’, *тӧк кӧрӧх* ‘он упал туда’; *тӧвӧ йӱслӧд* ‘он оставляет там’;

тохӧни ‘за, наизнанку’: *тохӧни кирӧхтӧта* ‘вывернуть наизнанку’; *тохӧни унча* ‘за речку переправляйся’;

кӧдӧтты ‘в ничто’: *сӱхӧснӧ пӧлмӧт кӧдӧтты мӧндӧт* ‘осенью оводы исчезают’, *бу нӧ кӧдӧтты мӧныпӧх* ‘женщина в тот же миг исчезла’;

илдӧ ‘прочь’: *илдӧ мӧрӧйӧл* ‘он разламывается’, *илдӧ йӱслӧд* ‘он отпускает’, *сӧм йӧнӧкӧд илдӧ мӧнӧттӧх* ‘он вытер свои слезы’;

ылдӧ ‘вниз’: *ылдӧ ымӧл* ‘он садился’, *ма ылдӧ йӱлӧнтӧдӧм* ‘я ложусь спать’, *пуни минат ылдӧ вӧлд* ‘медведь убьет нас’

двоих', *ма ыла қулмәхталәм* 'я переночую/ложусь спать', *ыла чэвийәмал датнә* 'когда его похоронили';

нөк 'вверх': *нөк кил* 'он встал', *нөк дил* 'он доедает', *нөк кәнчиқәда* 'отыщи их двоих' *нөк сур* 'он высушился', *нөк йонтта* 'сшить/зашить';

кэм(ә) 'наружу, на улицу': *кэмә нүрәхталәт* 'они выбегают', *кэмнам мәнтахә күч йәх* 'когда он стал выходить', *кэм қыға* 'останься на улице';

йәқә(нам) 'внутри в дом': *йәқә дәң* 'он вошел в дом', *йәқәнам мәнә* 'иди домой';

нык 'вниз к воде', 'в чуме в направлении входа/женской стороны, к очагу': *йәвән қонәңә нык мән* 'он спустился к берегу реки', *нык мавәтта* 'погрузить вершу под воду', *нык сөчиләх* 'он шел в чуме в направлении двери', *нык мөлта* 'положить продукты в котел';

утә/вутә 'из воды на берег', 'в чуме в направлении мужской стороны', 'от очага': *утә питта* 'выбраться на берег', *рыт утә катләксәх* 'лодка пристала к берегу', *дүв утә ымал* 'он сел на мужской стороне', *ими пут утә вәй* 'женщина сняла котел с очага';

архә 'в разные стороны': *архә китта* 'разгонять', *өвпи архә пәнта* 'широко распахнуть дверь';

мувты 'через, насквозь': *мувты мәнта* 'пройти через что-либо', *дәлдәңкән мувты руқәнхән* 'оба виска насквозь продырявились'; *тарәм йөмнә нүки мувты мәны* 'в ливень презент насквозь промок';

һул 'друг друга, вместе': *һул тәхтахә йәккән* 'они двое начали сражаться между собой', *һул йәхтәта* 'встретиться', *һул вута* 'познакомиться';

һык 'насмерть, совсем': *һык мәтта* 'устать очень', *һык мәнта* 'умереть (букв. совсем уйти)';

пәрхи 'назад, обратно': *пәрхи кирәхләх* 'он повернул/вернулся обратно', *пәрхи мәта* 'возвратить'.

Усилительная частица *ѳа* часто ведет себя как преверб. Находясь перед глаголом, она изменяет его акциональность: глаголы, обозначающие длительно-непрерывное, незавершенное действие становятся моментальными, приобретают значение начинательности или результативности, например: *ман* ‘он шел’, *ѳа ман* ‘он ушел’; *ѳота йѳват* ‘к дому он шел’, *ѳота ѳа йѳват* ‘он пришел к дому’.

Бывают случаи, когда преверб стоит после глагола: *йѳқанам мана/мана йѳқанам* ‘иди домой’.

Между превербом и глаголом часто появляется частица:

Кэм кјүч йѳват, ай мата вәр пә антэм. ‘Как он выходит – на улице ничего нет’;

Өс кэм антә мәнлүв. ‘Еще раз не выйдем’;

йѳқә ты ләң... ‘как он вошел...’;

Кут қө йѳқә ләңәт, ѳәқа утә әѳә ымләт. ‘Зашло шесть человек, и сели они тоже на мужские места’.

3.5.3. Союзы и союзные слова

Союзы – это служебные слова, которые связывают члены предложения или предложения. Функцию союзов, как особой части речи, выполняют и различные союзные слова. Некоторые из них относятся к разряду частиц, другие образованы из вопросительных местоимений. По своим функциям союзы и союзные слова делятся на сочинительные и подчинительные.

3.5.3.1. Сочинительные союзы и союзные слова

Сочинительные союзы делятся на несколько групп, и служат для выражения соединительной, противительной, уступительной и разделительной связей.

а) Выражение соединительной связи:

панә ‘и’

Союз *панэ* связывает как однородные члены, так и целые предложения:

Миша панэ Маша вочнам мәнхэн. ‘Миша и Маша поехали в город’;

Миша йәкә лән, панэ миләл ылә вәй. ‘Миша вошел в дом и снял свою шляпу’;

В устной речи союз *панэ* может стоять в начале предложения, после первого слова и даже в конце предложения:

Панэ ту мәнлән, мәнлән, тәм әй қота йөвәтлән. Бу қота панэ йәкә ләнә. ‘И пойдешь ты, пойдешь, к одному дому придешь. И войди туда, в тот дом’;

Панэ әй ту ликән қөвит пәрҳинам тәхнам йүва панэ. ‘По той же дороге обратно иди’;

өс ‘и, а’

Өс айпи пәх әй мәта қөра йөвәт. ‘А младший сын к какому-то безлесному болоту пришел’;

Ма үрәккам өс вәт майи тәйләм. ‘Кроме меня самого у меня есть и пять младших братьев’;

әвә ‘и, тоже’

Лүв ту Масай ики әвә ләхәр әнтә тәй. ‘Ведь у Масая ики тоже не было кольчуги’;

вицә/вици ‘тоже, также’

Нәмләх дөй вицә мосәл. ‘Безымянный палец тоже нужен’;

пә ‘и, тоже’

Пәңк кәчә, уңәл дөв пә кәчә. ‘Зуб болит, челюсть тоже болит’; *Нүн пә, ма пә лүваты рәхәм.* ‘И ты и я ему родственники’.

б) Выражение противительной и уступительной связи:

төп пә ‘только, но’

Йәңқа вәс! Төп пә ма кичәхэм әй күрәп ләпас вәра, өвәрхә. ‘Ну сходи же! Но построй мне лабаз на одном столбе, повыше’;

эъа арит ‘все-таки, всё равно, но’

Эъа арит сарнам мэта урнам ти вӓлдув. ‘Все-таки как-нибудь проживем дальше’;

Лӓв қонъал, **эъа арит** рөпитлэта йӓңқал. ‘Он больной, но на работу ходит’;

Мэтди лэвэтл, **эъа арит** лӓватыли пӓндӓксали. ‘Кто-то ругается, всё равно от него защищаешься’;

кӓч ‘хоть’

Рӓп войӓх **кӓч** ай, торӓс удты лӓхӓл. ‘Ласточка-береговушка хоть и мала, через море летит’.

Слова *өс, эъа, вицӓ, пӓ, тӓп пӓ* принадлежат к двум частям речи: в некоторых случаях они являются союзами, в других частицами (см. 3.5.4).

в) Выражение разделительной связи:

мӓв(э) ‘или’, **мӓв йӓнта** ‘или’, **мӓв энтӓ** ‘или нет’, **йӓнтақӓ пӓ** ‘или возможно’

Кит **мӓв** қӓдӓм вар тӓйӓл. ‘У него два или три запора’;

Би мӓн, мӓн, **мӓв йӓнта** қӓвӓпты мӓн, **мӓв йӓнта** ванӓпты мӓн, эй латнӓ тӓйқӓ ӓир нанқ тӓдӓм лӓка, ӓир қӓл тӓдӓм лӓка ти йӓвӓт. ‘Шел, шел, долго ли, коротко ли, к дороге вышел, из молодой лиственницы, молодой ели сколоченной’;

ӓӓнта ӓуладӓ вӓйтӓх **мӓв энтӓ**, сарнам ти мӓн. ‘Вынул он стрелу или нет, дальше пошел’;

Мӓттӓ, вӓнт лунқӓнӓ мӓта қӓ воҳди қунтӓ, йӓнқ удты, **йӓнтақӓ пӓ** дор удты, **мӓвӓ** йӓвӓн уц удты воҳди қунтӓ, тӓ қӓ мӓнӓл тӓ йӓвӓн удты. ‘Говорили, когда лесная богиня зовет мужчину с собой, через воду, через озеро ли, через речку ли, как посуху [мужчина] пройдет’;

вӓс ‘или’

Лӓв пырипӓх, суп панц **вӓс энтӓ**. ‘Он спрашивал, готов ли суп или нет’;

Лүв пырипэх, Миша мят вэс қоты йэх. ‘Он спрашивал, устал ли Миша или что случилось’;

Масай икинэ лүв анта көчэх, көчүи вэс мүвэли әә тәйи. ‘У Масай ики возможно нож, меч или что-нибудь было’.

3.5.3.2. Подчинительные союзы и союзные слова

В современном сургутском диалекте довольно часто встречаются сложные предложения с финитными глаголами. В сложноподчиненных предложениях союзные слова, образованные из вопросительных местоимений, находятся в начале придаточной части. В главном же предложении употребляются так называемые указательные слова, которые развивались из указательных местоимений.

Қунтэ Миша йәқә дән, Маша кэм ливәт. ‘Когда Миша вошел, Маша вышла’;

Қөйәхи ньудәл қөлдә көрхәл, панә бу тоқинә нә тә вәйитәх. ‘Чья стрела куда упадет, оттуда невесту и берите’;

Би қөдәм мәңк вәдәм қотәт, мүв тас-вәхәт тәйәт, мүв йәм вәх, сорњи вәх тәйәт, йәқә тәдидәт. ‘А в домах трех великанов, что было там богатства, денег, что было серебра, золота, всё домой перенесли’;

Мүв өт мосәл – бу өт ма мәдәм. ‘Что ему нужно – то я дам’;

Мүвәли мәхи йох дидәт – буминтат пәнли. ‘Хозяева кормили его тем, что сами ели’;

Мүв арит тас-вәх өйәхтәдәм, бу аритат нүнәт мәдәм. ‘Сколько я богатства, денег добуду, всё тебе отдам’;

Мәта сөңнам кичән вәлл, бу сөңнам кирәхләдән. ‘Куда (В какое направление) ты хочешь, туда (в то направление) ты поворачиваешься’;

Қунтә қәнтәк қө әнтәмхә йәл, әл мәна бу пәләкнам, қөднам бу қө тули. ‘Когда человек умирает, не уезжай в ту сторону, в которую человека повезут (хоронить)’.

В некоторых случаях союз в придаточном предложении отсутствует, имеется лишь указательное слово в главном предложении:

*Ма лекарнам **зутат** мэнэм, ухам кэчэ вёл.* ‘Я пошел к врачу потому, [что] у меня болела голова’;

*Йух ёнтнам мэнэт **би пэтан**, дэх йайқан вёлта дйңкдэт.* ‘Они поехали в лес потому, [что] они хотят жить дома’;

*Пиң маҳама **зутат** мэнтэ кичэм антэм, Пиң маҳ вёнт луңкнэ иңкри.* ‘На (свою) Пимскую землю потому идти не хочу, (что) Пимскую землю Лесная богиня прокляла’.

В сложносочиненных предложениях указательное слово *зутат* выступает уже как союз ‘поэтому’:

*Пай ай, **зутат** ван наймсэп.* ‘Мальчик маленький, поэтому легкомысленный’;

*Дув кунъ, **зутат** қёлха вёвлэх.* ‘Он болел, поэтому еще слабый’.

На одновременность действий или их непосредственное следование друг за другом указывает союз *күч* ‘когда, как’, который часто появляется между провербом и глаголом:

*Алэң нёқ **күч** вйрэхлэх, тэм мунт қёйахи литёт уч вйрэнтэх.* ‘Утром, как он просыпается, [видит:] кто-то уже раньше поесть приготовил.’

Условный союз также возник из вопросительного местоимения *кунтэ* ‘когда’, но его место в предложении при этом изменилось. В вопросительном предложении он стоит перед глаголом (*Кунтэ йёвэтлэн?* ‘Когда придёшь?’), в условном после него (*Йёвэтлэн кунтэ...* ‘Если придешь...’):

*Миша йайқэ дйңал **кунтэ**, Маша кэм ливэтл.* ‘Если Миша входит в дом, Маша выходит’;

*Мэттэ, вёнт луңкнэ мэта қө воҳди **кунтэ**, йэңк улты, йнтақэ пэ дор улты, мјвэ ййвэн уч улты воҳди **кунтэ**, тэ қө мэнэл тэ ййвэн улты.* ‘Говорили, когда лесная богиня зовет

мужчину с собой, через воду, через озеро ли, через речку ли, как посуху [мужчина] пройдет’.

Из частицы *ёләң* ‘хотя бы’ образовался целевой союз ‘чтобы’:

Тăвин тёхдăң войхат тэм маха нўм панă қятал алдат, ёләң йоққинлат антă тэрэм потмин. ‘Весной птицы приносят на эту землю тепло или солнце, чтобы люди не умирали от мороза’;

Тэми қоты йатамка ма ёләң йам ёләң? ‘Что же мне такое сделать, чтобы стало мне хорошо?’.

Союз *йла мата* ‘как будто’ выступает в придаточном сравнительном:

Пёвэр йла мата кётләх, кёчəх ылə рəхəттəтəх. ‘Повар как будто безрукий, нож уронил’;

Йамат йёмал, йла мата сўхəсхə йəх. ‘Сильно дождит, как будто осень наступила’.

В последнее время появились сложные предложения с союзами, имеющими русское происхождение, что является естественным в условии русско-хантыйского двуязычия:

а ‘а, но’:

Миша йакə дəң, а Маша кэм льивəт. ‘Миша вошел в дом, а Маша вышла из дома’;

Мол қятал Лена вочнам мəн, а тэм қятал йёвəт. ‘Вчера Лена поехала в город, но сегодня она уже возвратилась’;

пока:

Вэлит қотəт мəхəлды тў мэрə йəңқилдəт, пока мулэмат антă пəндат. ‘Олени ходят вокруг домов, пока дымокур не готов’;

чтобы:

Тўвəт мустəм сохит йухат пəнтəх, чтобы нэврэмал ал пүты. ‘Она хорошо разводила огонь, чтобы её ребенок не замерз’.

Вместе с тем необходимо упомянуть, что в традици-

онном сургутском предложении подчинение придаточной части происходит посредством использования конструкций с нефинитными формами глагола без помощи союзов.

Миша йайкэ дйҕ=м=ал=нэ Маша кэм ливэт. ‘Когда Миша вошел, Маша вышла’;

Ухам кэчэ вбл=м=ал=ат, ма лекарнам мэнэм. ‘Так как у меня болела голова, я пошел к врачу’;

Нэ чөнчэх кбчэхтэх, сбхэт ыхэт=тахэ. ‘Женщина натянула веревку, чтобы повесить белье’.

3.5.4. Частицы

Частицы – это служебные слова, которые не являются самостоятельными членами предложения и выражают отношение говорящего к высказываемому. По своему происхождению некоторые частицы связаны с местоимениями (*лүва* ‘пусть’ от *лүв* ‘он’, *ѳи* ‘да’ от *ѳи* ‘это’, *мүва* ‘если’ от *мүв* ‘что’) и наречиями (*сар* ‘-ка’ от *сар* ‘вперед’). В свою очередь, из частиц было образовано несколько союзов (*мүв анта* ‘или’ от *анта* ‘разве’, *төп нэ* ‘но’ от *төп* ‘только’, *күч* ‘пусть’ от *күч* ‘хоть’).

Не всегда легко с точностью описать семантику частиц. У некоторых из них существует несколько значений. Иногда также нелегко определить, к какой части речи относится данное слово. Приводимое ниже перечисление не является полным: оно лишь отчасти иллюстрирует многообразие частиц. Их употребление даже в пределах одного диалекта может различаться: не все говоры используют одну и ту же частицу одинаково.

Частицы выражают следующие значения:

а) согласие:

бэнэ, бэнэ ѳи ‘да, конечно’;

анта вэс ‘конечно’;

чопэңка, чопэңка ѳи ‘совершенно верно’.

В разговорной речи в одном высказывании встречается несколько частиц:

Энта вэс, *мәндув ты*. ‘Ну конечно же пойдём’;

Кәш-эй, чопәнқа! ‘И то правда!’;

Йа-йа, ы́қа, чопәнқа. ‘Да, да, это верно’;

б) отрицание:

энтә ‘не, ни’ (при отрицании члена предложения), **энта** ‘нет’ (при отрицании целого предложения), **энтэм** ‘нет’ (в функции сказуемого), **ал** ‘не’ (при запрещении с глаголом в повелительном наклонении).

Мяч қә мәңаты йёвәт. ‘К нам пришел гость’;

Мяч қә мәңаты энтә йёвәт. ‘Гость к нам не пришел’;

Мяч қә йёвәт? Энта, лүв энтә йёвәт. ‘Гость пришел? Нет, он не пришел’;

Ими ййқә ләң, икил ййқән энтэм. ‘Женщина зашла в дом, её мужа в доме нет’;

Нүң ал йиса! ‘Ты не плачь!’;

в) уверенность, неуверенность:

айнта, а́нтәқа пә ‘наверно, возможно, разве, неужели’, **вәлэ** ‘ведь, наверно, видно’, **пар** ‘разве, можно, неужели’, **нычи** ‘неужели’.

Литахә пә йәхән, а́нта. ‘Ты, наверно, проголодалась’;

А́нта қёлнам тыли? ‘Куда же её [стрелу] тянут?’;

А́нта қёвли сөчмал пырнә, а́нта мүв ванли сөчмал пырнә, әй латнә ы́қа сарнам лэйәл: нымлән ләк тэми. ‘Долго ли шагал, коротко ли шагал, вперед поглядел: лыжный след’;

Бу ньодәтнә, а́нтәқа пә, әдәпты мәнди. А́нтәқа пә, ньодәт лүваты энтә йёвәтләт. ‘Стрелы, может быть, сквозь него идут. Возможно, стрелы до него не долетают’;

Нүң вәлэ ныңән пил, қуйән пил кәнччәхә мәндән. ‘Ты, видно, пару себе, мужа себе искать идешь’;

Ма вәлэ мәнтә нә вёсәм! ‘Ведь идти мне надо!’;

Сәр әй ныңәм қота лохәтләдәм. Мүв қоньёбахә пар йәх,

вас қәты йәх? ‘Зайду-ка я к подруге моей. Заболела ли она, или что случилось?’;

Һичи ай мәта тоқинә қәнтәк қә вәлд. ‘Неужели где-нибудь есть человек’;

г) желание:

Әләң ‘хоть бы’.

Йәқә әләң йәвтәнтәм! ‘Только бы уже до дома донести!’;

Мәта тоқинә әләң мәта қәнтәк қә йәәхтәләм. ‘Где-нибудь всё равно человека встречу’;

Тәппә әләң қәқәң қә пиғәңқәлита пыхәртәтә нәмәс тәй. ‘Только хоть бы каждый человек хотел помочь птичкам’;

Лүв әләң нәптәл қәвит мәң ғәнә мәңат вәлд, ғи сивәлнат. ‘Вот бы всегда жила с нами с такой красотой!’;

д) позволение, побуждение:

күч ‘пусть’, **сар** ‘-ка’, **әләң** ‘бы’, **лүвә** ‘пусть’.

Күч мүйәди нә вәла, йәқә ләңләм. ‘Войду я, пусть здесь хоть кто живет’;

Сәр ай ныңәм қота лохәтләләм. ‘Зайду-ка я к моей подруге’;

Би әләң әт қудмәхтәләм. ‘Заночевать бы надо’;

Лүвә ләх айәнат вәлдәт. ‘Пусть они живут с удачей’;

Частица **лүвә** является не только модальным, но и формообразующим элементом. Она участвует в образовании формы повелительного наклонения 3-го лица (см. 3.2.4.2.2):

Қәлтахил ма қул қәнчқәхә мәнләм, нәврәмәт **лүвә** қанәк воньғләт. ‘Завтра я иду на рыбалку, дети пусть собирают ягоды’;

е) ограничение:

тәп, **тәп нә** ‘только’, **ушә** ‘уже’, **әтә** ‘и, тоже’

Тәп намән, **тәвәнә** вәләл. ‘Лишь в передней части, там живет’;

Ма қайтәк көл қолдәм, **төп нә** әнтә ньәвәмләм.
'Я понимаю по-хантыйски, только не говорю';

Бу туйәс вәтал датнә, **төп нә** паң дөйләл, вудат. 'Когда она забирает табакерку, только пальцы её рук замечают';

Ушә нә вәтә кима йәхтәх. 'Взрослые вы уже, пора вам жениться';

Нүң **әтә** кәмнам ал нүрәхта. 'Ты и тогда не выбегай';

ж) усиление, повторение

нә 'же', **тә** 'вот', **ицәк** 'даже', **өс** 'опять, ещё', **дөвәт** 'ни в каком случае'.

Қайтәк қә **нә** мүқ қөрасән? 'Каков же человек?';

Тәми мәрә **нә** әлдәм. 'Так долго я спала';

Дитахә **нә** йәхән, йнта. 'Ты же, наверно, проголодалась';

Күч мүйәди **нә** вәла, йәқә дәңдәм. Тәм мәтмин **тә** төрәм пәтахә йәхәм! 'Войду я, пусть здесь хоть кто живет. Так я притомилась, пока до края света дошла!';

Амп қөрәхтәх, панә йвәс ләль **пан нә тә** ти сохәлтәтәх.
'Залаяла собака, а северное войско и скачет уже';

Тәм олдә йох **ицәк** пәннат қул әнтә қоләмтәдәт. 'В этом году люди **даже** мордушкой рыбу не добывают';

Мәң пәсөлкахәвнә **ицәк** лопка әнтәм. 'В нашем поселке **даже** магазина нет';

Қәлдәң вөнтнә **ицәк** қәтдин пәтәхдәм. 'В ельнике **даже** днём темно';

Өс ымәлдәт, **өс** йәмат дитахә, йәнътәхә йәтылка, **өс** әй ту сүй **өс** айпа сүймәхдәл. 'Снова сядут, и когда снова есть-пить начнут, снова этот же звук снова послышится';

Ыд пәләкнам ал мәна, **дөвәт**. 'Не ходи вниз по течению, ни за что'.

Нередко частица **нә** встречается в отрицательных предложениях:

Сүй **нә** әнтә вәрәл, мәчхә төхнам мән. 'Тот, не произнеся ни звука, прошел прямо мимо него'.

Иногда частица *ѡ* появляется между провербом и глаголом:

Панэ ѡ уминэ сунтуки нык тыди, кэм ѡ әсли. ‘Женщина вытащила его из сундука, выпустила’;

Қут қә йәқә ләңәт, ѡйқа утә ѡ ымләт. ‘Зашло шесть человек, и сели они на мужские места’.

Превосходная степень прилагательных и наречий образуется и посредством частицы *мата*. Порядок слов: имя прилагательное / наречие + частица.

әнәд мата ‘самый большой’, *сорҗа мата* ‘очень быстро/быстрее всего’.

з) цитирование:

мәттә ‘говорит, мол’.

Әдинта, мәттә. ‘Ложись спать, мол’;

Мәттә, йыс арәх, йыс моңѡ моңѡди, ѡут тјүвәтат мәд. ‘Он говорил, если старинную песню, старинную сказку расскажешь, то тогда получишь огонь’;

Миша йастәх, мәттә дјүв қәлтаҳил вочнам мәнәл. ‘Миша сказал, что завтра он поедет в город’.

3.5.5. Междометия

Подобно частицам, междометия также не являются членами предложения и ведут себя очень независимо. Обычно они используются в начале предложения, а также образуют предложения самостоятельно. Междометия выражают различные чувства. Морфологически они не расчленимы. В некоторых случаях в них употребляются фонемы, которые отсутствуют в сургутском диалекте хантыйского языка (например, [x] в *ых* ‘ай’):

ѡйқа ‘ну, вот’, *қәѡа* ‘ну-ка’, *әй йа* ‘ну’, *кәш* ‘ты что’, *аңкәнәш* ‘к черту’, *та* ‘вот тебе’.

Йа ы́қа йа́қонам мэндэм. **Мүв аңкэнөш** сэх пён, ньавэм ыи тувам. ‘Ну, пойду я домой. К черту вершу, мясо домой понесу’;

Қава қөйақи йәмхә ньань вәрәл. ‘Посмотрим-ка, кто умеет хлеб хороший печь’;

Қава, төм ай пәх тәхә выхиттән. ‘Ну, позовите сюда младшего сына’;

Кәш, ай қөлаттынам пә антә йаңқам! ‘Да что ты, куда я не ходил!’

4. ПРОЧИЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА И СЕМАНТИКИ

В 3-й главе многие явления синтаксиса изложены, в частности описаны функции частей речи в предложении. В данной 4-ой главе дается краткий обзор различных членов предложения, а также рассматриваются некоторые проблемы синтаксиса и семантики, являющиеся своеобразными и самобытными в сургутском диалекте.

Список представленных явлений нельзя назвать полным, в дальнейшем он может быть расширен.

4.1. Простое предложение

Грамматическую основу простого предложения образуют главные члены предложения – подлежащее и сказуемое. В большинстве случаев подлежащее выражается именем, а сказуемое – глаголом. Второстепенные члены предложения служат для пояснения главных членов и могут иметь при себе поясняющие их второстепенные члены. Зависимыми существительного является определение, а зависимыми глагола – дополнение и обстоятельство. Ниже проиллюстрируем, какими частями речи могут быть выражены отдельные члены предложения.

4.1.1. Главные члены предложения

4.1.1.1. Подлежащее

В качестве подлежащего могут выступать следующие части речи:

а) имя существительное:

Ики сотэп вэрэл. ‘Мужчина делает ножны’;

Кэньика пэсан өвтынэ. ‘Книга на столе’;

б) местоимение:

Битэт аээм рытэт, бутэт йэйэм рытэт. ‘Эти – лодки моего отца, те – лодки моего старшего брата’;

Къйахи сотәп вәрәл? ‘Кто делает ножны?’;

Әй къйахи йа сотәп вәрәл. ‘Кто-то делает ножны’;

Лүв сотәп вәрәл. ‘Он делает ножны’;

Если из контекста понятно, кто является действующим лицом, то подлежащее, выраженное местоимением, может быть опущено:

Ики уттән омәсл. Сотәп вәрәл. ‘Мужчина сидит на мужской стороне. [Он] делает ножны’;

в) причастие:

Ики йўтал сэбәл. ‘Слышно, что мужчина приходит (букв. приход мужчины слышится)’;

Лүв өгурец вань бмәл тәрәм. ‘Он нарезал огурец (букв. его огурец нарезание готово)’.

4.1.1.2. Сказуемое

В качестве сказуемого чаще всего выступает глагол с личными суффиксами.

4.1.1.2.1. Глагольное сказуемое

Ики сотәп вәрәл. ‘Мужчина делает ножны’;

Кәныка пәсан өвтындә әдәл. ‘Книга лежит на столе’;

Тәхә йўва! ‘Иди сюда!’;

Кәлднә Сургут воца мәнли? ‘Как попасть в Сургут?’;

Аңкэмнә ма йәрнасат мэйөйм. ‘Я получила платье от моей матери’;

Нәңаты коңьбә қота әлнтта мосәл. ‘Вам в больницу нужно лечь’.

Сказуемое образуют вспомогательные глаголы в сочетании с неопределенной формой основного глагола:

Шкөла тәрәмтанка мўвәдиккә рөпитләта питлән? ‘Когда школу закончишь, кем станешь работать?’;

Кул қоцәм йәңк вәрта йәл? ‘Рыбы на уху хватит?’

Безличные глаголы формируют предложения сами по себе, без подлежащего:

Сүхсинтэх. ‘Наступила осень’.

4.1.1.2.2. Именное сказуемое

Если в функции сказуемого выступает существительное или прилагательное, то в настоящем времени в 3-м лице единственного, двойственного и множественного числа глагол-связка (копула) опускается:

Дүв войэк кэнчэ қө. ‘Он охотник’;

Тэм дайэм ма йэхэм дайэм. ‘Этот топор принадлежит моему отцу’;

Ма нэмам – Лиза. ‘Мое имя – Лиза’;

Нүң дэвэн вёккэн. ‘Твоя лошадь сильная’;

Пайқэдам айхэн. ‘Два моих сына маленькие’;

Пайхам айэт. ‘Мои сыновья маленькие’.

Если в роли сказуемого используется существительное или прилагательное, то в настоящем времени в 1-м и 2-м лице единственного, двойственного и множественного числа употребляется глагол-связка *вёс=* (табл. 38):

Ма войэк кэнчэ қө вёсэм. ‘Я охотник’;

Мин ёналтахэлтэ ныңкэн вёсмэн. ‘Мы две учительницы’;

Нүң ай вёсэн. ‘Ты маленький’;

Наң сэмэңэт вёстах. ‘Вы храбрые’.

Спряжение глагола-связки (табл. 38):

Таблица 38

Лицо	Ед. число	Дв. число	Мн. число
1-е лицо	<i>вёс=эм</i>	<i>вёс=мэн</i>	<i>вёс=ув</i>
2-е лицо	<i>вёс=эн</i>	<i>вёс=тэн</i>	<i>вёс=тэх</i>
3-е лицо	--	--	--

Если в качестве сказуемого выступает существительное или прилагательное, то в прошедшем времени копулой становится глагол бытия *вёл=та*:

Дүв войэк кэнчэ қө вёл. ‘Он был охотником’;

Тэм дайэм ма йэхэм дайэм вёл. ‘Этот топор принадлежал моему отцу’;

Нын йэм йоққан вёлтән. ‘Вы двое были хорошими людьми’;

Тём датна мән айэт вёлув. ‘В то время мы были маленькие’.

4.1.1.2.3. Неполные предложения

Предложения, в которых имеются обстоятельства места или состояния и опущено сказуемое со значением «быть, находиться», являются неполными:

Ма кэмән. ‘Я на улице’;

Нүң қотна. ‘Ты в доме’;

Мән йәвән қонәнә. ‘Мы на берегу реки’;

Вэлит вөнт өнтнә. ‘Олени в лесу’;

Пасан литөтат олтәхмин. ‘Стол накрыт’.

В прошедшем времени в качестве копулы употребляется глагол бытия *вёл=та*:

Ма кэмән вёләм. ‘Я был на улице’;

Нүң қотна вёлән. ‘Ты был в доме’;

Мән йәвән қонәнә вёлув. ‘Мы были на берегу реки’;

Вэлит вөнт өнтнә вёләт. ‘Олени были в лесу.’

4.1.2. Второстепенные члены предложения

4.1.2.1. Определение

Определение распространяет существительное и обозначает какое-либо качество или обладателя того понятия, которое выражено в главном, то есть определяемом слове. В предложении оно занимает позицию перед определяемым словом. Так как существительное может являться не только подлежащим, но и прямым дополнением, а имея падежные суффиксы или послелоги, также может быть косвенным дополнением и обстоятельством,

определение может использоваться в предложении везде, где присутствует существительное.

Определение выражается следующими частями речи:

а) именем прилагательным:

Пырэс ики йэдэп сотэп вэрэл. ‘Старый мужчина делает новые ножны’;

Вэртэ кэһика энэл пэсан өвтынэ. ‘Красная книга на большом столе’;

б) местоимением:

Тём амп ырап. ‘Та собака злая’;

Тэми йэмам сиккэң суминтаҳ. Ма өпэм ыминт ётат мойдалам. ‘Это очень красивый платок. Я дам такой подарок моей старшей сестре’;

в) причастием:

Сотэп вэртэ ики кэмэн омэсл. ‘Ножны делающий мужчина на улице сидит’;

Воци тувэм кэһика пэсан өвтынэ йдал. ‘Из города привезенная книга на столе лежит’.

Определение, обозначающее обладателя, может быть выражено существительным или личным местоимением:

Өпэм кэһика Машиа пэсан өвтынэ йдал. ‘Книга моей старшей сестры лежит на столе Маши’;

Ма кэһикахэм нүң пэсанэн өвтынэ йдал. ‘Моя книга лежит на твоём столе’.

4.1.2.2. Прямое дополнение

Прямое дополнение – это член предложения, распространяющий глагол. Роль прямого дополнения могут выполнять следующие части речи:

а) имя существительное:

Ики сотэп вэрэл. ‘Мужчина делает ножны’;

б) местоимение:

Ики мўвэди вэрэл? ‘Что делает мужчина?’;

Аңкэ **нўнат** кэнцэл. ‘Твоя мать ищет тебя’;

в) инфинитив:

Ма **арэх=та** ёналтаҳалдам. ‘Я учусь петь’;

г) причастие:

Абэм **йўтал** қолдам. ‘Я слышу, что мой отец приходит (букв. моего отца приход слышу)’.

4.1.2.3. **Обстоятельство**

Обстоятельство также главным образом является зависимым глагола. В качестве обстоятельства могут выступать следующие части речи:

а) имя существительное с падежными суффиксами или послелогами:

Молқйтэл Миша **вочнам** мэн. ‘Вчера Миша поехал в город’;

Дўв **йэйил** кича мил дут. ‘Он купил для своего старшего брата шапку’;

Дўв **қйтэл** **мәрэ** тёт вёл. ‘Он был там целый день’;

Амп **сўйәнкә** ропәсл. ‘Собака лает громко’;

б) местоимение с падежными суффиксами или послелогами:

Қёйахинат қул кәнччаҳә мәнлән? ‘С кем идешь на рыбалку?’;

Дәхатынат. ‘С ними’;

Нўн мәнә, **вут** **пырнә** ма йўдам. ‘Ты иди, после этого я приду’;

Ма **дўв** **қуыилнә** вәлдәм. ‘Я живу у него’;

в) наречие:

Қёлтақил Миша вочнам мәнәл. ‘Завтра Миша поедет в город’;

Мән дори **вәли** мәнүв. ‘Мы мимо озера проехали’;

Мйч қө **ййқәнам** мән. ‘Гость поехал домой’;

Ики йәмнам вар льобъахә йәңқилдәх. ‘Мужчина зря ходил запор проверять’;

г) инфинитив:

Қёйахинат қул кәнчцахә мәнлән? ‘С кем идешь на рыбалку?’;

Ма мойәдта йёвтәм. ‘Я пришел в гости’;

д) причастие:

Вәртәм сохит вәрә! ‘Сделай так, как я делаю!’;

Мин мәнмамән пәңи дәвалмән. ‘Пока мы шли, сухую рыбу жевали’;

Қәнтәк қә вулдәх әлал. ‘Человек лежит без сознания’;

е) деепричастие:

Авәм қул кәнчмин вәлд. ‘Мой отец живет рыбака’;

Ими йимәдмин йәқә дәң. ‘Женщина вошла с покрытым лицом’.

Обстоятельство также служит и зависимым от прилагательного:

Нүң дәвән тёңқә вёккәң. ‘Твоя лошадь очень сильная’;

Мин пәхмән йәмат ай. ‘Наш сын очень маленький’.

4.2 Сложное предложение

Сложное предложение образуется путем сочетания двух или более простых предложений. Связь между простыми предложениями внутри сложного может быть сочинительной и подчинительной. Основными средствами связи частей сложного предложения являются интонация и союзы или союзные слова.

Сочинительная связь без союза:

Адәң нёқ күч вәрәхдәх, тәм мунт қёйахи литёт уч вәрәнтәх. ‘Утром, как он просыпается, [видит:] кто-то уже раньше поесть приготовил.’

С союзом:

Миша йайкэ дӑн, а Маша кэм ӡивӡт. ‘Миша вошел в дом, а Маша вышла’;

Тӡвин тӡхдӑн войхӡт тэм маха нӡм панӡ қӡтӡл алдӡт, ӡдӡн йоққинлат ӡнтӡ тӡрӡм потмин. ‘Весной птицы приносят на эту землю тепло или солнце, чтобы люди не умирали от мороза’;

Аңкиднӡ моньӡат моньӡди, ӡӡӡ арит нӡврӡм ӡнтӡ вӡйӡмтӡди. ‘Мать рассказывает сказку, всё же ребенок не засыпает.’

С союзным словом:

Мӡвӡди махи йоқ дидӡт – ӡуминтат пӡнди. ‘Хозяева кормили его тем, что сами ели’.

Подчинительная связь с союзным словом:

Қунтӡ Миша йайкэ дӑн, Маша кэм ӡивӡт. ‘Когда Миша вошел, Маша вышла’.

Однако подчинение в сургутском диалекте хантыйского языка в первую очередь выражается с помощью нефинитных оборотов. Предложения, содержащие нефинитные конструкции, можно назвать полипредикативными:

Миша йайкэ дӡнмӡднӡ Маша кэм ӡивӡт. ‘Когда Миша вошел, Маша вышла’;

Ит ӡи Ханты-Мансийск омӡстӡ махнӡ Лули тыхӡл ӡӡтты ӡи. ‘Сейчас, на той земле, где стоит Ханты-Мансийск, гнездо Лули (находится)’.

4.3. Порядок слов в предложении

В этом разделе будет рассмотрен лишь базовый порядок слов, то есть порядок, который присущ грамматически правильным предложениям и встречается наиболее часто. Конечно, в живой речи может использоваться практически любой порядок слов, но определенные закономерности в языке всё же можно установить.

В большинстве сургутских предложений сказуемое располагается в конце предложения, а подлежащее – в начале. Следовательно все остальные члены предложения, включая и объект, находятся между ними:

Саша энэл сорт вӓл. ‘Саша большую щуку поймал’.

Различные свободные дополнения и обстоятельства могут находиться как перед подлежащим, так и после него:

Ньэврэмэт (пӓстахэ) қэвэлдэт. ‘Дети (быстро) бегают’;

(Молқӓтэл) Саша (йӓвӓннэ) энэл сорт вӓл. ‘(Вчера) Саша (в реке) большую щуку поймал’.

Определение всегда предшествует определяемому:

энэл сорт ‘большая щука’;

вӓт сорт ‘пять щук’;

Саша сорт ‘щука Саши’.

В стандартном предложении определительная нефинитная конструкция стоит перед определяемым существительным:

Сашанэ вӓлэм сорт йӓмат ӓплӓң. ‘Пойманная Сашей щука очень вкусная’;

Аӓэм пултӓм ӓвдэт қот пӓңӓлнэ льольӓт. ‘Запряженные моим отцом нарты стоят возле дома’.

Базовый порядок слов зависимого предложения совпадает с порядком слов самостоятельного предложения:

Саша энэл сорт вӓл. ‘Саша большую щуку поймал’;

Миша йастӓх, мӓттӓ Саша энэл сорт вӓл. ‘Миша сказал, что Саша большую щуку поймал’.

4.4. Вопросительные предложения

Среди вопросительных предложений выделяется два типа: общие вопросы, на которые можно ответить словами «да» или «нет», а также специальные вопросы, которые содержат вопросительные слова.

В сургутском диалекте общий вопрос по структуре и порядку слов совпадает с утвердительным предложением. Различие заключается в интонации: в то время как утверждению присуща нисходящая интонация, последняя (глагольная) часть общего вопроса имеет восходяще-нисходящую интонацию. Если глагол двухсложный, то интонация первого слога является стремительно восходящей, а второго – резко нисходящей:

Нүң мятән? 'Ты устал?' (ср. утверждение: *Нүң мятән.* 'Ты устал')

При односложном глаголе восхождение и нисхождение тона происходит в рамках одного и того же слога:

Суп литә кима йәх? 'Суп готов?'

В специальных вопросах вопросительная фраза располагается в той же части, что и ответ на нее в повествовательном предложении, например, обстоятельство и прямое дополнение стоит перед глаголом:

Нүң мүв тохинә рөпитдәдән? 'Ты где работаешь?';

Нүң мүвәли вәрлән? 'Ты что делаешь?'

Притяжательное и качественное определение находится перед определяемым существительным:

Нүң қөйәхи пәх вёсан? 'Ты чей сын?';

Мәта пухәли ими вәйән? 'Из какой деревни жену взял?'

Сказуемое завершает предложение:

Авә нәмәд қөлдә? 'Твоего отца зовут как?'

4.5. Утверждение и отрицание

На общий вопрос можно ответить утвердительно и отрицательно. В утвердительном ответе может быть повторено слово, использованное в вопросе:

Нүң мятән? 'Ты устал?' *Ма мятәм.* 'Я устал';

Нүң лопканә вёлән? 'Ты в магазине был?' *Вёләм.* 'Был'.

Для утверждения также употребляются утвердительные частицы (см. 3.5.4). Ср.:

Нын ньэврэм тэйлэттэн? ‘У вас (двоих) дети есть?’ **Бэна вы, тэйлэмэн.** ‘Да, конечно, есть.’

При отрицании независимо от того, отрицается ли предложение целиком или одна из его частей, используются различные отрицательные слова (см. 3.5.4), например:

Нын ньэврэм тэйлэттэн? ‘У вас (двоих) дети есть?’ **Энта, мин энтэ тэйлэмэн.** ‘Нет, у нас нет детей (букв. мы двое не имеем)’;

Нун лопканэ вёлэн? ‘Ты в магазине был?’ **Энта, ма энтэ вёлэм.** ‘Нет, я не был’.

Для отрицания глагола бытия употребляется отрицательное слово *энтэм*:

Тэм йавнэлинэ кул вёлд? ‘В этом ручье рыба есть?’ **Энта, кул энтэм.** ‘Нет, рыбы нет’.

4.6. Выражение обладания

В большинстве финно-угорских языков обладание, иначе говоря, предикативная притяжательность, выражается сочетанием глагола бытия и какой-либо падежной формы личного местоимения. В русском языке также употребляется подобная конструкция (ср. «у меня есть»). Однако в обско-угорских языках обладание выражается глаголом со значением ‘иметь’. В сургутском диалекте употребляется переходный глагол *тэй=та*, прямым дополнением которого является обладаемое. Обладатель в данной конструкции выступает в функции подлежащего:

Ма тёнқэ йэм рыт тэй=л=эм. ‘У меня очень хорошая лодка (букв. Я имею очень хорошую лодку)’;

Миша тёнқэ йэм рыт тэй. ‘У Миши была очень хорошая лодка’.

В пассивной конструкции обладатель маркирован падежным суффиксом =нә, а обладаемое является подлежащим:

Мишанә тәңкә йәм рыт тай=л=и. ‘У Миши очень хорошая лодка’.

4.7. Согласование

Согласование распространяется на связи между подлежащим и сказуемым, определением и определяемым, прямым дополнением и сказуемым-глаголом.

а) Согласование между подлежащим и сказуемым

Сказуемое согласуется с подлежащим в числе и лице:

– при глагольном сказуемом:

Ма ныпэк қайңл=әм. ‘Я пишу письмо’;

Мәң лопкақа мәңл=ув. ‘Мы идем в магазин’;

Нын йәмхә ирәх=тән. ‘Вы двое хорошо пели’;

Нын йәмхә ирх=иттән. ‘Вы двое хорошо пойте’;

Нэврэм йэкәл. ‘Ребенок танцует’;

Кат нэврэм=хән йэкәл=хән. ‘Два ребенка танцуют’;

Нэврэм=әт йэкәл=әт. ‘Ребята танцуют’;

Аңкәмнә нүң йәрнасат йунт=ө. ‘Моя мать сшила для тебя платье’;

– при сказуемом, выраженном именем существительным:

Ма пырас ими вәс=әм. ‘Я старая женщина’;

Дин войәх кәнцә қуй=хән. ‘Они двое охотники’;

– при сказуемом, выраженном именем прилагательным:

Тәм йәрнас сиккәң. ‘Это платье красивое’;

Тәм йәрнас=хән сиккәң=хән. ‘Эти два платья красивые’;

Тәм йәрнас=әт сиккәң=әт. ‘Эти платья красивые’.

Особенностью сургутского диалекта является то, что и обстоятельства согласуются с подлежащим в числе:

Вәди=т қәттә=т? ‘Олени где?’;

Вәди=т қайәмнә=т. ‘Олени на пастбище’;

Дин кэмэн=хэн. ‘Они двое на улице’;

Пут дэхпийа ньави=t төвэ пйнмин=эт. ‘Мяса положены в котел’;

Дайэм ритнэ. ‘Топор в лодке’;

Дайэм=хэн ритнэ=хэн. ‘Два топора в лодке’.

Однако согласование не всегда обязательно. В русском предложении ‘Мы в доме’ возможны два перевода:

Мэн қотнэ. / Мэн қотнэ-т.

В случае употребления в предложении двух однородных подлежащих, сказуемое принимает форму двойственного числа:

Миша панэ Маша йақэ дйң=қан панэ ылэ ымал=хэн.
‘Миша и Маша вошли в дом и сели’.

При двух однородных подлежащих сами подлежащие также присоединяют показатели двойственного числа:

Миша=хэн Маша=хэн йақэ дйң=қан панэ ылэ ымал=хэн.
‘Миша и Маша вошли в дом и сели’.

Если в предложении более двух однородных подлежащих, то сказуемое ставится во множественном числе:

Вёқи, чэвэр панэ даңки вёнтнэ вйлд=эт. ‘Лиса, заяц и белка живут в лесу’.

Если подлежащее не имеет показателя множественного числа, но обозначает множественность, то просходит логическое согласование:

Йоҳ дитахэ йах=эт. ‘Народ (люди) начали кушать’.

Если подлежащее – это синтаксически неделимое словосочетание с количественным значением, то сказуемое может стоять как в единственном, так и во множественном числе. Ср.:

Тёрам дапэт пйх вух=и. ‘Семь сыновей бога Торума было вызвано/ были вызваны’;

Дапэт вёнт қор тёт льуль / льуль=эт. ‘Семь диких оленей там стояли’.

б) Согласование между определением и определяемым

В сургутском диалекте хантыйского языка определение не согласуется с определяемым словом ни в числе, ни в падеже. Прилагательные и указательные местоимения, выступающие в функции определения, не подвергаются аффиксации:

әнәл қот ‘большой дом’;

әнәл қот=нә ‘в большом доме’;

әнәл қот=әт=нә ‘в больших домах’;

әнәл қот=л=ам=нә ‘в моих больших домах’;

тэм қот=әт=нә ‘в этих домах’;

Числительные равным образом не подвергаются аффиксации:

вәт қот=нә ‘в пяти домах’.

В случае синтаксически неделимых словосочетаний с количественным значением, возможно несколько видов согласования. После числительного *кат* ‘два’ слово ставится в двойственном числе:

кат ими=хән ‘две женщины’.

Однако после числительного *кит* в значении ‘два разных’ слово принимает форму единственного или множественного числа:

кит қот=нә ~ *кит қот=әт=нә* ‘в двух отдельных домах’.

С числительными выше двух обычно употребляется единственное число:

қәләм пәх ‘три мальчика’.

Однако встречается и множественное число:

қәләм нупи=т ‘три медведя’.

Последняя конструкция имеет более конкретное значение, чем конструкция без согласования.

в) Согласование между прямым дополнением и глагольным сказуемым

В случае объектного спряжения прямое дополнение и сказуемое согласуются в числе:

Молқайтал Саша кат амплөқкэн тув. Ма динат динәт=хәл=ам.

Молқайтал Саша қөдәм амплөқ тув. Ма дәхат динәт=л=ам.

‘Вчера Саша принёс двух/трех щенков. Я их двоих/их покормила’.

4.8. К проблематике модальности

4.8.1. Выражение субъективной модальности

В сургутском диалекте хантыйского языка модальные значения ‘хотеть / уметь / мочь делать что-либо’ выражаются при помощи модальных слов *кач* ‘желание’, *ким* ‘способность’ и *қёл* ‘умение’, которые в сочетании с причастиями настоящего времени образуют определительные конструкции. Сочетания со словами *кач* ‘желание’ и *ким* ‘способность’ обозначают обладание и в предложении являются подлежащим (‘у меня есть желание / способность делать что-либо’) или прямым дополнением глагола *тәй=та* (‘я имею желание / способность делать что-либо’). Конструкция со словом *қёл* ‘умение’ выполняет роль прямого дополнения при глаголе *ву=та* ‘видеть, знать’ (‘я вижу/знаю умение делать что-либо’) [см. подробнее: Чепреги 2014].

4.8.1.1. Выражение желания

Нефинитные обороты со словом *кач* ‘желание’ употребляются в предложениях с семантикой принадлежности. Значение ‘хотеть делать что-либо’ передается и в предложениях с глаголом ‘быть’ или глаголом ‘иметь’.

В утвердительном предложении:

Ма йонтәқсәтә кичәм вәлл. ‘Я хочу шить (букв. Мое желание шить есть)’.

В отрицательном предложении:

Ма йонтәқсәтә кичәм әнтәм. ‘Я не хочу шить (букв. Мое желание шить отсутствует)’.

Конструкцию *кичәм вәлд* можно заменить другим сочетанием с глаголом ‘иметь’: *кач тәйләм*. Вопрос ‘Хочешь/У тебя есть желание идти в магазин?’ в сургутском диалекте можно выразить по-разному:

(1) *Нүң лопканам мәнтә кичән вәлд?*

(2) *Нүң лопканам мәнтә кач тәйлән?*

Третий вариант подразумевает употребление инфинитива и глагола *ләңк-*:

(3) *Нүң лопканам мәнтахә ләңқдән?*

4.8.1.2. Выражение возможности и естественной способности

Нефинитные обороты со словом *ким* также употребляются в предложениях с семантикой принадлежности. Значение ‘мочь делать что-либо’ может быть выражено и в предложениях с глаголом ‘быть’ или глаголом ‘иметь’. Те предложения, в которых сказуемым является глагол *вәл-*, считаются статическими, а те, в которых используется сказуемое *йә-* ‘стать/становиться чем-либо’, называются динамическими.

а) статические конструкции

В утвердительном предложении:

Вәди катәлтә кимәм вәлд или

Вәди катәлтә ким тәйләм. ‘Я могу поймать оленя (потому что я достаточно сильный для этого)’.

В отрицательном предложении:

Вәди катәлтә кимәм әнтәм или

Вәди катәлтә ким әнтә тәйләм. ‘Я не могу поймать оленя (потому что я слаб для этого)’.

Если в предложении с бытийным глаголом в роли сказуемого к подлежащему не присоединяется притяжательный суффикс, то речь идет уже не о принадлежности, а о возможности вообще:

Күрат төвнам мәнтә ким вәлд? ‘Можно ли идти туда пешком?’

б) динамические конструкции

В тех случаях, когда выражается мысль о приобретении или утрате способности человека, в качестве сказуемого выступает глагол *йә=та* ‘стать/становиться чем-либо’, который управляет модальным словом *ким* в форме направительного падежа или причастием отрицания. Ср.:

Лүв йәвәл-һолнат лыккәнтәтә кима йәх. ‘Он так вырос, что мог из лука и стрел стрелять’;

Абәм войәк-қул кәнчә ким тәйләх йәх. ‘Мой отец уже не может охотиться (потому что у него нет сил)’.

4.8.1.3. Выражение приобретенной способности

Для выражения приобретённых знаний, навыков и умений используется, в первую очередь, нефинитный оборот с модальным словом *қәл*. Сказуемым является переходный глагол *ву=та* ‘видеть’, ‘знать’, поэтому нефинитная конструкция выполняет функцию прямого дополнения:

Ма дәнәттә қәл вудам. ‘Я умею читать/ считать’.

Нефинитная форма глагола имеет свое прямое дополнение:

Пәхам войәк-қул кәнчә қәл вул. ‘Мой сын умеет охотиться’.

Нефинитная форма также может иметь косвенное дополнение или обстоятельство:

Нүң қәнәх сохит нәвәмтә қәл вудан? ‘Ты умеешь говорить по-хантыйски?’

Отрицание выражается отрицательным словом:

Пáхам войэк-қул кáнчэ қёл áнтэ вул. ‘Мой сын не умеет охотиться’.

При отрицании используется и глагол со значением ‘иметь’:

Пáхам войэк-қул кáнчэ қёл áнтэ тáйал. ‘Мой сын не умеет охотиться’.

Утрата способности выражается сочетанием причастия отрицания и глагола ‘стать/становиться чем-либо’:

Абэм войэк-қул кáнчэ қёл вулаҳ йáҳ. ‘Мой отец забыл, как надо охотиться’.

4.8.2. Выражение ситуативной модальности

К категории ситуативной модальности относятся утверждения, которые указывают на возможность или необходимость, не зависящую от говорящего.

4.8.2.1. Выражение необходимости

Необходимость выражается с помощью инфинитива и вспомогательного модального глагола *мос=а́л* ‘надо’. Вспомогательный глагол всегда употребляется в 3-м лице. Тот член предложения, к которому относится необходимость, принимает при местоимениях форму дательного падежа, а при существительных форму направительного падежа:

Мантэм мáнтаҳэ мосáл. ‘Мне надо уйти’;

Иттáн Вераҳа йáқáн вáлтаҳэ мосáл. ‘Вечером Вера должна быть дома’;

Если речь идет о моральной обязанности, вспомогательным глаголом является *му́стá=л*:

Иттáн Вераҳа йáқáн вáлтаҳэ му́стáл. ‘Вечером Вера должна быть дома (потому что ей надо быть примером для других)’;

Мантэм мáнтаҳэ му́стáл. ‘Мне можно уйти (т. е. имею моральное право уйти)’. Ср.:

Мантэм мантахэ мосал. ‘Мне нужно уйти (т. е. мне просто нужно уйти самой)’.

4.8.2.2. «Можно» и «нельзя» по-хантыйски

Русское предложение ‘В этом озере можно плавать’ может быть переведено на сургутский диалект несколькими способами. Если можно плавать, потому что вода тёплая, то в предложении употребляется модальное слово *ким*:

Тэм дорнэ пәвэлтэ ким вәлл.

Также здесь возможна пассивная конструкция:

Тэм дорнэ пәвәлли.

Если можно плавать, потому что это разрешено, то используется вспомогательный глагол (связка) *мустәл*:

Тэм дорнэ пәвәлтахэ мустәл.

При отрицании перевод зависит от того, идет ли речь об отсутствии возможности или запрете. Русское предложение ‘Реку Обь нельзя/невозможно перейти вброд’, потому что она очень широкая, звучит так:

Ас унччә ким әнтэм или *Ас унччә кимәл әнтэм.*

Если через реку Обь нельзя переплываться, так как это запрещено, то перевод выглядит следующим образом:

Ас унччәхә әнтә мустәл.

Или если по естественной причине (сильный ветер, высокие волны или ледостав, ледоход) переходить её невозможно:

Ас унччәхә әнтә мосал.

Приведенные выше примеры относятся к сфере так называемой ситуативной модальности, когда наличие возможности или необходимости не зависит от говорящего. Говорящий может выразить свое мнение, предположение – это эпистемическая модальность. В сургутском диалекте эпистемическая необходимость и возможность передаются модальными частицами *нычи/нычә* ‘неужели’, *лүв йнта*, *лүв*

тӧхӧ ‘может быть’, *йа* ‘наверно’, *ӧӧ пӧ* ‘вероятно’, например, в следующих предложениях:

Иттӧн Вера лӱв йнта (ныци, лӱв тӧхӧ, йа) йӧӧӧн вӧлл. ‘Вечером Вера должна быть дома (я думаю, что она, наверно, уже дома)’;

Тӧм латнӧ Будапешт вочнӧ лӱв тӧхӧ (лӱв йнта, ныци, йа) мӧлӧнк. ‘В это время в Будапеште должно быть тепло (я предполагаю/вероятно)’;

Войӧк кӧнчӧ йохӧ ӧӧ пӧ ар лаӧки қолӧмтӧт. ‘Охотники могли добывать много белок (вероятно)’.

5. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ СУРГУТСКОГО ДИАЛЕКТА

Как уже упоминалось в разделе **0.4**, изучение сургутского диалекта началось в XIX в. С точки зрения истории языка очень значимы записи двух финских ученых – К. Ф. Карьялайнена и Х. Паасонена, которые собирали языковой материал на Тромъёгане и Югане более ста лет назад, в конце XIX – начале XX вв. [Чепреги 2004 и 2011б]. Язык, с которым они познакомились, во многом отличается от нынешнего сургутского диалекта, что вполне естественно, так как языки, хотя и медленно, изменяются постоянно. Благодаря записям К. Ф. Карьялайнена и Х. Паасонена мы можем изучать изменения, произошедшие в сургутском диалекте за последнее столетие. Изменениям в равной степени подверглись все уровни языка: фонетика, морфология, синтаксис и лексика.

5.1. Фонетика, фонология

Самым заметным изменением в фонетике сургутского диалекта стало исчезновение палатального сингармонизма. Палатальная гармония гласных означает, что в слове встречаются либо только переднеязычные (палатальные), либо только заднеязычные (велярные) гласные. Суффиксы при этом, как правило, имеют два варианта: один с палатальным, другой с велярным гласным. Явление сингармонизма характерно почти для всех финно-угорских языков, в том числе оно существовало и в прахантыйском языке, из которого образовались нынешние диалекты. В настоящий момент гармония гласных сохранилась лишь в самых восточных диалектах: ваховском и васюганском. В западных же (северных и южных), как и в современном сургутском, она не встречается совсем. Как упоминалось выше (см. **1.1.2**), в непервых слогах употребляются лишь

четыре гласных фонем, все они переднего ряда: *a, e, u, ə*. Однако в словаре и грамматических записях К. Ф. Карьялайнена пары гласных переднего и заднего рядов встречаются не только в первых слогах. Так, в его материалах в непервых слогах обнаруживается 8 фонем: передние *ä, э, u, ä* и задние *a, ɛ, ы, ə*. Суффиксы у К. Ф. Карьялайнена также имеют палатальные и веллярные (т.е. передние и задние) варианты (см. в таблицах ниже).

Сравнивая записи К. Ф. Карьялайнена и Х. Паасонена, можно сделать вывод, что гармония гласных дольше всего сохранялась на Тромъёгане, где К. Ф. Карьялайнен собирал свой материал. На Югане во время пребывания там Х. Паасонена уже происходил процесс ослабления сингармонизма. Так в формантах лишь звук [a] гармонировал с корневым гласным: Х. Паасонен отмечал варианты показателя инфинитива =*taχə*/=*mäχə*, суффикса направительного падежа =*a/ä* и суффиксы совместного падежа =*nam/näm*. В окружении заднеязычных согласных *ɟ, ɟ, ɟ* в материалах Х. Паасонена встречаются только заднеязычные гласные, например, в суффиксе превратительного падежа =*χə*, окончании лишительного падежа =*ɟəχ*, а также в показателе двойственного числа =*χən*-, =*χəl*-. Появляющийся после зубных согласных (*n, m*) редуцированный гласный независимо от других звуков слова всегда остается палатальным (например, в суффиксе местного падежа =*nä* и показателе причастия настоящего времени -*tä*). Звуки [э] и [и] встречаются в непервых слогах в независимости от характера гласного первого слога.

Нужно отметить, что в материалах К. Ф. Карьялайнена и Х. Паасонена соблюдался не фонематический, а фонетический принцип. Поскольку в то время они не располагали современными инструментами звукозаписи, они старались передать все оттенки звуков. С особенной тща-

тельностью ученые отмечали долготу фонем: различались долгие, полудолгие и краткие гласные, а также регистрировали удвоенные согласные между редуцированными гласными.

Тексты, собираемые в наши дни, фиксируются на основе фонематического принципа. Стало излишним отмечать все нюансы, так как фонетические особенности говорящего сохраняются на диктофонных записях. Благодаря аудио-записям, мы знаем, что фонемы сургутского диалекта имеют варианты, противопоставленные по гармонии, хотя по опубликованным ныне текстам может показаться, что в данном диалекте сингармонизм отсутствует. Упомянутые варианты не имеют смысловозначительной функции, они являются не самостоятельными фонемами, а лишь аллофонами, поэтому на письме они не отмечены.

Говоря о согласных, нужно вспомнить о статусе огубленных заднеязычных K_0 , q_0 , H_0 , χ_0 , которые в ранних грамматиках обозначались как самостоятельные фонемы, но в наши дни считаются лишь вариантами фонем [к, қ, ң, җ]. Этот момент касается скорее принципов практического письма, чем изменений в языке (см. подробнее 1.2.4).

5.2. Морфология

5.2.1. Склонение имен

Судя по грамматическим записям начала XX в., лично-притяжательное и падежное склонение имен в течение столетия почти не подверглось изменениям. Исчезли лишь варианты по палатальной гармонии гласных [см. Karjalainen–Vértes 1964: 207–212; Honti 1988: 179–180; Хонти 1993: 308–309] (табл. 39).

Суффиксы склонения на Тромъёгане в конце XIX в.

Падеж		Суффикс
Основной	Номинатив	нулевой
Направительный	Латив	=а/=ä
Местный	Локатив	=на/=нә
Исходный	Аблатив	=ы/=и
Общенаравительный	Апроксиматив	=нам/=нәм
Превратительный	Транслатив	=хә/=хә
Творительный	Инструменталис	=ат/=ät
Совместный	Комитатив	=нат/=нät
Распределительный	Дистрибутив/Эксплетив	=нты/=ntи
Лишительный	Каритив /Абессив	=ләх/=ләх

Как видно, в парадигмах склонения начала XX в. фигурировал дистрибутив, который можно перевести на русский язык как распределительный падеж. В современных грамматиках он отсутствует. Примеры К. Ф. Карьялайнена: *äви=нты қудат майа* ‘дай по рыбе каждой девочке’ [Karjalainen–Vértes 1964: 230], а также конструкции обстоятельства времени типа *қәтлә=нты қәтлә=нты пыра мәнл* ‘ухудшается с каждым днем’ [Karjalainen–Vértes 1964: 231]. В грамматических записях Х. Паасонена дистрибутив не выделен, но суффикс *-нты* встречается во фразеологизмах, обозначающих время: *қөвәнты вәлдәт, ванәнты вәлдәт* ‘жили долго, жили коротко’ [Paasonen–Vértes 2001: 48, 74], *қәтлә=нты әлдәхән* ‘лежали они двое днями’ [Paasonen–Vértes 2001: 56]. В современном языке формант *=нты* стал менее продуктивным. Сейчас он считается не падежным показателем, а словообразовательным суффиксом, с помощью которого образуются наречия от существительных.

5.2.2. Спряжение глаголов

5.2.2.1. Две формы прошедшего времени

В грамматиках К. Ф. Карьялайнена и Х. Паасонена отмечены две формы прошедшего времени: одна с суффиксом *-с*, другая — без суффикса. Спряжение глагола *вэ=таҳэ* ‘взять, брать’ на Тромъёгане в конце XIX в. выглядело следующим образом (действительный залог, изъявительное наклонение, субъектное спряжение) [Karjalainen–Vértes 1964: 268–285; Honti 1988: 186–187] (табл. 40):

Таблица 40

Число	Лицо	Настоящее время	Прошедшее время	
			Перфект	Имперфект
Ед.	1-е	<i>вэ=л=эм</i>	<i>вэй=эм</i>	<i>вэ=с=эм</i>
	2-е	<i>вэ=л=эн</i>	<i>вэй=эн</i>	<i>вэ=с=эн</i>
	3-е	<i>вэ=л</i>	<i>вэй</i>	<i>вэ=с</i>
Дв.	1-е	<i>вэ=л=ман</i>	<i>вэй=ман</i>	<i>вэ=с=ман</i>
	2-е	<i>вэ=л=тэн</i>	<i>вэй=тэн</i>	<i>вэ=с=тэн</i>
	3-е	<i>вэ=л=хэн</i>	<i>вэй=хэн</i>	<i>вэ=с=хэн</i>
Мн.	1-е	<i>вэ=л=эх_о</i>	<i>вэй=эх_о</i>	<i>вэ=с=эх_о</i>
	2-е	<i>вэ=л=тэх</i>	<i>вэй=тэх</i>	<i>вэ=с=тэх</i>
	3-е	<i>вэ=л=т</i>	<i>вэй=эт</i>	<i>вэ=с=эт</i>

Формы прошедших времен, перфекта и имперфекта, существовали не только в действительном, но и в страдательном залоге (пассиве), а также во всех парадигмах объектного спряжения. В наши дни форма прошедшего времени с суффиксом *=с=* используется очень редко, лишь в некоторых выражениях, например, *манси* ‘пойдёмте’ (см. в разделе 3.2.4.4). Во всех других диалектах хантыйского языка показатель прошедшего времени *=с=* употребляется по-прежнему. Возникает вопрос: почему он исчез из сургутского диалекта? В тех диалектах, в которых используются обе формы прошедшего времени, каждая выполняет свои функции: например, в ваховском форма с нулевым суффиксом служит

для выражения длительного действия, результат которого очевиден и в настоящем времени, а форма с показателем =с= употребляется для обозначения серии действий, следующих друг за другом.

Исходя из текстов, записанных Х. Паасоненом в начале XX в., в юганском говоре формы двух прошедших времен в тот период уже не различались по грамматическим функциям: носители языка использовали их независимо от временных отношений и вида. Естественным следствием этого стало исчезновение одной из форм прошедшего времени. Трудно сказать, по какой причине из употребления вышла именно форма с суффиксом =с= и почему сохранилась форма с нулевым показателем.

За последние сто лет упростилась и парадигма повелительного наклонения. В грамматических записях К. Ф. Карьялайнена и Х. Паасонена глагол в повелительном наклонении спрягался по трем лицам и трем числам, и не только в действительном, но и в страдательном залоге. В таблице отражены формы субъектного спряжения, но была записана также и парадигма объектного спряжения.

5.2.2.2. Полная парадигма повелительного наклонения

Спряжение глагола *вэ=та* ‘взять, брать’ представим в следующей таблице (субъектное спряжение повелительного наклонения) [Karjalainen–Vértés 1964: 268–285; Honti 1988: 186–187; Хонти 1993: 311–312] (табл. 41):

Таблица 41

Число	Лицо	Действительный залог	Страдательный залог
Ед.	1-е	<i>вэй=имәт</i>	<i>вэй=мус=энат</i>
	2-е	<i>вэй=ӓ</i>	<i>вэй= мус=энат</i>
	3-е	<i>вэй=эйӓт</i>	<i>вэй=мос=ат</i>
Дв.	1-е	<i>вэй=имәнӓт</i>	<i>вэй=мос=мэнат</i>
	2-е	<i>вэй=итән</i>	<i>вэй=мус=тэнат</i>
	3-е	<i>вэй=ихәнӓт</i>	<i>вэй=мус=хэнат</i>
Мн.	1-е	<i>вэй=ихӓӓт</i>	<i>вэй=мос=эхӓат</i>
	2-е	<i>вэй=итӓх</i>	<i>вэй=мос=тӓхат</i>
	3-е	<i>вэй=итӓт</i>	<i>вэй=мос=ат</i>

В грамматических записях К. Ф. Карьялайнена встречаются следующие формы:

а) глагол 1-го лица единственного числа повелительного наклонения действительного залога:

Лүв сӓмат тӓйӓл, ма мӓтали ал вэйимат. ‘Он смотрел, чтобы я ничего не взял собой’;

б) глагол 1-го лица двойственного числа повелительного наклонения действительного залога:

Мин лүват диптымэнат, кӓч ал диптымэнат, нӓнаты мӓвӓ вӓр. ‘Если мы его кормим или не кормим, это не твое дело’;

в) глагол 3-го лица единственного числа повелительного наклонения действительного залога:

Лүв вӓхӓл манӓ нӓк вэйат, лүв ал йишьӓйат. ‘Я отобрал его деньги, чтобы он не пил’;

г) глагол 1-го лице единственного числа повелительного наклонения страдательного залога:

Нүңаты мүвә вәр, күвәмусәмат күч ал. 'Это не твое дело, я напиваюсь или нет'.

На сегодняшний день глаголы повелительного наклонения имеют лишь одну личную форму – второго лица единственного, двойственного и множественного чисел. Остальные лица, как в действительном, так и в страдательном залоге, образуются аналитическим способом с помощью частицы *лүвә* 'пусть': *Өс Һаһ вәрәнтәт, нәң тьу ныңдән. Өс лүвә йәрнас вәрләт. Қәдтоҳил лүв йәрнасат вәрлөйәм.* 'Ваши жены хлеб испекли. Теперь пусть рубаху сошьют. На завтра пусть приготовит мне каждая по рубахе'. В фольклорных текстах изредка встречается и архаичная форма третьего лица: *Йәкә дәнләм, күч мүвәли вәлийәт* 'Войду я, пусть хоть кто там живет'. В мифической песне об охоте на шестиногого лося употребляется даже повелительное наклонение страдательного залога: *Йимән войәх қө тәй=мос=ән=ат.* 'Будь ты их священным животным (мужчиной)'.

По мнению Л. Хонти, в парадигме повелительного наклонения «собственно императивными можно считать только формы 2-го лица в действительном залоге. Во всех других используется усилительная частица *-ат/-әт*, которая присоединяется к личным суффиксам с показателем императива» [Хонти 1993: 312].

В формах повелительного наклонения страдательного залога легко обнаружить глагол *мос=та* 'приходиться, надо', который, претерпев грамматикализацию, стал суффиксом. Эта синтетическая форма уже не употребляется, но из глагола *мос=та* в повелительном наклонении путём другой грамматикализации образовался послелог, который примыкает к причастиям прошедшего времени: *вәхә тыв=м=ал мосат* 'пусть он появится здесь'.

5.2.2.3. Сослагательное наклонение

В начале XX в. К. Ф. Карьялайнен записал полную парадигму сослагательного наклонения ('я сделал бы'). Это были аналитические формы с частицей *ѓлэң*. К личным местоимениям добавлялась частица *п(э)*. В следующей таблице представлена парадигма спряжения глагола *мэ=та* 'давать' в 1-м лице единственного числа [Karjalainen – Vértes 1964: 275–276] (табл. 42):

Таблица 42

Время	Спряжение/Залог	По-хантыйски	По-русски
Настоящее	субъектное	<i>мамп ѓлэң мэ=л=эм</i>	я дал бы (теперь)
	объектное	<i>мамп ѓлэң мэ=л=эм</i>	я дал бы его (теперь)
Прошедшее несовершенное	субъектное	<i>мамп ѓлэң мэ=с=эм</i>	я дал бы (недавно)
	объектное	<i>мамп ѓлэң мэ=с=эм</i>	я дал бы его (недавно)
Прошедшее совершенное	субъектное	<i>мамп ѓлэң мэй=эм</i>	я дал бы (давно)
	объектное	<i>мамп ѓлэң мэй=эм</i>	я дал бы его (давно)
Настоящее	Страдательный залог	<i>мамп ѓлэң мэ=л=ѓй=эм</i>	мне дали бы (теперь)
Прошедшее несовершенное		<i>мамп ѓлэң мэ=с=ѓй=эм</i>	мне дали бы (недавно)
Прошедшее совершенное		<i>мамп ѓлэң мэй=ѓй=эм</i>	мне дали бы (давно)

5.2.2.4. Условное наклонение, условные причастия

В прошлом и при образовании условных предложений использовались синтетические формы, а точнее условные причастия с личными суффиксами, например: *мэй=ң=ам* 'если я дам', *мэй=ң=а* 'если ты дашь', *мэй=ң=ал* 'если он даст' и т. д. Но постепенно эти синтетические формы вытеснялись аналитическими. Данный процесс начался уже во времена К. Ф. Карьялайнена. Из двух его информантов лишь один

употреблял условное причастие с суффиксом *-н-*, другой, в свою очередь, уже тогда предпочитал частицу *кунтә* ‘когда, если’, например, в значении ‘если я дам’ он использовал сочетание *мадәм кунтә* [Karjalainen–Vértés 1964: 275]. В текстах Х. Паасонена показатель *-н-* встречается, но не последовательно. Значение ‘если ты проголодаешься’ в одном и том же абзаце передается двумя конструкциями: с помощью пассива (*сама вәлди*) и условного причастия (*сама вәлдән*) [Paasonen–Vértés 2001: 70]. В наши дни эта последняя конструкция характерна для фольклорных текстов. В разговорной же речи распространена аналитическая конструкция с частицей *кунтә*. Архаичные грамматические формы преимущественно сохраняются в произведениях устного народного творчества.

5.3. Синтаксис

В юганских текстах, записанных Х. Паасоненом сто лет назад, сложноподчиненные предложения и подчинительные союзы встречаются довольно редко. В современном языке подчинительные конструкции используются достаточно часто, часть союзов заимствована из русского языка. По мнению лингвистов, аналитические конструкции появляются в языке тогда, когда его носители вступают в тесный контакт с иноязычными народами. Аналитические конструкции дают говорящим возможность облекать свои мысли в более понятную форму. В русском языке, который стал контактировать с хантыйским, уже существовали модели аналитических конструкций. Именно этим объясняется многочисленность союзов русского происхождения в современном хантыйском языке.

5.4. Лексика

Изменения в словарном составе легко прослеживаются и в наши дни: одни лексемы исчезают, появляются новые. В

текстах Х. Паасонена было сравнительно мало русских заимствований, например: *таварэшт* 'товарищ', *крэкаң йоҳ* 'грешные люди', *пасипитаҳ* 'спасибо вам'. Последнее интересно тем, что в наши дни слово *пасипа* (> *спасибо*) не склоняется. Тексты Х. Паасонена – свидетели тех времен, когда язык еще мог адаптировать заимствования к своей системе. Подобно архаичным грамматическим конструкциям слова-архаизмы в основном сохраняются в фольклорных текстах. О языке (песенного) фольклора см. следующий раздел **6**.

6. ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИКИ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА

Исследователям языков и культуры обских угров уже давно известно, что язык фольклора, в частности песенный язык, отличается от повседневной разговорной речи. Он существует по своим правилам, отличным от закономерностей построения разговорной речи. Первым песенный язык манси проанализировал венгерский ученый Бела Кальман¹⁰. Собранные им песни позднее легли в основу исследования американского ученого Роберта Аустерлица¹¹. Несколько работ о языке фольклора северных ханты было написано немецким ученым Вольфгангом Штейницем¹². Сбор северо-хантыйских песен и их тщательный анализ проведен Евой Шмидт¹³. Языковые особенности фольклора восточных, в частности сургутских ханты, частично совпадают, но в чём-то и различаются.

Язык песен является средством коммуникации, однако передача сообщения происходит с помощью иных, чем в разговорной речи, средств. Понимание песни, особенно мифической, зависит не от знания значений отдельных слов, а от того, принадлежит ли слушатель к общей куль-

¹⁰ Kálmán B. 1962. Über die Rolle der Füllworte und Füllsilben in den wogulischen Liedern // MSFOu. 125. Helsinki. pp. 177–193.

¹¹ Austerlitz R. 1958. Ob-Ugric Metrics. FFC 174. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica.
Austerlitz R. 1968. Das Inandergreifen von Text und Melodie im wogulischen Volkslied // CIFU–2 II: 94–101. Helsinki.

¹² Steinitz W. 1939/1975. Zur Morphologie der Sprache der Folklore // Ostjakologische Arbeiten I. Akadémiai, Budapest: pp. 225–230.

Steinitz W. 1941/1976. Zur ostjakischen und wogulischen Volksdichtung // Ostjakologische Arbeiten II. Akadémiai, Budapest. pp. 1–61.

¹³ Шмидт Е. 1985. Соотношение музыки, стихосложения и стиля в народной поэзии северных ханты // CIFU–6. Acta Sessionum. Sectio Folkloristica. Budapest. С. 231–237.
–1995. Основы метрики в северохантыйском песенном творчестве: внутрискоточный уровень // История и культура хантов. Томск: Изд-во Томского университета. С. 121–152.

турной традиции. В разговорной речи для донесения информации необходимо учитывать, чтобы предложения были правильно построены с точки зрения фонетики, морфологии, синтаксиса, чтобы они были семантически однозначны и соответствовали принципу языковой экономии. В языке же песен все эти критерии становятся второстепенными. Здесь наиболее важным является не сам факт передачи информации, а то, каким образом носители общей культурной традиции делятся своими знаниями. Во время пения исполнитель должен следить за правильной просодией, благозвучием, а также за тем, чтобы максимально точно воспроизвести текст песен, не привнося изменений, то есть так, как он был услышан исполнителем ранее. Таким образом постепенно накапливаются расхождения в грамматике между языком песни и разговорной речью. Различия наблюдаются на всех уровнях языка: в фонологии, морфологии, синтаксисе, а также лексике.

Данное явление будет проиллюстрировано ниже. Источником примеров являются материалы, собранные автором в 1990-х гг. в бассейне рек Тромъёган и Большой Юган.

6.1. Правильная просодия

Во время исполнения певец накладывает текст на определенную мелодию. Особенностью устного народного творчества является то, что при каждом новом исполнении одна и та же песня звучит по-разному. Для мифических песен характерна меньшая степень импровизации, чем, например, для личных, которые отличает более свободное построение. Каждый раз в момент исполнения певец решает, каким образом достигнет соответствия песни требованиям метрики и просодии. Правильная просодия подразумевает, что длина строки текста совпадает с продолжительностью музыкальной строки и ударения в тексте соответствуют музыкальным акцентам. Для того, чтобы

добиться этого певец включает в текст дополнительные слова, понятные слушателям либо являющиеся забытыми архаизмами, добавляет слоги или же, наоборот, опускает некоторые форманты и сочетания звуков.

6.1.1. Дополнительные элементы

В песенном языке обских угров предложение, включающее сложные определительные конструкции, может быть растянуто на несколько строк. Вступительная строка обычно содержит обстоятельство места или времени. За ней следуют так называемые именные строки, включающие имена прилагательные и существительные. Стоящий в конце предложения глагол составляет отдельную строку. В именных строках к концу слов могут присоединяться дополнительные слоги *а, ө, йа, йө, ха, хө* или лексемы, потерявшие свое значение. В глагольных строках добавочные элементы могут встречаться и в середине слов.

Для примера рассмотрим песню Казымской богини, исполненную на сургутском диалекте, с размером 2 2 2 2, состоящим из четырех стоп, каждая из которых содержит два слога. Ударные слоги подчеркнуты, именные строки обозначены буквой И, а глагольные буквой Г:

<i>Йүтән йүхпи йцмән пайа</i>	И	На слоистую древесную святую кучу
<i>манә йөвтыдэли нына,</i>	Г	прибыла я, женщина,
<i>йүтән пөмпнн йцмән пайа</i>	И	на слоистую травянистую святую кучу
<i>манә йөвтыдэли нына.</i>	Г	прибыла я, женщина.

Если этот текст исполняется на другую мелодию, имеющую ритм 3 3 3 3, то к каждой стопе добавляется один слог. Текст в этом случае выглядит следующим образом (дополнительные элементы заключены в скобки):

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИКИ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА

<i>Йүтән(а) йүхпи(йө) йүмән(а)</i>	И	На слоистую древесную святую кучу
<i>пайа(хө)</i>		
<i>манә(йа) йөвты(йө)дэли ныңа(хө),</i>	Г	прибыла я, женщина,
<i>йүтән(а) пөмпи(йө) йүмән(а)</i>	И	на слоистую травянистую святую кучу
<i>пайа(хө)</i>		
<i>манә(хә) йөвты(йө)дэли(ха)</i>	Г	прибыла я, женщина.
<i>ныңа(хө).</i>		

В именных строках с двухсложными словами дополнительные элементы присоединяются к концу слова, а в глагольных строках добавочный элемент вставляется внутрь глагола, чтобы его третий слог с дополнительным ударением (*йөвтыдэли*) оказался в начале стопы. Полный гласный звук [э] в этом слове выступает вместо неполного [ә] из-за требования благозвучия, о котором говорится ниже.

Слово *ныңа*, стоящее в конце глагольной строки, является необходимым: благодаря ему слушатель узнает, где конец предложения, и так может легче усвоить значение сложного высказывания, нередко растянутого на несколько строк. *Ныңа* означает ‘женщина’, хотя в этой форме в разговорном языке слово не используется: его можно встретить в мифических песнях о богинях. В других песнях для обозначения завершения предложения в конце глагольных строк может употребляться элемент *лүв* ‘пусть’ или *мәнтә* ‘идущий’. Данная функция добавочных элементов, а именно участие в синтаксическом оформлении предложения, наблюдается лишь в сургутском диалекте.

Для того чтобы длина строки текста соответствовала продолжительности музыкальной строки, могут опускаться отдельные гласные или целые суффиксы (отрывок из песни о шестиногом лосе – опущенные гласные заключены в квадратные скобки):

<i>Қөлт[ә] қят[ә]д алән вәртә латнә</i>	Завтра с наступлением утра
<i>мәкәл(ә) пунни тәрам ньёв</i>	небесного лося с шерстью цвета водяники
<i>ма лимәхтә войәх лимәлтаңкан</i>	животное преследовать
<i>ма (нүң) сөчил(ә)там лүв.</i>	вот я отправляюсь.

Следующий отрывок взят из песни богини *Луҳас*, которая на веревке, держащей люльку, отмеряет продолжительность жизни ребенка. В прилагательном *ван* ‘короткий’ отсутствует суффикс превратительного падежа =хә, но это совершенно не мешает слушателю воспринимать и понимать песню, так как при существовании общего культурного знания и использовании определенных ключевых слов структурно-неполные предложения также способны передавать информацию:

<i>Ван[хә] воһьвә (ныңа) онтәп нурәл</i>	Веревку, которую надо отрезать
<i>(ныңа)</i>	коротко,
<i>ван[хә] воһьи(ныңа)ләхләм (ныңа)</i>	на короткую отрезаю,
<i>қәкқә воһьвә (ныңа) онтәп нурәл</i>	веревку, которую надо отрезать
<i>(ныңа)</i>	длинно,
<i>қәкқә воһьи(ныңа)ләхләм (ныңа).</i>	на длинную отрезаю.

Данное явление наблюдается и в других жанрах фольклора, например, в загадках. Некоторые предложения понятны слушателю как без падежных суффиксов, так и без послелогов, например, *Йәңк сот сәм* ‘[под] водой сто глаз (букв. вода сто глаз)’. Все ханты знают, что речь здесь идет о рыболовной сети.

6.2. Благозвучие

При исполнении песен очень важным является выразительное звучание. Для соблюдения этого требования фонетические и фонологические закономерности языка нередко видоизменяются. Согласно одной из таких закономерностей, хантыйский язык избегает стечения гласных. Разъединение двух гласных на стыке морфем достигается посредством добавления согласных [й] или [х] (см. 2.3). Однако в песнях сочетание гласных избегается не

только на границе морфем, но и на стыке слов:

Семан ики (х)әнәл әви ‘старшая дочь деда Семёна’.

С целью благозвучия перед словами, начинающимися с гласного, вставляются согласные *х* и *н*, хотя в разговорном языке они могут стоять только в середине слова:

(н)иттәнә ылә қоләқсәв дүв ‘вечером мы легли спать’;

(х)ай воц қәри сәчәм нә ‘по маленькой городской улице ходившая женщина’.

Для соблюдения требования благозвучия в песнях появились суффиксы или варианты суффиксов, которые содержат полные гласные или сонорные согласные (носовые или плавные согласные), например, формант =*ла* в строке *вәнт тәнтәх=ла* *(х)әллә қынтәм* ‘мой большой кузов из лесной бересты’. Той же цели служат и полные гласные в глагольных формах *йәвтылдәли* ‘приходит’, *сәчилдәтам* ‘отправляюсь’ и т. д. Данное явление характерно не только для сургутского диалекта. Вольфганг Штейниц выявил подобные морфологические элементы и в фольклоре северных ханты [Steinitz 1939/1975].

6.3. Сохранение архаичных грамматических форм

6.3.1. Условное причастие с суффиксом –*н*

В текстах песен сохранились архаичные элементы, которые уже исчезли из разговорного языка. Они выполняют стилистическую функцию, придавая тексту торжественность. Одним из таких архаичных элементов является, например, условное причастие с суффиксом *-н*, которое встречается лишь в фольклоре, включая его прозаические жанры. В начале XX в. оно еще употреблялось в разговорном языке (например, *мәнңам* ‘если я иду’), но в настоящее время условные предложения образуются по-другому: с помощью причастия настоящего времени и частицы =*ка*/=*қа* (*мәнтамка*) или союза *кунтә* ‘если’ (*мәнләм кунтә* см. 3.3.1). Мифическая песня о шестиногом лосе завершается следующим образом:

(х)äвэлäх кә **вйдаң** пә
äвэлäх нэ(хө) **вйдаң** пә(хө)
ээл нүңа (х)äвэлли(йө)лэмал
мосат.

Неверующий мужчина если был бы,
неверующая женщина если была бы,
впредь пусть верят они.

6.3.2. Причастия в функции сказуемого

В разговорной речи и даже в прозаических жанрах фольклора сургутских ханты причастия настоящего и прошедшего времени не используются в роли сказуемого. Однако в песнях в этой функции они встречаются довольно часто, выступая в качестве синонимов финитных глаголов. При этом семантического различия между причастиями с личными показателями и спрягаемыми глаголами не существует. Отличие является лишь стилистическим, ведь цель исполнителя песни заключается в демонстрации богатства языка, для чего он использует все возможные грамматические вариации.

В одной из песен для передачи значения «я отрежу» исполнитель использует то финитный глагол настоящего времени (*сäврэмхә=л=ам*), то причастие настоящего времени с показателем лица (*сäврэлә=т=ам*). А в одном месте, когда строка повторяется, исполнитель употребляет сразу две синонимичные формы:

<i>Саңки(йахө) йәрхәт(ө) йәм поънә(хө)</i>	У обледенелого края небосвода
<i>кут кōтәп-күрәп(а) тәрәм ньөвам(а)</i>	моего шестирукого-шестиногого небесного лося
<i>пыр күрхәл ма сäврэмхәдам(о),</i>	две задних ноги отрежу
<i>ма тәт сäврэлә=т=ам.</i>	я там отрежу.

Другой пример:

<i>Бу латы (нўна) қёл өвтәтнә(хө)</i>	И	После этого
<i>қйрән пухал(а) қйринә</i>	И	на просторной площадке между домами
<i>лай войәх(и)ла сөвәп-йуққәна</i>	И	со шкурой <i>лай</i> -животного в два дерева
<i>номән(а) пуцидә(хә)там.</i>	Г	сверху залезу.
<i>Вөнт тәннәхди(йо) (х)әллә қынтәм</i>	И	Мой большой кузов из лесной бересты
<i>йув ади (нўна) дәнқәр вон</i>	И	на плечи мои, дрова носящие,
<i>нөм[ә]на рәхи(йө)йәтам (мәннәхө).</i>	Г	сверху наброшу.

Данное явление встречается не только в мифических песнях. Его можно наблюдать и в текстах личных песен, которые могут исполняться в обычной обстановке.

<i>Ат[ы]д нэврэмәм йәм пыри</i>	За единственным моим ребенком
<i>(х)ай воч қөри сөчдәм нә,</i>	хожу я, женщина, по улице маленького города,
<i>әнәд, воч қөри сөчдәм нә,</i>	хожу я, женщина, по улице большого города,
<i>Папа (х)аңки арәх=т=ал.</i>	мать Папы поет.

Пользуясь случаем заметим, что в северных диалектах хантыйского языка причастия в функции сказуемого перешли в разряд финитных глаголов, обозначающих неочевидность действия. В этом заключается одно из значительных различий между северными и восточными диалектами хантыйского языка.

6.3.3. Повелительное наклонение в страдательном залоге

В современном хантыйском языке парадигмы повелительного наклонения в страдательном залоге не существует. В начале XX в. она еще использовалась, но на сегодняшний день сохранилась лишь в текстах песен. Например, Небесный охотник так обращается к шестиногую лосю, после того как он отрубил ему две ноги и нарисовал его силуэт на небе:

<i>Бэл тывтә нүң ноҳар пайқи,</i> <i>ъэл тывтә нүң пэв пайқи,</i> <i>тывтә датнә тый=мөс=ән=ат,</i> <i>йимәң(а) войәх қө</i> <i>тый=мөс=ән=ат.</i>	При появлении кедровых шишек-кукол, при появлении других шишек-кукол при появлении пусть они обладают тобой, будь для них святым животным-мужчиной.
--	--

Значение повелительного наклонения в страдательном залоге можно выразить и с помощью послелога *мосат*, который представляет собой форму глагола *мосәл* 'надо' в повелительном наклонении 3-го лица единственного числа. Послелог *мосат* присоединяется к причастию прошедшего времени, оформленному личным суффиксом. Это еще одна архаичная конструкция, сохранившаяся лишь в фольклорных текстах.

<i>(х)әвәдәх қө вайдан пә</i> <i>әвәдәх нә(хө) вайдан пә(хө)</i> <i>ъэл нүңа (х)әвәди(йө)дә=м=ал</i> <i>мосат.</i>	Неверующий мужчина, если был бы, неверующая женщина, если была бы, впредь пусть верят они.
---	--

6.3.4. Архаичные лексические элементы

Архаичные выражения, не употребляемые в разговорном языке, отчасти служат для оформления определенного песенного метра. Это ярко видно на примере обстоятельства времени, которое стоит в самом начале предложения и является слишком коротким для музыкальной строки. К простым наречиям добавляются элементы, которые на сегодняшний день практически невозможно проанализировать. Например, трехсложное выражение *бу датнә* 'тогда' растягивается в десятисложную строку следующим образом: *Бу латы (нүңа) қөл өвтәтнә(хө)* 'на какой-нибудь поверхности того времени'.

Некоторые выражения встречаются только в языке песен:

Пыр қйт[ә]л датнә қөтләпты На другой день на рассвете
вәнчанә дүв қөтләпты пөчанә дүв спереди как только рассвело
қөтләпты, нөқ нүн килдиләм(ә) позади как только рассвело я
дүв. точно встану.

В основе форм *вәнча=нә* ~ *пөча=нә* лежат лексемы *вәнч* ‘лицо’ и *пөч* ‘спина’, но в значении ‘спереди’ ~ ‘позади’ в разговорной речи они не употребляются.

Также ничего не известно о животном *лай*, которое часто упоминается в песнях. Но если кто-то знаком с песенной традицией сургутских ханты, то догадается, что в следующем отрывке речь идет о надевании лыж:

Лай войәх(и)ла сөвәп-йүқкәна нәмәна В два дерева со шкурой *лай-*
пулдә(хә)там. животного сверху залезу.

В мифических песнях для усиления эффекта чужеродности или избыточности используются и слова из других диалектов. В примере, приведенном ниже, лексемы *әллә* ‘большой’ и *ләңкәр* ‘плечо’ взяты не из сургутского, а из соседнего ваховского диалекта. Рядом со словом *ләңкәр* употреблен и его сургутский эквивалент *вон* ‘плечо’.

Бу даты (нүнә) қөд өвтәтнә(хө) қәрән После этого на просторной площадке
пухәл(а) қәринә лай войәх(и)ла сөвәп- между домами в два дерева со шкурой *лай-*
йүқкәна нәмән(а) пулдә(хә)там. животного сверху залезу.

Вөнт төнтәхди(йо) (х)әллә қынтәм
йүв әди (нүнә) ләңкәр вон нәм[ә]на Мой большой кузов из лесной бересты на
рәхи(йө)йәтам (мәнтәхө). плечи мои, дрова носящие, сверху
наброшу.

6.4. Избыточность

В повседневной речи говорящий стремится построить предложения максимально понятно и с языковой точки зрения экономно. Перед исполнителем песен таких задач не стоит, его цель – выразиться красиво. Основными средствами поэтического языка являются употребление в параллельных строках синонимов и антонимов, постоянные

эпитеты, редупликация корней слов, метафоры. Вследствие повторов язык становится избыточным: то есть то, что в разговорной речи можно выразить тремя словами, в песне передается целой строфой. К примеру, возьмём предложение «Я очень рада, что завершила мою работу». «Я очень рада» – это три слова. Казымская же богиня радуется в своей песне следующими образом:

*Нь́алкэм(а) ныңэ(хө) көтам(а) йэм
йүт(а), нь́алкэм(а) куйэ(хө) кўрам(а)
йэм йүт(а) нёк пи нь́алқи(йө)лэхлэм
(мэнтэхө).*

Радостная женщина, хороший сустав
моей руки, радостный мужчина,
хороший сустав моей ноги, вот я так
радуюсь.

БИБЛИОГРАФИЯ

**Список публикаций по языку
и культуре сургутских ханты**

1. **Балалаева О. 1999.** Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). Екатеринбург: Тезис, 1999. 216 с.
2. **Вэлла Ю. 2010.** Река Аган со притоками. Опыт топонимического словаря. Бассейн реки Аган. Часть первая. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 146 с.
3. **Диденко А.В. 2010.** Категория императива в угорских языках. Томск: Изд-во Том. политехнического ун-та, 2010. 182 с.
4. **Дунин-Горькавич А.А. 1904–1911.** Тобольский Север I–III. Тобольск, 1904, 1910, 1911 (Репринтное издание 1966).
5. **Дунин-Горькавич А.А. 1910.** Русско–остяцко–самодийский практический словарь наиболее употребительных слов. Тобольск, 1910. Репринтное издание: Сургут: Админ. Сург-ого района, 1998. 88 с.
6. **Главан А.А. 2006а.** Имя числительное в диалектах хантыйского языка (сопоставительный аспект). Дисс. уч. ст. к-а филол. н. Томск, 2006. 173 с.
7. **Главан А.А. 2006б.** Имя числительное в диалектах хантыйского языка (сопоставительный аспект). Автореф. дисс. уч. ст. к-а филол. н. Томск, 2006. 24 с.
8. **Глушак В.М. 2006.** Хантыйско-русский словарь (сургутский диалект). Сургут: Изд-во СурГУ, 2006. 107 с.
9. **Глушак В.М. 2013.** Контаминация и пуризм как две противодействующие тенденции в развитии сургутского диалекта хантыйского языка. // *Linguistica Uralica* XLIX. 2013. С. 214–222.
10. **Гуя Я., Шал Е. 1976.** Обско-угорские языки // Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редеев К. (ред.) Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука 1976. С. 229–341.
11. **Зауер Г. 1995.** К вопросу о современном развитии хантыйского языка // Заиц Г. (ред.) Вопросы уральских

- литературных языков. *Linguistica Series A/ 17*. Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet, 1995. С. 132–133.
12. **Карпетова И.А., Китова Л.Ю. 2006.** Раиса Павловна Митусова // Археология, Этнография и Антропология Евразии. Новосибирск, 2006. 25 (1): С. 153–159. [<http://www.archaeology.nsc.ru/ru/publish/journal/doc/2006/251/12.pdf>]
 13. **Карьялайнен К. Ф. 1996.** Религия угорских народов. Перевод Н. В. Лукиной. Т. 1–3. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995., 1996.
 14. **Кережи А. 1994.** Взгляд на мир хантыйского шамана (сюрреализм и реальность) // International Conference "Ethnic Traditional Culture and Folk Knowledge" Moscow Institute of Ethnology and Antropology, 1994. С. 59–60.
 15. **Кережи А. 1995.** Особенности восточно-хантыйского шаманизма в наши дни // Народы Сибири 2. М., 1995. С. 38–54.
 16. **Кережи А. 2000.** Современные явления в духовной культуре восточных хантов // Этнография народов Западной Сибири. Сибирский этнографический сборник Вып. 10. М., 2000. С. 177–190.
 17. **Кережи А. 2001а.** Особенности получения шаманского дара у сургутских хантов // Экологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 7. Часть 2. М., 2001. С. 8–17.
 18. **Кережи А. 2001б.** Структура шаманского обряда у сургутских хантов // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VII. Tartu, 2001. С. 75–83.
 19. **Кошкарёва Н.Б. 2001.** Полипредикативные конструкции с инфинитными формами глагола в казымском и сургутском диалектах хантыйского и ненецком языках // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars V. Dissertationes sectionum: Linguistica II. Tartu. 2001. С. 121–133.
 20. **Кошкарёва Н.Б. 2002.** Коммуникативная парадигма хантыйского предложения (на материале казымского диалекта) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 12. Новосибирск, 2002. С. 29–44.
 21. **Кошкарёва Н.Б. 2004.** Принципы классификации полипредикативных конструкций в уральских языках Сибири

- (хантыйском и ненецком) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 14. Новосибирск, 2004. С. 121–131.
22. **Кошкарёва Н.Б. 2005а.** Синтаксические средства выражения пространственных отношений (на материале уральских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. Раздел II. Глава 3. С. 74–119.
23. **Кошкарёва Н.Б. 2005б.** Способы выражения модус-диктумных отношений в уральских языках Сибири (на материале хантыйского и ненецкого языков) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. Раздел III. Глава 4. С. 169–195.
24. **Кошкарёва Н.Б. 2007а.** Средства выражения актуального членения в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении с другими уральскими языками и диалектами хантыйского языка) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Том 6, вып. 2: Филология. С. 34–43.
25. **Кошкарёва Н.Б. 2007б.** Временные синтетические полипредикативные конструкции с инфинитными формами глагола в форме местно-творительного падежа в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении со смежными хантыйскими и ненецкими диалектами) // Сибирский филологический журнал. №3. Новосибирск, 2007. С. 147–162.
26. **Кошкарёва Н.Б. 2007в.** Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2007.
27. **Кошкарёва Н.Б. 2013.** Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения № 3 (14) 2013. С. 47–78.
28. **Кошкарёва Н.Б. 2014.** Глагольное словообразование в сургутском диалекте хантыйского языка (по материалам «Словаря восточнохантыйских диалектов» Н. И. Терёшкина) // Вестник угроведения № 1 (16) 2014. С. 23–45.
29. **Кулемзин В.М. 1984.** Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та. 1984. 191 с.

30. **Кулемзин В.М. 2000.** (рук. колл-а) Мифология хантов. Энциклопедия уральских мифологий III. Томск: Изд-во Томского Университета. 2000. 310 с.
31. **Кулемзин В.М., Лукина Н. Б. 1973.** Легенды и сказки хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та. 1973.
32. **Лукина Н.В. 1973.** Терминология родства хантов р. Аган // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 158–160.
33. **Лукина Н.В. 1976.** Некоторые вопросы этнической истории восточных хантов по данным фольклора // Языки и топонимия. Томск. 1976. С. 158–161.
34. **Лукина Н.В. 1990.** (ред.) Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука. 1990.
35. **Лукина Н.В. 2009–2010а.** Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Т. 3. Юган. Томск: Изд-во Томского ун-та. 2009–2010. 296 с.
36. **Лукина Н.В. 2009–2010б.** Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Т. 4. Аган. Пым. Томск: Изд-во Томского ун-та. 2009–2010. 332 с.
37. **Лукина Н.В. 2010.** Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Т. 5. Конда. Тромъёган. Лямин. Казым. Томск: Изд-во Томского ун-та. 2010. 400 с.
38. **Лукнна Н.В., Кулемзин В.М. 1976.** Новые данные по социальной организации восточных хантов // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 21. С. 232–240.
39. **Лукина Н.Б., Кулемзин В.М. 1992.** Знакомьтесь: Ханты. Новосибирск: Наука. 1992. 136 С.
40. **Мартин Ф.Р. 2004.** Сибирика. Екатеринбург – Сургут: «Уральский рабочий». 2004. 144 с., ил.
41. **Митусова Р.П. 1925.** О народе «Пян-Хазово»: [Исследование антропологом и этнографом Митусовой населения верховьев рр. Пур, Аган и Надым] // Северянин. 1925. 1 мая.
42. **Митусова Р.П. 1926а.** Межвежий праздник у аганских остяков Сургутского района // Тобольский край. Тобольск: Тип. "Северянин", 1926. № 1 (март). С. 11–14.
43. **Митусова Р.П. 1926б.** Аганские остяки (Антрополого-статистический очерк) // Урал: технико-экономический

- сборник. Свердловск, 1926. Вып. 8: Уральский Север. Ч. 1. С. 135–139.
44. **Митусова Р.П. 1926в.** Поездка на Обско-Тазовский водораздел // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Л.: Гос. Русский музей, 1926. С. 79–81.
45. **Митусова Р.П. 1929.** Год среди лесного народа // Вокруг света, 1929. № 14. С. 12–15.
46. **Назаренко Р. 2000.** Сравнительная характеристика шаманских сеансов восточных хантов // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum, Pars III.* Tartu, 2000. С. 58.
47. **Николаева И.А. 1995.** Обдорский диалект хантыйского языка. *Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, Heft 15.* Hamburg, 1995. 256 с.
48. **Новицкий Г. 1715/1941.** Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск 1941. 109 с.
49. **Перевалова Е.В., Карачаров К. Г. 2006.** Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург, Нижневартковск: Северная Археология. 2006.
50. **Песикова А.С. 1997.** Этика поведения этнографа на стойбище // Сборник научных трудов 3. Сургут: Сургутский государственный университет 1997. С. 217–224.
51. **Песикова А.С. 2004а.** Сургутские ханты // Встреча родов ханты. Материалы межрегион. детской этнографической экспедиции. Сургут: Сургутская типография, 2004. С. 74–77.
52. **Песикова А.С. 2004б.** Современное социально-экономическое положение сургутских ханты // Ромбандеева Е. И., Харамзин Т.Г. (ред) Сохранение традиционной культуры коренных народов Севера. М., 2004. С. 456–465.
53. **Песикова А.С. 2005.** Сургутские ханты // Куцев Г. Ф. (гл. ред.) Югория: энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, Екатеринбург, 2005. Т. 4. С. 295–296.
54. **Песикова А.С. 2006а.** Взгляд изнутри культуры. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. 98 с.
55. **Песикова А.С. 2006б.** История создания фольклорного архива сургутских ханты // Попова С.А. (ред.) История и современность: воспоминания сотрудников ОУИПИиР. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. С. 19–22.

56. **Песикова А.С. 2007.** Система букв на основе кириллицы, разработанная Н. И. Терёшкиным // Величко Н. И. (сост): Актуальные проблемы разработки учебно-методических комплексов по хантыйскому и мансийскому языкам, литературе и культуре. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. С. 105–109.
57. **Песикова А.С. 2010а.** Принципы отношения юганских ханты к природе // Ромбандеева Е. И. и др. (ред) Мировоззрение обских угров в контексте языка и культуры. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. С. 345–353.
58. **Песикова А.С. 2010б.** Традиционное воспитание детей сургутских ханты // Ромбандеева Е. И. и др. (ред) Мировоззрение обских угров в контексте языка и культуры. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. С. 380–385.
59. **Песикова А.С. 2010в.** Некоторые положения этнопедагогики сургутский ханты применительно к работе школы-интерната // Вестник угроведения. № 1 (3). С. 81–84.
60. **Соловар В.Н., Нахрачева Г.Л., Шиянова А.А. 2016.** Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. 348 с.
61. **Сопочина А.С. 2004.** Дневник экспедиции // Встреча родов ханты : материалы межрегион. детской этнографической экспедиции. Сургут: Сургутская типография, 2004. С. 11–32.
62. **Сирелиус У. Т. 2001.** Путешествие к хантам. Пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 342 с.
63. **Тахтуева А.М. 1993.** Материальная культура юганских ханты. Сургут: Северный Дом. 1993.
64. **Терёшкин Н.И. 1981.** Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 544 с.
65. **Фильченко А.Ю. 2010.** Аспекты грамматики восточно-хантыйских диалектов. Томск: Изд-во ТГПУ, 2010. 553 с.
66. **Хайду П. 1985.** Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 431 с.
67. **Хаваш Ф. и др. 2015.** = Хаваш Ф., Чепреги М., Ф. Гуяш Н., Нэмет С. Типологическая база данных угорских языков. Будапешт: ЭЛТЕ, Кафедра финно-угроведения. 2015. [<http://utdb.elte.hu>]

68. **Хонти Л. 1993.** Хантыйский язык // Ярцева В. Н. (ред.) Языки мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 300–319.
69. **Чепреги М. 2004.** Сургутский диалект хантыйского языка за сто лет // Н. В. Лукина (ред.): Языки и культура народов ханты и манси. Часть 2. Филология. Томск: Изд-во Томского Ун-та, 2004. С. 104–114.
70. **Чепреги М. 2010.** Причастные обороты со словом ТАХИ в хантыйском языке // Zaicz G. (ed.): Uralistics from Hungary – Уралистика из Венгрии. Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum, Piliscsaba, 2010. С. 10–18.
71. **Чепреги М. 2011а.** Одна из загадок в исследовании обско-угорских языков // Рябчикова З. С., Дмитриева Т. Н. (ред.): По следам Евы Шмидт. Ханты-Мансийск: Редакционно-издательский отдел АУ ДПО ХМАО – Югры «Институт развития образования». 2011. С. 51–57.
72. **Чепреги М. 2011б.** Восточно-хантыйские записи К. Ф. Карьялайнена (конец XIX – начало XX века) // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars IV. Piliscsaba 2011. С. 53–60.
73. **Чепреги М. 2014.** Выражение субъективной модальности в сургутском диалекте хантыйского языка // Вестник Угроведения № 1 (16) 2014. С. 88–98.
74. **Чепреги М. 2015.** Маркирование агенса инфинитных конструкций в сургутском диалекте хантыйского языка // Вестник Угроведения № 4 (23) 2015. С. 69–77.
75. **Шмидт Е. 2011.** Образцы вариантов письменной фиксации хантыйского языка // Рябчикова З. С., Дмитриева Т. Н. (ред.): По следам Евы Шмидт. Ханты-Мансийск: Редакционно-издательский отдел АУ ДПО ХМАО – Югры «Институт развития образования». 2011. С. 25–50.
76. **Abondolo D. 1998.** Khanty // Abondolo D. (ed.): The Uralic Languages. London – New York: Routledge, 1998. pp. 358–386.
77. **Barkalaja A. 1996.** A Continuing tradition: The Changing of Spirit Dolls by the Pim River Khanties // Studies in Folklore and Popular Religions 1. pp. 125–132.
78. **Barkalaja A. 1997.** On the Sacrificial Rituals of the Pim River Khanties in December 1995 // Pro Ethnologia 5. pp. 57–68.

79. **Barkalaja A. 1999.** On the Sacrificial Rituals of the Pim River Khanties. Part Two // *Pro Ethnologia* 8. pp. 57–72.
80. **Barkalaja A. 2002.** Sketches Towards a Theory of Shamanism: Associating the Belief System of the Pim River Khanties with the Western World View. Tartu: Tartu University Press. 184 p.
81. **Castrén M. A. 1849.** Versuch einer ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. Nordische Reisen und Forschungen. St. Petersburg, 1849. 102 p.
82. **Castrén M. A., Schiefner A. 1858:** Versuch einer ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. Zweite verbesserte Auflage. Nordische Reisen und Forschungen 6. St. Petersburg, 1858. 125 p.
83. **Csepregi M. 1995.** Die Schriftlichkeit im Ostjakischen – Probleme in der Textherausgabe in der Surguter Mundart des Ostjakischen // Zur Frage der uralischen Schriftsprachen. Hrsg. Gábor Zaicz. *Linguistica Series A/ 17.* Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet, 1995. pp. 135–139.
84. **Csepregi M. 1996.** Surgutin hantien karhulaulujen kielenpiirteitä // *Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum 8 / IV.* Jyväskylä, 1996. pp. 271–275.
85. **Csepregi M. 1997a.** Adalékok a szurguti osztják rokonságnevek kérdéséhez // *Magyar Nyelv* 93. 1997. pp. 446–451.
86. **Csepregi M. 1997b.** Szurguti osztják medveünnepi énekek nyelvi jellemzői // *Folia Uralica Debreceniensia* 4. 1997. pp. 53–59.
87. **Csepregi M. 1997c.** Az osztjások (hantik) általános ismertetése // Lázár Katalin (szerk.): *Tanulmányok a szurguti osztják kultúráról.* Budapest: Néprajzi Múzeum, 1997. pp. 5–12.
88. **Csepregi M. 1997d.** Mutatványok a szurguti osztják folklór műfajaiból // Lázár Katalin (szerk.): *Tanulmányok a szurguti osztják kultúráról.* Budapest: Néprajzi Múzeum, 1997. pp. 59–104.
89. **Csepregi M. 1997e.** General information about the Ostyaks (Khantys) // Katalin Lázár (edit.): *Studies on Surgut Ostyak Culture.* Budapest: Museum of Ethnography, 1997. pp. 5–12; *Acta Ethnographica Hungarica* 42. pp. 275–284.
90. **Csepregi M. 1997f.** Samples from the Genres of Ostyak folklore // Katalin Lázár (edit.): *Studies on Surgut Ostyak Culture.* Budapest:

- Museum of Ethnography, 1997. pp. 59–107; *Acta Ethnographica Hungarica* 42: 285–348.
91. **Csepregi M. 1998.** Szurguti osztják chrestomathia. *Studia uralo-altaica supplementum* 6. Szeged. 1998. 183 c.
 92. **Csepregi M. 1999a.** Modalitást kifejező igenévi szerkezetek az osztjákban // Budapesti Uráli Műhely I. Ugor Műhely. Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet, 1999. pp. 9–18.
 93. **Csepregi M. 1999b.** Kaikuuko sankarilaulu Objoen rannalla? // *Sananjalka* 41. 1999. pp. 248–254.
 94. **Csepregi M. 1999c.** New Data Concerning Kinship Terminology of Surgut Ostyaks // C.Hasselblatt–P. Jääsalmi–Krüger (Hrsg.): *Europa et Sibiria. Gedenkband für Wolfgang Veenker. Veröffentlichungen der Societas uralo-Altaica, Band 51*, Wiesbaden: Harrassowitz, 1999. pp. 73–79.
 95. **Csepregi M. 1999c.** Rencontre du passé du présent dans la région de l’Ob // *Études Finno-Ougriennes* 31. 1999. pp. 7–18.
 96. **Csepregi M. 2000.** Jankó János osztják szójegyzéke // Jankó János: *Utazás Osztjákföldre. Series Historica Ethnographiae* 11. Budapest: Néprajzi Múzeum, 2000. pp. 375–391.
 97. **Csepregi M. 2001.** Az osztják ’néz’ ige jelentésánához // *Néprajz és Nyelvtudomány* XLI/1. (Mikola emlékkönyv) Szeged, 2001. pp. 63–68.
 98. **Csepregi M. 2003a.** Madárhangok az obi-ugor folklórban // Molnár Z., Zaicz G. (szerk.): *Permistica et Uralica. Ünnepi könyv Csúcs Sándor tiszteletére. Fenno-Ugrica Pázmániensia* I. Piliscsaba, 2003. pp. 42–49.
 99. **Csepregi M. 2003b.** A grammatizálódás egy esete az osztjákban // *Nyelvtudományi Közlemények* 100. 2003. pp. 117–125.
 100. **Csepregi M. 2004.** Másodlagos egyezések a magyar és az osztják nyelvben // Mészáros E., Szeverényi S., Wagner-Nagy B. (szerk.): *Mikola-konferencia 2002. Szeged: SzTE Finnugor Tanszék*, 2004. pp. 35–40.
 101. **Csepregi M. 2004/2005.** Zur Syntax der chantischen Rätsel // G. Klumpp et al. (hrsg.): *Festschrift für Ingrid Schellbach-Kopra zum 70. Geburtstag. Finnisch-Ugrische Mitteilungen* 28/29: Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2004/2005. pp. 19–43.

102. **Csepregi M. 2005a.** Das Vöglein und seine Schwester – Variationen eines obugrischen Märchentyps // C. Hasselblatt et al (hrsg.): Lihkkun lehkos! Beiträge zur Finnougristik aus Anlaß des sechzigsten Geburtstages von Hans-Hermann Bartens. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 65. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. pp. 56–64.
103. **Csepregi M. 2005b.** The Elk Myth in Ob-Ugrian Folklore // Pentikäinen J., Simoncsics P. (ed.): Shamanhood an endangered language. Oslo: Novus forlag, 2005. pp. 99–120.
104. **Csepregi M. 2006.** Egy keleti osztják sámánének // Hoppál M., Szathmári B., Takács A. (szerk.): Sámánok és kultúrák. Budapest: Gondolat Kiadó, 2006. pp. 149–157.
105. **Csepregi M. 2007a.** An Eastern Khanty Shaman Song // Shaman 15/1–2. 2007. pp. 5–26.
106. **Csepregi M. 2007b.** A kultúra hatása a nyelvre Északnyugat-Szibériában // Csepregi M., Masonen V. (szerk.): Grammatika és kontextus – új szempontok az uráli nyelvek kutatásában. Urálistikai tanulmányok 17. Budapest: ELTE Finnugor Tanszék, 2007. pp. 67–75.
107. **Csepregi M. 2008a.** Az osztják TAHI 'hely' szó helye a mondatban // Ünnepi írások Havas Ferenc tiszteletére. Urálistikai Tanulmányok 18. Budapest: ELTE Finnugor Tanszék, 2008. pp. 125–135.
108. **Csepregi M. 2008b.** A jávorszarvas mítosz az obi-ugor folklórban // Ünnepi írások Bereczki Gábor tiszteletére. Urálistikai Tanulmányok 19. Budapest: ELTE Finnugor Tanszék, 2008. pp. 121–140.
109. **Csepregi M. 2009a.** The very highly connected nodes in the Ob-Ugrian networks // J. Ylikoski (ed.) The Quasquicentennial of the Finno-Ugrian Society. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 258. 2009. pp. 9–32.
110. **Csepregi M. 2009b.** Szöveg és dallam viszonya a hanti énekekben // Fancsaly Éva (szerk.): Tanár és tanítvány. Írások Györke József és Hajdú Péter tiszteletére. Studia Linguistica. Pécs: Dialóg Campus, 2009. pp. 25–34.
111. **Csepregi M. 2009c.** Egy obi-ugor igekötőpár – kognitív szempontból // Fancsaly Éva (szerk.): Tanár és tanítvány. Írások

- Györke József és Hajdú Péter tiszteletére. *Studia Linguistica*. Pécs: Dialóg Campus, 2009. pp. 146–156.
112. **Csepregi M. 2012a.** Akarat, kívánság, képesség, készség kifejezése a szurguti hantiban // *Per Urales ad Orientem. Iter poliphonicum multilingue. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 264. 2012. pp. 39–52.
113. **Csepregi M. 2012b.** Participiális jelzős szerkezetek két hanti nyelvjárásban // *Nyelvtudományi Közlemények* 108. 2012. pp. 61–94.
114. **Csepregi M. 2013.** Többfunkciós morfémakapcsolatok a szurguti hantiban // *Nyelvtudományi Közlemények* 109. 2013. pp. 91–108.
115. **Csepregi M. 2014a.** Multi-functional participles in Surgut-Khanty // *Juuret marin murteissa, latvus yltää Uraliin. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 270. 2014. pp. 57–72.
116. **Csepregi M. 2014b.** Evidentiality in dialects of Khanty // *Linguistica Uralica* 50/3. 2014. pp. 199–211.
117. **Csepregi M. 2014c.** Az obi-ugrisztika egyik rejtélye // *Folia Uralica Debreceniensia* 21. 2014. pp. 13–24.
118. **Csepregi M. 2016.** Infinitivus a szurguti hantiban // *Nyelvtudományi Közlemények* 112. 2016. pp. 133–170.
119. **Csepregi M., Sosa, S. 2009.** Comparable sample texts of Surgut Khanty in 1996 and 2008 // *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 92. 2009. pp. 193–208.
120. **Csepregi M., Gugán K. 2010.** Orosz hatás az osztják aspektus- és akcióminőségrendszerre // É. Kiss K., Hegedűs A. (szerk.): *Nyelvelmélet és kontaktológia. Piliscsaba: Pázmány Péter Katolikus Egyetem BTK*, 2010. pp. 149–168.
121. **Csepregi M., Kajukova L. 2011.** Szellemeikkel teli nagy lábaskamra (adalékok a keleti hanti medveműnyelvhez) // *Folia Uralica Debreceniensia* 18. 2011. pp. 43–60.
122. **Donner K. 1932.** Samojedische Wörterverzeichnisse. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 64. Helsinki, 1932. pp. 150–164.
123. **Dudeck S. 2013.** Der Tag des Rentierzüchters. Repräsentation indigener Lebensstile zwischen Taigawohnplatz un Erdölstadt in Westsibirien. *Studies in Social and Cultural Anthropology – SEC Publications*. Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2013. 351 S.

124. **Fejes L. 2007.** A szurguti hanti fonémarendszer néhány kérdéséről // Nyelvtudományi Közlemények 104. 2007. pp. 169–180.
125. **Flinckenberg-Gluschkoff M. 2011.** Siperian sylissä. Helsinki: Maahenki Oy, 2011. 256 p.
126. **Ganschow G. 1965.** Die Verbalbildung im Ostjakischen. Ural-Altäische Bibliothek XIII. Wiesbaden. 152 C.
127. **Große C.– Dudeck S. 1999.** Ethnographische Expedition auf dem Fluss Agan (im Gebiet der Surguter Chanten, Westsibirien) // Hasselblatt C., Jääsalmi-Krüger P. (hrsg.): Europa et Sibiria. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altica Band 51. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. pp. 139–145.
128. **Gugán K. 2004.** Az igék morfológiai jelöltségéről és az igék kölcsönzéséről a szurguti osztjákban // Csepregi M., Várady E. (szerk.): Permiek, Finnek, magyarok. Írások Szij Enikő 60. születésnapjára. Urálistikai Tanulmányok 14. Budapest: ELTE Finnugor Tanszék, 2004. pp. 66–72.
129. **Gugán K. 2005.** Időhatározói alárendelő kötőszavak grammatikalizációja a szurguti osztjákban // Oszkó B., Sipos M. (szerk.): Uráli grammatizáló. Budapesti Uráli Műhely 4. Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet, 2005. pp. 135–146.
130. **Gugán K. 2006.** A szintaktikai változások feltételezett egyirányúságáról // Nyelvtudományi Közlemények 103. 2006. pp. 61–74.
131. **Gugán K. 2008.** Egy finnugrisztikai csodabogárról. Nyomozás a szurguti osztják jelöletlen múlt után // Sinkovics B. (szerk.): Lingdok 7. Nyelvész-doktoranduszok dolgozatai. Szeged: Szegedi Tudományegyetem, Nyelvtudományi Doktori Iskola, 2008. pp. 27–42.
132. **Gugán K. 2013.** Aspektus és akcióminőség a hantiban (szurguti nyelvjárás). PhD értekezés. Szeged, 2013. 259 p. (рукопись)
133. **Hajdú P., Mikola T. 1992.** Heikki Paasonen osztjákföldi levelei Otto Donnerhez // Hajdú P. (szerk.): Zsirai Miklós emlékkönyv. Urálistikai Tanulmányok 5. Budapest: ELTE Finnugor Tanszék, 1992. pp. 129–181.
134. **Havas et al. 2015.** = Havas F., Csepregi M., F. Gulyás N., Németh Sz. Az ugor nyelvek tipológiai adatbázisa / Typological Database of

- the Ugric Languages. Budapest: ELTE Finnugor Tanszék. 2015. (www.utdb.elte.hu)
135. **Honti L. 1977.** Beobachtungen über die Laut- und Formenlehre gegenwärtiger Surguter Mundarten der Ostjakischen // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae 27. Budapest, 1977. pp. 271–286.
136. **Honti L. 1978.** Szurguti osztják szójegyzék. Nyelvtudományi Közlemények 80. 1978. pp. 327–345.
137. **Honti L. 1979.** Magánhangzó-váltakozás két szurguti osztják nyelvjárásban // Nyelvtudományi Közlemények 81. 1979. pp. 119–123.
138. **Honti L. 1980.** Ostjakin kielen itämurteiden luokittelu // Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum 5/VI. Turku, 1980. pp. 95–100.
139. **Honti L. 1982.** Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. 225 p.
140. **Honti L. 1984.** Chrestomathia Ostiatica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1984. 285 p.
141. **Honti L. 1988.** Die ostjakische Sprache // Sinor, D. (ed) The Uralic Languages, Leiden–New York–Kobenhavn–Köln: EJ. Brill, 1988. pp. 172–196.
142. **Honti L. 1999.** Az obi-ugor konzonantizmus története. Studia uralo-altaica supplementum 9. Szeged: József Attila Tudományegyetem, 1999. 151 p.
143. **Jankó J. 2000.** Utazás Osztjákföldre. Bevezetővel ellátta, szövegét gondozta ifj. Kodolányi János. Series Historica Ethnographiae 11. Budapest: Néprajzi Múzeum, 2000. – 400 p.
144. **Jordan P. 2003.** Material Culture and Sacred Landscape: The Antropology of the Siberan Khanty. Walnut Creek – Lanham – New York – Oxford: AltaMira Press, 2003. 309 p.
145. **Jordan P., Filtchenko A. 2005.** Continuity and Change in Eastern Khanty Language and Worldview // Kasten E. (ed.) Rebuilding Identities. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2005. pp. 63–88.
146. **Karjalainen K. F. 1904.** Zur ostjakischen Lautgeschichte. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 23. Helsingfors, 1904. 304 p.

147. **Karjalainen K. F. 1918.** Jugralaisten uskonto. Suomensuvun uskonnot III. Porvoo: WSOY, 1918. 601 p.
148. **Karjalainen K. F. 1921–1927.** Die Religion der Jugravölker I–III. Folklore Fellows Communications No. 41, 44, 63. Porvoo, 1921, 1922, 1927. 214+386+352 p.
149. **Karjalainen K. F., Toivonen Y. H. 1948.** Ostjakisches Wörterbuch. Lexica Societatis Fenno-Ugricae X/I–II. Helsinki, 1948. 1199 S.
150. **Karjalainen K. F., Vértes E. 1964.** Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 128. Helsinki, 1964. 341 p.
151. **Kerezi Á. 1995.** Music Instruments in the Ritual Ceremonies of the Ob-Ugrians // *Folk Belief Today*, Tartu, 1995. pp. 182–189.
152. **Kerezi Á. 1996.** Similarities and Differences in the Eastern-Khantis // *Shamanism*, Berlin–New York, 1996. pp. 183–199.
153. **Kerezi Á. 1997a.** A szurguti osztjások életmódja és hitvilága // Lázár K. (szerk.): *Tanulmányok a szurguti osztják kultúráról*. Budapest: Néprajzi Múzeum, 1997. pp. 13–58.
154. **Kerezi Á. 1997b.** Characteristics of the life, culture and beliefs of the Ostyaks of the Surgut region // *Acta Ethnographica Hungarica* 42. Budapest, 1997. pp. 349–413.
155. **Kerezi Á. 2001.** A szurguti osztjások hagyományos kultúrája és életmódja napjainkban // *Ethnographia* 112. Budapest, 2001. pp. 123–148.
156. **Kodolányi J. 1973.** A finnugor őshaza nyomában. Budapest: Gondolat, 1973. 449 p.
157. **Konsin K. 1978.** Surguti hantide olme eripära // *Etnograafiamuuseumi aastaraamat* 31. Tallinn, 1978. pp. 149–176.
158. **Koshkareva N. 2001.** The case systems of nouns and pronouns in Khanty // Boeder W., Hentschel G. (Hrsg.): *Variierende Markierung von Nominalgruppen in Sprachen unterschiedlichen Typs. Studia Slavica Oldenburgensia* 4. Oldenburg: Bibliotheks- und Informationssystem der Universität Oldenburg, 2001. pp. 235–254.
159. **Kulonen U-M. 1989.** The Passive in Ob-Ugrian, Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 203. Helsinki, 1989. 332 p.

160. **Larsson L-G.** 2002. „...bin ich vermutlich der erste und letzte Fremde, der Kurgane hier in Westsibirien untersucht“ // Helinski E., Widmer A. (Hrsg.): Sei gegrüsst! Beiträge zur Finnougristik zu Ehren von Gert Sauer dargebracht zu seinem siebzigsten Geburtstag. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 57. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. pp. 229–238.
161. **Lázár K.** 1994. Some Problems of Notating and Analyzing Ostyak Folk Melodies // Explorations in Finnish and Hungarian Folk Music and Dance Research. Vol. 1. Kaustinen, Finland, 1994. pp. 112–122.
162. **Lázár K.** 1996a. The Song of the Eastern Khanty // Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum 8., Pars VI, Jyväskylä, 1996. pp. 215–220.
163. **Lázár K.** 1996b. Notating and Analyzing an Eastern Khanty Folk Song // Zoltán Kodály – Composer, Musicologist and Educationist. Jyväskylä, 1996. pp. 89–103.
164. **Lázár K.** 1996c. A keleti hantik vokális népzeneje. Budapest, 1996. 158 p.
165. **Lázár K.** 1997a. Music in Eastern Ostyak Culture // Studia Musicologica Academiae Scientiarum Hungaricae 38/3–4. Budapest, 1997. pp. 241–292.
166. **Lázár K.** 1997b. Keleti (szurguti) osztják énekek // Tanulmányok a szurguti osztják kultúráról. Budapest: Néprajzi Múzeum, 1997. 105–140.
167. **Lázár K.** 1997c. Folk Songs of the Eastern Ostyaks // Studies on Surgut Ostyak Culture. Budapest, Museum of Ethnography, 1997. pp. 109–146.
168. **Lázár K.** 2001. Three Surgut variants of the Ob-Ugrian song of the moose // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum, Pars VII. Tartu, 2001. pp. 103–108.
169. **Lázár K. – Csepregi M.** 1998. Keleti osztják bölcsődalok // Gupcsó Á. (szerk.) Zenetudományi dolgozatok 1997–1998. Budapest, 1998. pp. 211–221.
170. **Martin F.** 1897. Sibirica: Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur der sibirischen Völker. Stockholm, 1897.
171. **Nazarenko R.** 2005. Tunes of Shamanic Singing and Séances // Pentikäinen J., Simoncsics P. (ed.): Shamanhood an endangered language. Oslo: Novus forlag, 2005. pp. 173–178.

172. **Niemi J. 2001.** To the problem of meter and structure in Khanty songs: a case of an Eastern Khanty bear feast song // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum Pars VII. Tartu, 2001. pp. 131–137.
173. **Paasonen H. 1903.** Matkakertomuksia vuosilta 1900–1902 // Journal de la Société Finno-Ougrienne 21/5. Helsinki, 1903. p. 18.
174. **Paasonen H., Donner K. 1926.** Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan. Lexika Societatis Fenno-Ugricae 2. Helsingfors, 1926. – 334 p.
175. **Paasonen H., Vértes E. 1963.** Ostjakische grammatikalische Aufzeichnungen nach den Dialekten an der Konda und am Jugan // Journal de la Société Finno-Ougrienne 66. Helsinki, 1963. 96 p.
176. **Pápai K., Munkácsi B. 1896.** Déli osztják szójegyzék. Nyelvtudományi Közlemények 26. 1896. pp. 9–66. (Ugor Füzetek 12.)
177. **Pentikäinen J. 1997.** Shamanism and Culture. Helsinki: Etnika CO, 1997. 136 p.
178. **Pentikäinen J. 1998.** Samaanit. Pohjoisten kansojen elämäntaistelu. Helsinki: Etnika OY, 1998. 159 p.
179. **Peszikova A. 1993.** Az obi-ugor népek világgépe // Néprajzi Hírek 22. Budapest, 1993. pp. 98–100.
180. **Sauer G. 1975.** Phonologische Analyse der ostjakischen Mundart von Tremjugan, // Linguistische Studien, Reihe A. Arbeitsberichte 22. Berlin, 1975. pp. 130–155.
181. **Sauer G. 1967.** Die Nominalbildung im Ostjakischen, Finnisch-Ugrische Studien V, Berlin: Akademie Verlag, 1967. 254 p.
182. **Schiefer L., Schiefer E. 1984.** Lexikon der ostjakischen Sprache. Dialekt von Tremjugan. Ars Ob-Ugrica. Band 3. München, 1984.
183. **Schön Zs. 2014.** Postpositionale Konstruktionen in chantischen Dialekten. PhD Dissertation. München, 2014. 229 p. (рукопись)
184. **Siikala A-L., Napolskikh V., Hoppál M. 2006.** Khanty Mythology. Encyclopaedia of Uralic Mythologies 2. Budapest – Helsinki: Akadémiai Kiadó – Finnish Literature Society, 2006. 241 p.
185. **Sirelius U. T. 1983.** Reise zu den Ostjaken. Übersetzt und herausgegeben von Ingrid Schellbach. Travaux ethnographiques de la Société Fenno-Ougrienne XI. Helsinki, 1983.

186. **Sosa S. 2009.** Merkitys on enemmän kuin sanat ja teksti // Idström A., Sosa S. (toim.): Kielissä kulttuurin ääni. Tietolipas 228. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2009. pp. 137–155.
187. **Steinitz W. 1950.** Geschichte des ostjakischen Vokalismus, Finnisch-Ugrische Studien I. Berlin. 1950. 138 p.
188. **Steinitz W. 1967–1991.** Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. 1–14. Lieferungen, Berlin: Akademie Verlag. 1967–1991. 2023 S.
189. **Steinitz W. 1975–1989.** Ostjakologische Arbeiten I–IV. Budapest: Akadémiai Kiadó; Berlin: Akademie Verlag; Den Haag, 1975–1989. 468+320+641+493 p.
190. **Vértes E. 1960.** A szurguti osztják nyelvjárások hangjelöléséről és hangmegfeleléséről // Nyelvtudományi Közlemények 62. 1960. pp. 255–279.
191. **Vértes E. 1962.** Die Namen der Monate bei den Surgut-Ostjaken // Finnisch-Ugrische Forschungen 34. 1962. pp. 144–147.
192. **Vértes E. 1963.** Über einige grammatische Fragen der Surgut-ostjakischen Mundarten. Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapest, 1963. pp. 184–187.
193. **Vértes E. 1967.** Die ostjakischen Pronomina, Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. 272 p.
194. **Vértes E. 1990.** Szibériai nyelvrokonaink hitvilága. Budapest: Tankönyvkiadó 1990. 405 p.
195. **Vértes E. 1999.** Az osztják magánhangzó-illeszkedés felbomlásához // Magyar Nyelvjárások 36, Debrecen, 1999. pp. 129–142.
196. **Vértes E. 1997.** Die Mythologie der Uralier Sibiriens // Schmalzriedt E., Haussig H. W. (Hrsg): Wörterbuch der Mythologie 30–31. Lieferung. Würzburg: Klett–Cotta, pp. 389–700.
197. **Wiget A., Balalaeva, O. 2011.** Khanty, people of the taiga: surviving the twentieth century. Fairbanks: University of Alaska Press, 2011. 398 p.
198. **Winter E. 1995.** Szibériai rokonaink. Budapest: Vizió Alkotóközösség, 1995.
199. **Zsirai M. 1933.** Az obi-ugor igekötők // Értekezések a Nyelv és Széptudományi Osztály Köréből. XXV. kötet. 3. szám. 1933. pp.

- 41–82. Reprint: Hajdú P. (szerk.): Zsirai Miklós emlékkönyv. Urálisztikai Tanulmányok 5. Budapest, 1992. pp. 75–116
200. **Zsirai M. 1937.** Finnugor rokonságunk. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1937. 583 p.

**Тексты, опубликованные на сургутском диалекте
хантыйского языка**

201. **Айваседа Ю., Корниенко О. 1999.** Загадай моя загадка! // Путём Хозяйки Агана. Нижневартовск, 1999. 100–108. с.
202. **Айкӧл 2014.** Сургутский район қәнтәх газета. № 1–7.
203. **Айпин Е. 1981.** Инэл лыхэл сайны. В тени старого кедра. На хантыйском и русском языках. Свердловск: Средне-уральское книжное изд-во, 1981. 256 с.
204. **Айпин Е. 1991.** Вэрти авэл. Ханты-Мансийск, 1991. 34 с.
205. **Айпин Е. 2002а.** Пан сәмәли. Ключвинка. СПб.: Просвещение, 2002. 63 с.
206. **Айпин Е. 2002б.** Посреди бора длинный хвост. М., 2002.
207. **Айпин Е. 2003а.** Әнәд дыхәд сайнә. В тени старого кедра. Книга для дополнительного чтения в 5–6 кл. хантыйских школ (сургутский диалект). СПб.: Просвещение, 2003. 71 с.
208. **Айпин Е. 2003б.** Ма мәхэв қәдәнтәдәм. Я слушаю землю. Книга для дополнительного чтения в 3–4 кл. хантыйских школ (сургутский диалект). СПб.: Просвещение, 2003. 111 с.
209. **Данило У.А. 2011.** Сохраним язык в семье. Детские творческие работы. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2011. 80 с. Сургутские тексты на страницах 54–58.
210. **Кошиль Л. 2010.** Люськины приключения. Нижневартовск – Екатеринбург: Изд-во Баско, 2010. Сургутские тексты на страницах 19–21, 71, 74.
211. **Кошкарёва Н.Б. 2003.** Сургутский диалект хантыйского языка (тром-аганский говор). // Языки коренных народов Сибири. Вып. 10. Экспедиционные материалы. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2003. С. 107–140.
212. **Кошкарёва Н.Б. 2004.** Образцы текстов на сургутском диалекте хантыйского языка. // Кошкарёва Н. Б., Широбокова

- Н. Н. (ред.), Языки коренных народов Сибири. Вып. 13. Экспедиционные материалы. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2004. С. 104–148.
213. **Кошкарёва Н.Б., Песикова А.С. 2006.** Варəҗ йăвəн неврем моньчəт. Детские сказки варьёганских ханты. Ханты-Мансийск: Полиграфист. 2006. 108 с.
214. **Нёмысова Е.А., Каюкова Л.Н. 2007.** Хантыйские загадки. На казымском и сургутском диалектах. Ханты-Мансийск: Полиграфист. 2007. 86 с.
215. **Песикова А. С. 2002.** Глухариной горы женщины мужчины сказка // Труфанов А. Я. – Чемякин Ю. П. (ред.), Барсова гора – 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 75–85.
216. **Песикова А.С. 2009.** Лапəт қотəҗ пухəд. [Рассказы сургутских ханты] //Хəнты ясаҗ. 2009. 30 мая. С. 4.
217. **Песикова А.С., Волкова А.Н. 2013.** Лимəҗи йəвтəм монтьəт, ясчəт. Сказки, рассказы с реки Лямы. Фольклорный сборник на языке сугуртских ханты. Ханты-Мансийск: Юграфика. 2013. 328. с.
218. **Пушкин А.С. 2002.** Монщəт. Перевод А. С. Песиковой. СПб.: Просвещение, 2002. Сургутские тексты на страницах 21–29, 50–85.
219. **Тёрəм-йăвəн қəсəлит – Тром-Аганские звёздочки.** Газета школы-интерната деревня Русскинская.
220. **Хандыбина О.В. 2011.** Щащем моньчəт. Сказки моей бабушки. Сборник текстов хантыйского фольклора. Ханты-Мансийск: ОАО «Информационно-издательский центр», 2011. 165 с. Сургутские тексты на страницах 56–91 и 124–130.
221. **Хəнты ясаҗ 2005–2012.** Общественно-политическая газета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.
222. **Чепреги М. 2015.** Сказки и рассказы сургутских ханты. Фольклорный сборник. Ханты-Мансийск: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. 2015. 118 с.
223. **Csepregi M. 1993a.** Lintunen ja hänen sisarensa. Hantilainen satu Tromagan-joen rannalta. // Festschrift für Raija Bartens. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 215. Helsinki, 1993. pp. 49–52.

224. **Csepregi M. 1993b.** Az összeférhetetlen egér. Tromagani osztják mese // Sz. Bakró-Nagy M., Szij E. (szerk.): Hajdú Péter 70 éves. *Lingustica Series A/15*. Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet, 1993. pp. 59–64.
225. **Csepregi M. 1997a.** Mutatványok a szurguti osztják folklór műfajaiból // Lázár Katalin (szerk.): *Tanulmányok a szurguti osztják kultúráról*. Budapest: Néprajzi Múzeum, 1997. pp. 59–104.
226. **Csepregi M. 1997b.** Samples from the Genres of Ostyak folklore // Lázár K. (edit.): *Studies on Surgut Ostyak Culture*. Budapest: Museum of Ethnography, 1997. pp. 59–107; *Acta Ethnographica Hungarica* 42: 285–348.
227. **Csepregi M. 1998:** Szurguti osztják chrestomathia. *Studia uraloaltaica supplementum* 6. Szeged: József Attila Tudományegyetem, 1998. 183 p.
228. **Csepregi M. 2002.** Texte in chantischer Sprache vom Fluss Agan // Helimski E., Widmer A. (Hrsg.): *Sei gegrüsst! Beiträge zur Finnougristik zu Ehren von Gert Sauer dargebracht zu seinem siebzigsten Geburtstag*. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altica 57. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. pp. 85–93.
229. **Csepregi M. 2003.** Egy tromagani osztják jávorének // Bakró-Nagy M., Rédei K. (szerk.): *Ünnepi kötet Honti László tiszteletére*. Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet, 2003. pp. 80–87.
230. **Csepregi M. 2004/2005.** Zur Syntax der chantischen Rätsel // Klumpp G. et al. (hrsg.): *Festschrift für Ingrid Schellbach-Kopra zum 70. Geburtstag*. Finnisch-Ugrische Mitteilungen 28/29. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2004/2005. pp. 19–43.
231. **Csepregi M. 2011a.** Szurguti osztják chrestomathia. Javított kiadás. 2011. [http://babel.gwi.uni-muenchen.de/media/downloads/SzOCh_FUT_20110721.pdf]
232. **Csepregi M. 2011b.** Irina Kecsimova énekes repertoárja. Adatbázis. 2011. [<http://babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=enekek>]
233. **Csepregi M. 2011c.** Szurguti hanti folklór szövegek. *Budapesti Finnugor Füzetek* 22. Budapest: ELTE Finnugor Tanszék, 2011. 137

234. **Csepregi M., Lázár K. 1998.** Keleti osztják bölcsődalok // Gupcsó Á. (szerk.): Zenetudományi dolgozatok 1997–1998. Budapest, 1998. pp. 211–221.
235. **Csepregi M., Sosa, S. 2009.** Comparable sample texts of Surgut Khanty in 1996 and 2008 // Journal de la Société Finno-Ougrienne 92. Helsinki, 2009. pp. 193–208.
236. **Honti L. 1978:** Tromagani osztják szövegek // Nyelvtudományi Közlemények 80. pp. 127–139.
237. **Honti L. 1984:** Chrestomathia Ostiatica. Budapest: Tankönyvkiadó.
238. **Honti L., Rusvai J. 1977.** Pimi osztják szövegek // Nyelvtudományi Közlemények 79. Budapest, 1977. pp. 223–232.
239. **Koshkarëva N. 2005.** Ivan Stepanovich Sopochin: Biography of a Shaman. // Pentikäinen J., Simoncsics P. (eds.) Shamanhood: an endangered language. Oslo: Novus Forlag. 2005. pp. 121–171.
240. **Lázár K. 1997.** Keleti (szurguti) osztják énekek. // Tanulmányok a szurguti osztják kultúráról. Budapest: Néprajzi Múzeum, 1997. pp. 105–140.
241. **Paasonen H., Vértes E. 2001.** H. Paasonens surgutostjakische Textsammlungen am Jugan. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 240. Helsinki, 2001. 111 p.
242. **Szopocsina, A. 1995.** Стихотворения в фотоальбоме Винтер Э. «Наши сибирские сородичи» (Winter Erzsi: Szibériai rokonaink). Budapest: Vizió Alkotóközösség, 1995.

Учебники, учебные пособия, разговорники

243. **Волкова А.Н., Соловар В.Н. 2016.** Краткий русско-хантыйский словарь (сургутский диалект). Ханты-Мансийск: ОУИПИИР 2016. 100 с.
244. **Демешкевич, Ф.К., Ишбаев М.М., Салихова Л.И. 2003.** Картинный словарь хантыйского языка (варьеганский подговор аганского говора сургутского диалекта): пособие для учащихся начальных классов. СПб.: Просвещение. 2003. 95 с.
245. **Кулинич Е.Д. 2000.** Русско-хантыйский разговорник (сургутский диалект). СПб.: Просвещение. 2000.

246. **Кулинич Е.Д. 2003.** Чтение (хантыйский язык сургутский диалект): учебник для 3 класса общеобразоват. школ. СПб.: Просвещение 2003. 118 с.
247. **Нёмысова Е.А., Песикова А.С., Прасина М.А. 2008.** Картинный словарь шурышкарского, казымского, сургутского и ваховского диалектов хантыйского языка. СПб.: Миралл, 2008. 96 с.
248. **Песикова А.С. 2002.** Хантыйский язык = Қәнтәк көд. Учебник для 3 класса (сургутский диалект). СПб.: Просвещение, 2002. 135 с.
249. **Песикова А.С. 2003а.** Хантыйский язык = Қәнтәк көд. Учебник для 3 класса общеобразоват. школ (сургутский диалект). СПб.: Полиграфист, 2003. 104 с.
250. **Песикова А.С. 2003б.** Хантыйский язык = Қәнтәк көд. Учебник для 4 класса общеобразоват. школ (сургутский диалект). СПб.: Просвещение, 2003. 127 с.
251. **Песикова А.С. 2005.** Картинный словарь хантыйского языка (сургутский диалект). Учеб. пособие для учащихся 1–4 классов общеобразовательных учреждений. СПб.: Просвещение, 2005. 127 с.
252. **Песикова А.С. 2007.** Хантыйско-русский тематический словарь (сургутский диалект). Учеб. пособие для учащихся 1–4 классов общеобразовательных учреждений. СПб.: Просвещение, 2007. 74 с.
253. **Песикова А.С. 2008а.** Хантыйский язык (сургутский диалект). Букварь 1 кл. = Қәнтәк көд. Учебник для общеобразоват. школ СПб.: Полиграфист, 2008. 124 с.
254. **Песикова А.С. 2008б.** Хантыйский язык (сургутский диалект). 2 кл. = Қәнтәк көд. Учебник для общеобразоват. учрежд. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. 144 с.
255. **Песикова А.С. 2008в.** Хантыйский язык (сургутский диалект). 3 кл. = Қәнтәк көд. Учебник для общеобразоват. учрежд. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. 132 с.
256. **Песикова А.С. 2008г.** Хантыйский язык (сургутский диалект). 4 кл. = Қәнтәк көд. Учебник для общеобразоват. учрежд. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. 128 с.

257. **Песикова А.С. 2010.** Букварь хантыйского языка (сургутский диалект). Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 108 с.
258. **Песикова А.С., Ермакова Р.И., Смирнова Ф.И. 1996.** Хантыйский язык = Қәнтәк көд. Учебник и книга для чтения для 2 класса (сургутский диалект). СПб.: Просвещение, 1996. 146 с.
259. **Песикова А.С., Нёмысова Е. А. 2009.** Хантыйский язык (сургутский диалект). 5–9 кл. Учебно-наглядное пособие для общеобразоват. учрежд. СПб.: Просвещение, 2009. 96 с.
260. **Песикова А.С., Волкова А.Н. 2010.** Книга для чтения (сургутский диалект) 4 класс. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 133 с.
261. **Покачева Е.П., Песикова А.С. 2006.** Русско-хантыйский разговорник (сургутский диалект). Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. 121 с.
262. **Салтыков И.А. 1959а.** Русско-хантыйской (сургутский) постатейный словарь. Приложение к «Книге для чтения в первом классе школы народов Севера» А. Ф. Бойцовой, Л. А. Варковицкой, Л. А. Вобловой. Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. 26 с.
263. **Салтыков И.А. 1959б.** Русско-хантыйской (сургутский) постатейный словарь. Приложение к «Книге для чтения во втором классе школы народов Севера» С. М. Лазуко. Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. 29 с.
264. **Терёшкин Н.И. 1959.** Букварь для подготовительного класса хантыйской начальной школы. Сургутский диалект. Л.: Учпедгиз, 1959. 150 с.
265. **Терёшкин Н.И. 1975а.** Букварь для подготовительного класса (на языке сургутских ханты). 2-е изд., испр. и доп. Л.: Просвещение, 1975. 127 с.
266. **Терёшкин Н.И. 1975б.** Хантыйский язык = Қәнтәк көд. Учебник для подготовительного класса (на языке сургутских ханты). Л.: Учпедгиз, 1975. 156 с.
267. **Терёшкин Н.И., Кулинич Е.Д., Венго М.В. 1992.** Букварь. СПб.: Просвещение, 1992.

Научное издание

Чепреги Марта

СУРГУТСКИЙ ДИАЛЕКТ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Научный редактор: Н.Б. Кошкарева
Редактор хантыйского текста: А.С. Песикова
Перевод на русский язык: Т. А. Ефремова

Технический редактор: А.А. Шиянова
Верстка: И.Ю. Семенова

Оригинал-макет подготовлен Климов А.В.

Подписано в печать 15.12.2017.
Формат 60x84/16. Гарнитура «Times New Roman, PT Serif».
Усл. п. л. 6,98. Тираж 150 экз. Заказ № 1421.

Отпечатано ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск»,
г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46.
Тел. 334-991. E-mail: pmhm@bk.ru.

Марта Чепреги
(род. 1950)

Доктор филологических наук, доцент, венгерский финно-угровед, исследователь языков и культур обско-угорских народов. С 1990-х годов занимается изучением сургутского диалекта хантыйского языка. Доцент Будапештского университета им. Л. Этвеша и бывший профессор университета г. Хельсинки. Автор более 200 научных публикаций, в том числе 9 книг.